

А.Л. Юрганов

КУЛЬТ ОШИБКИ

Теоретический фронт
и Сталин

(середина 20-х — начало 30-х гг. XX в.)

А.Л. Юрганов

КУЛЬТ ОШИБКИ

Теоретический фронт
и Сталин

(середина 20-х — начало 30-х гг. XX в.)

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2020

УДК 82
ББК 83.3
Ю65

Юрганов А.Л.

Ю65 Культ Ошибки. Теоретический фронт и Сталин (середина 20-х — начало 30-х гг. XX в.). — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. — 232 с.

ISBN 978-5-98712-862-6

Книга посвящена истории борьбы в СССР философских школ и становлению культа личности Сталина. Вплоть до 1929 г. генерального секретаря партии большевиков рассматривали как видного администратора — практика строительства социализма, но не теоретика. Чтобы получить всю полноту власти в стране, Сталину необходимо было заставить советское общество и советскую науку поверить в то, что он еще и «классик марксизма-ленинизма», теоретик, знающий, как построить социализм в стране победившего пролетариата.

Книга предназначена для специалистов, студентов гуманитарных вузов и всех тех, кто интересуется историей сталинизма в СССР.

*В оформлении обложки использована картина
А. Айзенштата «Йозеф К. Процесс»
(2015, частная коллекция).*

ISBN 978-5-98712-862-6

© Юрганов А.Л., правообладатель, 2020

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2020

Глава первая

Академик Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963) — глава разгромленного философского фронта, чудом уцелевший от репрессий, — начал борьбу за свою реабилитацию сразу после смерти И.В. Сталина. Но в 1953 году он еще не ставил под сомнение решение ЦК ВКП(б) о журнале «Под Знаменем Марксизма», принятое в январе 1931 года, в котором прямо осуждалось поведение «так называемого философского руководства» во главе с Дебориным, не желавшего подчиняться в философии марксизма решениям партии¹. Смерть Сталина породила надежды лишь на приостановку травли академика, развернувшейся в 1949 г. в эпоху борьбы с космополитизмом.

«...факты не должны быть фальсифицированы»

А.М. Деборин работал тогда в Институте истории АН СССР. В июне 1949 г. он был изгнан из Института, снят с должности заведующего сектором новейшей истории (работал с 1943 г.), но вскоре восстановлен в должности старшего научного сотрудника. Что вменялось ему? Слабое руководство сектором, «неправильный подбор кадров» — ну и давно сопутствующее ему определение «меньшевиствующего идеалиста», который постоянно совершает одни и те же ошибки «буржуазно-объективистского характера».

20 марта 1953 г. состоялось заседание Президиума АН СССР, посвященное персональному делу А.М. Деборина. В докладе директора Института истории АН СССР А.Л. Сидорова было озвучено решение: «В Институте истории имеется засоренность кадров. В Институте ра-

ботаю ряд лиц, привлекавшихся в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность, примыкавших ранее к враждебным партиям и группам. К сожалению, я должен указать и имя тов. Деборина, длительное время ведшего пропаганду меньшевистствующего идеализма, который в своей научной продукции, опубликованной в последнее время, не показал, что он решительным образом преодолел старые недостатки»².

А.М. Деборин присутствовал на этом заседании. Он выступил резко против. Ему помогло и то, что в текст постановления закралась фактическая ошибка: на самом деле он никогда не привлекался к судебной ответственности — это была клевета!

Да, верно, я был меньшевиком. Но ЦК принял меня в члены партии без прохождения кандидатского стажа специальным постановлением. Значит, знали в ЦК, что я был меньшевиком... Неправильно говорили здесь т. Сидоров и другие, что я не написал ничего, где бы я не раскрыл свои ошибки. Нет, после этого я написал книжку «Маркс и современность», которая была выпущена со специальной санкции ЦК³.

Пафос Деборина — «факты не должны быть фальсифицированы!» Он признал, что совершил «крупнейшие ошибки в области философии по части меньшевистствующего идеализма», но он не был репрессирован, — и более того: «...был избран членом Президиума АН и академиком-секретарем сначала целых трех Отделений, потом одного Отделения, в каковой должности я пробывал с 1934 по 1942 г.»⁴.

Смерть Сталина заставила функционеров Президиума АН СССР быть осторожными. Беспокойства прибавило и то, что 4 апреля 1953 г. было опубликовано правительственное сообщение о реабилитации «врачей-вредителей».

2 апреля 1953 г. Деборин обратился к заведующему Отделом исторических и экономических наук ЦК КПСС тов. А.М. Румянцеву с письмом, в котором рассказал о «вопиющей клевете» и «надругательстве над членом партии», которые ему пришлось пережить на заседании Президиума АН СССР 20 марта 1953 г.

9 апреля 1953 г. он написал письмо Н.С. Хрущеву и опять рассказал горькую правду о «вопиющей клевете» и «надругательстве», подчеркивая важную деталь, которая и в самом деле могла сыграть решающую роль в его судьбе: он не был осужден и не был исключен из партии, и даже его «меньшевиствующий идеализм» давно уже преодолен! На этом этапе Деборин не ставил перед собой целью полную реабилитацию. Ближайшая цель была иной — рассказать о своих многочисленных трудах, которым не дают право быть опубликованными. Это была борьба за профессиональную деятельность без ограничений, которые, как он считал, ничем не обоснованы. Он просил пересмотреть постановление Президиума Академии наук от 20 марта 1953 г. «в части, касающейся меня, как не соответствующего объективным фактам», а также — «о привлечении к ответственности работников академического аппарата, допустивших против меня злостную клевету, порочащую мою политическую честь»⁵.

По воспоминания А.М. Некрича, постановление Президиума Академии наук от 20 марта 1953 г. обсуждалось в Институте истории спустя десять дней после сообщения в прессе о том, что «дело врачей» было провокацией бывшего руководства государственной безопасности. Деборин выступил против своих гонителей необычайно резко и даже гневно. «Все это ложь!», — говорил он с трибуны⁶.

8 мая 1953 г. Отдел науки ЦК КПСС обратился со служебной запиской к Н.С. Хрущеву, в которой сообщалось, что проверка Отделом науки не подтвердила обоснованность требований академика «об отмене пункта поста-

новления Президиума АН, касающегося оценки его научной работы, а также наказании работников аппарата Президиума якобы за клевету»⁷.

Деборин являлся одним из главных проповедников меньшевистствующего идеализма. Меньшевистские «теории» Деборина нанесли вред не только Коммунистической партии Советского Союза, но и зарубежным компартиям. Об этом, в частности, пишет Мао Цзе-дун...⁸

В этой служебной записке были повторены все суждения гонителей Деборина о несостоятельности его трудов, особенно в теоретической части. Неизменным оставался давний мотив изгнания деборинской школы из чертогов марксизма: отрыв теории от практики социалистического строительства, отрыв марксизма от «философии диалектического материализма». Любое гонение на Деборина основывалось на решении партии о «меньшевистствующем идеализме». Этот порочный круг можно было разорвать только при условии, что обвинение в меньшевистствующем идеализме покажется кому-то сомнительным — хотя бы в малейшей степени.

14 октября 1954 г. Деборин написал письмо в ЦК КПСС, в котором счел своим «партийным и гражданским долгом» сообщить: «Я подвергнут самому тяжелому наказанию — общественному ostrакизму». Вновь он стал говорить о своих трудах, упоминая, что их не принимают не потому, что они ошибочны, а потому лишь, что их автором является Деборин! «На каждом шагу мне приходится убеждаться в том, что я ограничен в правах советского гражданина, хотя и никакого преступления не совершил. Если у меня и были те или иные ошибки теоретического характера (у кого их не было?) четверть века тому назад, но эти ошибки во всяком случае не были более тяжкими, чем ошибки многих и многих товарищей, занимающих ответственные посты и награжденных орденами за выслугу лет

и безупречную работу»⁹. В этом письме он подробно описал свою революционную жизнь с 1898 года, знакомство с Лениным. Упомянул, что вождь мирового пролетариата конспектировал его «юношеский» труд «Диалектический материализм». Когда же речь зашла о философском фронте, он еще раз подчеркнул, что ошибки были у многих, — почему они прощаются многим, но не Деборину?

В 1931 г. мои взгляды были квалифицированы как «меньшевистствующий идеализм», и все мои многочисленные работы были, без всякого разбора, изъяты из обращения. Несмотря на признание мною ошибок, я был лишен права преподавания, меня перестали печатать. Это фактически продолжается до настоящего времени, т.е. двадцать три года. Какие только перевороты не произошли за это время!¹⁰

И в самом деле — это загадка. Что бы ни писал Деборин в свое оправдание — а мотивы были сильные, включая ленинское отношение к его трудам, — ничего не действовало, как будто это решение было заколдованным, а сознание функционеров партии находилось под гипнозом.

Меня обесславили идеалистом и гегельянцем. Ирония судьбы! Следуя за Марксом, Энгельсом и Лениным, именно я подверг идеализм и гегельянство наиболее острой критике. Никто никогда не подвергал мои работы научной критике, ограничиваясь огульным обвинением всего того, что написано мною, идеалистическим¹¹.

Деборин смелее стал говорить об отсутствии аргументов у его противников, подбираясь все ближе и ближе к вопросу, с которого начинались все его обвинения, — к вопросу о решении партии 1931 года.

Но и на этот раз Отдел науки ЦК КПСС, вынужденный писать служебную записку от 30 декабря 1954 г. на имя секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова, не изменил свою точ-

ку зрения, подчеркивая, что Деборин «пытается умалить и даже совсем отрицать допускавшиеся им ошибки, которые квалифицировались в известном постановлении ЦК ВКП(б) от 25.01.1931 г. «О журнале “Под знаменем марксизма” как проявления меньшевистствующего идеализма».

Авторы записки А. Румянцев и А. Лихолат интуитивно верно уловили настроение Деборина, стремящегося разными окольными путями доказать, что постановление партии уже пора пересмотреть: «Ак. Деборин, требуя, по существу, пересмотра этого решения ЦК партии, отрицает тот большой вред, который нанес меньшевистствующий идеализм не только идеологической работе нашей партии, но и зарубежным компартиям. Об этом, в частности, писал т. Мао Цзе-дун. Постановка этого вопроса т. Дебориным тем более странна, что до сих пор он никогда не отрицал своей вины перед партией и правильной оценки его ошибок»¹².

С.Н. Корсаков и М.Г. Деборин опубликовали ценный отзыв М.М. Мороза и А.Г. Спиркина на труд Деборина, посвященный социально-политическим учениям Нового времени. Отзыв, судя по всему, хранится в личном архиве академика — точную его дату публикаторы не приводят, но указывают, что труд Деборина обсуждался в 1955–1956 гг. В любом случае видно, что отзыв был оформлен после XX съезда партии.

Обращает на себя внимание все более откровенное переосмысление того, что случилось на философском фронте. Рецензенты указывают на то, что у постановления ЦК ВКП(б) 1931 года была *своя* причина, и она никак не связана с проблемами собственно марксистской философии:

Прежде всего, необходимо внести ясность в вопрос о так называемом «меньшевистствующем идеализме». Как известно, главным обвинением Деборина и его учеников было утверждение об игнорировании ими ленинского эта-

па в развитии марксистской философии. Между тем фактически об игнорировании Дебориным значения Ленина как философа не может быть и речи; Дебориным не признавалось философское значение трудов не Ленина, а Сталина. Не кто иной, как Деборин, первый в истории марксистской литературы написал и опубликовал труд «Ленин как мыслитель», который был переведен на многие языки и издан в различных странах. Не кто иной, как Деборин, выполняя прямые указания Ленина, организовал и возглавил Общество материалистов-диалектиков. Но Деборин не написал ни одной статьи или книги, восхваляющей философский гений Сталина. Деборина обвинили в том, что он игнорировал Ленина, а книгу Деборина о Ленине с советского книжного рынка изъяли. В течение почти четверти века Деборин находился в опале, но он ни разу не поступился своей научной принципиальностью, чтобы снискать благоволение Сталина. С этого времени, по сути дела, и начался культ личности Сталина в философском отношении, на дрожжах которого пошли в гору Митин, Каммари и другие¹³.

XX съезд партии породил новые надежды, и академик Деборин уже не боялся прямо ставить вопрос об отмене постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под Знаменем Марксизма» (далее — ПЗМ).

12 октября 1956 г. он написал очередное письмо в Президиум ЦК КПСС, в котором утверждал, что культ личности Сталина начал свое шествие по стране сразу после разгрома философской школы.

Как ясно теперь из доклада Н.С. Хрущева и из выступлений членов Президиума ЦК на XX съезде партии, вся эта критика сводилась фактически к утверждению культа личности. 25 января 1931 г. было принято по предложению Сталина постановление ЦК о журнале «Под знаменем марксизма» с квалификацией членов Общества (воинствующих материалистов-диалектиков. — А.Ю.) как «меньшевистствующих идеалистов». Через короткое время большая группа молодых талантливых работников, пламенных ле-

нинцев была арестована и сурово наказана. Что касается меня, то я был снят со всех постов, было запрещено печатать мои работы... Обвинение в «меньшевистствующем идеализме» является необоснованным вымыслом, которое никем никогда не было доказано, да и не может быть доказано...¹⁴

Вновь Деборин писал о том, что ему не дают публиковать научные труды. Но теперь, в новом свете, он надеялся, что разоблачение культа личности Сталина восстановит его репутацию полностью: «Обращаюсь к Вам, многоуважаемые товарищи, с просьбой снять с меня клеймо меньшевистствующего идеалиста, снять запрет с моих сочинений, из которых многие было бы и сейчас полезно переиздать, напечатать мои труды последних лет, восстановить меня в правах члена ученых советов Института истории и Института философии»¹⁵.

Старого академика поручено было выслушать не в Отделе науки ЦК, а в кабинете ближайшего соратника Хрущева — Анастаса Ивановича Микояна.

А.М. Некрич вспоминал, что Деборин очень волновался перед встречей, но вернулся из Кремля довольный разговором.

Он рассказал, что Микоян принял его по-дружески и все расспрашивал, что такое «меньшевистствующий идеализм». «Я, — смеялся Деборин, — сказал Анастасу Ивановичу, что вот уже 25 лет стараюсь понять, что это такое, да так и не понял». Микоян качал головой, смеялся и обещал, что поддержит просьбу Деборина о снятии с него этого нелепого обвинения¹⁶.

Казалось, вот-вот случится радикальная перемена — и справедливость восторжествует!

Однако почти ничего не изменилось.

18 октября 1956 г. А.И. Микоян внес в Президиум ЦК КПСС проект постановления «Об академике Деборине А.М.».

Но обещание свое не выполнил — не внес в проект пункт об отмене решения ЦК партии 1931 года. Предлагалось лишь разрешить Деборину быть в ученых Советах и издавать свои труды. К уничтожению философской школы Деборина были причастны почти все идеологи партии: выросло целое поколение новых философов, для которых необходимость философского «поворота» стала аксиомой. Слишком много людей в центральном аппарате партии было вовлечено в страшные репрессии против философов, и никому не хотелось становиться жертвой нового разоблачения.

Один из погромщиков, А.П. Гагарин, писал академику М.Б. Митину 6 ноября 1956 г.: «Как вы, очевидно, знаете, старик Деборин специально “плакался” у тов. Микояна за то, что вот ему навязали незаслуженно кличку меньшевистствующего идеалиста, а он ни душой, ни телом неповинен во всех философских извращениях, какие ему приписывали. Я же считаю, что при всех ошибках, относящихся к культу личности Сталина, борьба против меньшевистствующего идеализма является вкладом в историю советской философии в борьбе за ленинский этап»¹⁷.

Письма сталинских академиков

В 1961 году секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев попросил двух советских философов, Марка Борисовича Митина и Павла Федоровича Юдина, дать ответ на вопрос: правда ли, что в 1930 г. они угрожали расправой академику Абраму Моисеевичу Деборину, если он не признает своих ошибок в руководстве философским фронтом? Этот вопрос мог не только всколыхнуть воспоминания, но и насторожить: полным ходом шло разоблачение культа личности Сталина, а во главе партии находился Н.С. Хрущев, прочитавший на XX съезде партии свой знаменитый «секретный» доклад о сталинских репрессиях.

Об этой истории стало известно из письма А.М. Деборина, направленного в Президиум ЦК КПСС 12 октября 1956 г. Академик писал:

В конце 1930 года началась критика Общества воинствующих материалистов-диалектиков: обвинение меня в недооценке Ленина, «гегельянстве», идеализме и пр. В то же время ко мне на квартиру явились М.Б. Митин и П.Ф. Юдин, которые передали мне ультиматум публично отмежеваться от членов Общества, разоблачить их как врагов народа и признать Сталина корифеем философской науки. Ультиматум был мною отвергнут¹⁸.

Ответ Ильичеву за подписью сталинских академиков Митина и Юдина был отправлен в ЦК КПСС 20 декабря 1961 г.

Секретарю ЦК КПСС тов. Л.Ф. Ильичеву.

Сообщаем Вам следующие данные об обстоятельствах нашей встречи с т. А.М. Дебориным, которая имела место, примерно, в середине 1930 г. Как известно, к этому времени в партийной организации Института красной профессуры, на философских кафедрах и в ОВМД (Общество воинствующих материалистов-диалектиков) развернулась острая дискуссия по коренным принципиальным вопросам марксистско-ленинской философии: о ленинском этапе в развитии марксистской философии, о партийности философии, о необходимости ликвидации отрыва теоретической работы от задач социалистического строительства, о преодолении «гегельянизации» марксистской диалектики и т.п. Так называемое тогдашнее философское руководство (А.М. Деборин, Карев, Стэн, Луппол и др.) решительно сопротивлялись необходимости серьезного поворота в научной работе марксистов-философов к практике социалистического строительства. Деборин был тогда ответственным редактором журнала «Под знаменем марксизма», Карев — заведывал философской редакцией СО-ЦЭКГИЗА, Стэн — вел преподавательскую работу в ИКП. Таким образом — все основные философские вышки были

в руках Деборина и его соратников. Мы же были только начинающими работниками в области философии (М.Б. Митин только что окончил ИКП, П.Ф. Юдин был еще слушателем ИКП, секретарем парторганизации философского отделения ИКП)...¹⁹

«Начинающие работники в области философии» стремительно двигались по карьерной лестнице. М.Б. Митин (1901–1987) окончил в 1929 году философское отделение Института Красной Профессуры²⁰ и в 28 лет был назначен заместителем ректора Академии коммунистического воспитания. П.Ф. Юдин (1899–1968) был немного старше Митина. В 1924 г. он окончил философский факультет Ленинградского коммунистического университета имени И.В. Сталина и, уже имея высшее образование, продолжал учебу на философском факультете ИКП, который окончил в 1931 г.

Когда разногласия обострились до крайности, то прежде чем выступить открыто в печати, мы решили сделать попытку в товарищеской встрече с А.М. Дебориным обсудить разногласия с ним, убедить его в необходимости прислушаться к голосу молодой партийной философской общественности и даже предлагали ему возглавить борьбу за перестройку работы в области философии. Эта попытка объяснялась тем, что А. Деборин пользовался у нас еще известным пиэтетом, возглавлял важнейшие участки философской работы. К сожалению, эта попытка не дала никаких результатов. В беседе с нами А.М. Деборин держал себя высокомерно, слышать не хотел о необходимости внесения серьезных корректив в теоретическую работу в философии, считал (наши) взгляды антиленинскими и упрощенческими. Эта позиция А.М. Деборина нашла свое полное выражение в его докладе на дискуссии в Коммунистической Академии, которая проходила вскоре после встречи, осенью 1930 г.²¹

Митин, судя по всему, тоже свято верил в правильную политику на философском фронте. В своем личном архиве он хранил письма, которые при определенных обстоятельствах могли стать компрометирующими. В письме, которое не датировано, но относится к 1932 г., Митин и Юдин, обращаясь в Секретариат ЦК ВКП(б), сообщали:

Прошло около года после постановления ЦК партии о журнале «ПЗМ» 25/1 — 1931, осуждающего антиленинскую сущность взглядов меньшевистствующего идеализма, — срок вполне достаточный для того, чтобы члены ВКП(б) — Деборин, Карев, Луппол, Стэн, Подволоцкий, Гоникман, Левин и др. меньшевистствующие идеалисты (так назыв. быв. философское руководство) — не только открыто высказали бы свое отношение к партийному решению обязательному для всех членов партии, но и приняли бы активное участие в его выполнении, в разоблачении этих антимарксистских взглядов. Между тем, эти люди, написавшие в свое время немало ошибочных работ — до настоящего времени молчат, хотя решение ЦК касается некоторых из них (Деборина, Карева, Стэна) персонально. Если принять во внимание, что Карев вел в свое время активно борьбу против генеральной линии партии, на стороне троцкистской, троцкистско-зиновьевской оппозиции, а Стэн является одним из «идеологов» левацких загибов — то это молчание по поводу решения ЦК партии приобретает определенный антипартийный характер. Например Подволоцкий, находясь на партработе (зам. зав. культуры Обкома ЦЧО), т. Луппол — на ответственной советской работе (зав. Главнаукой, член коллегии НКНр.), казалось, должны были бы стать активными борцами с меньшевистствующим идеализмом. Между тем, и они не отказались до сих пор открыто и полностью от своих ошибочных взглядов и не ведут активной борьбы с меньшевистствующим идеализмом. Доводя об этом до сведения ЦК, фракция Правления Всесоюзного общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков сообщает, что фракцией ВКП(б) ОБМД принято следующее решение об исключении меньшевистствующих идеалистов из Общества...²²

4 сентября 1936 г. Митин и Юдин направили письмо на имя секретаря ЦК ВКП(б) Андреева.

Андрей Андреевич!

Процесс над троцкистско-зиновьевским террористическим центром и аресты участников террористической организации из числа людей, «обосновавшихся» в ряде научно-исследовательских учреждений, полностью выявили контрреволюционную сущность меньшевистствующего идеализма деборинской школы. Из упомянутых в решении ЦК ВКП(б) (1931 г.) о журнале «ПЗМ» руководителей идеологов меньшевистствующего идеализма (Деборин, Карев, Стэн) — Карев и Стэн оказались активнейшими террористами (имя Карева фигурировало на процессе как одного из непосредственных организаторов убийства т. С.М. Кирова). Подавляющее большинство кадров меньшевистствующего идеализма, группировавшиеся в течении более чем десятилетия вокруг Деборина, Карева, Стэна, воспитавшиеся ими также оказались участниками троцкистско-зиновьевских групп и арестованы (Гессен, Подволоцкий, Агол, Тымянский, Урановский, Горштейн, Бусыгин, Гарбер, Дмитриев, Федотов и др.) Ряд других лиц из этой группы исключено из партии (Левин, Бобровников, Быховский, Бужинский).

Деборин вопреки словесному признанию ошибочности своих взглядов, пользуясь своим руководящим положением в Президиуме Академии наук совместно с Волгиным и Бухариным по групповому принципу подбирал туда своих единомышленников. Деятельность Деборина в Академии наук выразилась еще между прочим и в том, что в ответственных изданиях Академии наук, в сборниках, посвященных памяти К. Маркса и В. Ленина, вышедших под редакцией Бухарина и Деборина, оказались статьи троцкистских террористов Гарбера и Урановского. Все это ставит вопрос о возможности дальнейшего пребывания Деборина в составе редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». Просим принять нас для беседы по вопросу о положении в редколлегии «Под знаменем марксизма» и о задачах журнала.

Члены редколлегии (Митин, Юдин)²³.

Нерушимый фундамент

По воспоминаниям Некрича, Микоян предлагал отменить постановление ЦК партии о «меньшевистствующем идеализме», однако резко против этого предложения выступил главный партийный идеолог, директор Института марксизма-ленинизма П.Н. Пospelов. Едва ли не впервые было осознано в высших кругах партии, что отмена постановления о журнале «Под Знаменем Марксизма» — не частный случай борьбы с культом личности Сталина, а тот «кирпич» в фундаменте власти, без которого и фундамент может обвалиться! Выросло поколение людей, воспитанных на идеях сталинского поворота в философии, который обосновывал первенство партии над философской мыслью²⁴. Невозможно объяснить ошибочность этого приоритета политики партии, не отрекаясь от всего советского прошлого, в котором постулировалась непререкаемая воля генерального секретаря.

Из воспоминаний Е.Г. Плимака следует, что в борьбе за отмену постановления 1931 года Деборин получил поддержку не только Микояна, но и Хрущева²⁵. Но аргументы Пospelова оказались сильнее эмоций: ни Хрущев, ни Микоян не шли дальше того рубежа, который сами же объявили на XX съезде партии. Были ошибки, трагические ошибки Сталина, ошибки всей партии — но никто не может и не вправе сомневаться в правильности самого пути к коммунизму, избранному народом в 1917 году!

Следует согласиться со словами Корсакова и Деборина, что «сталинский режим после смерти Сталина в своей сущности не изменился и просуществовал далее в этом качестве вплоть до своего крушения. Члены Президиума ЦК прекрасно поняли, к чему может привести официальная реабилитация А.М. Деборина, тем более

отмена постановления 1931 г. <...> Поставить под сомнение постановление 1931 г. — это значило фактически поставить под сомнение социалистический, марксистский характер всей той политики, которая проводилась в стране после установления единовластия Сталина начиная с 1927 г. Все это члены Президиума ЦК если не понимали разумом, то чуяли “классовым чутьем”. Поэтому Митин, Юдин, Константинов, Каммари, Максимов, Федосеев, Ильичев, Чагин, Иовчук, увенчанные академическими регалиями, продолжали паразитировать на советской философии еще в течение нескольких десятилетий. Даже в период перестройки постановление ЦК о “меньшевистствующем идеализме” не было отменено»²⁶.

То, что письма академиков сохранились в личном архиве Митина и не были уничтожены как компрометирующие документы, — а по существу доносы — свидетельствует о глубоком неверии идеологов партии в такую десталинизацию, которая выйдет сильно за черту принятых на XX съезде решений. Согласно этим решениям, даже если осуждается культ личности Сталина, нет оснований отменять партийные устои в философии, — ведь именно партия руководит диалектической мыслью философов, а не наоборот, как думал академик Деборин. Оказалось, что решение партии о смене руководства философского фронта в 1931 г. имело не частное, а *фундаментальное значение*, сравнимое разве что с шестой статьей Конституции СССР о руководящей роли партии в советском обществе. Борьба Деборина за свою реабилитацию не могла привести к полному успеху, ибо для этого потребовался бы демонтаж всей советской идеологической системы, который произошел только после 1991 года.

Предыстория «поворота»: дискуссия о диалектическом материализме

В 1924 г. вторым изданием была опубликована книга голландского социал-демократа Германа Гортера «Исторический материализм». Перевод осуществил известный большевик, видный деятель марксистской науки И.И. Скворцов-Степанов, который чаще всего подписывался просто — Степанов.

В выходе этой книги не было ничего удивительного. Никому и в голову не могло прийти, что «Послесловие» переводчика даст пищу для огромной дискуссии, которая разделит философскую мысль большевиков на два непримиримых лагеря: «диалектиков» и так называемых «механистов».

Кто они такие и почему столь яростно набросились друг на друга, не стесняясь в выражениях?

Начнем с характеристики механистов глазами диалектиков, а потом рассмотрим диалектиков глазами механистов. Такое взаимное отталкивание поможет понять сущность их спора — то самое взаимное притяжение, без которого и спор невозможен.

На «Послесловие» И. Степанова был написан и опубликован отклик другого видного большевика, Яна Стэна. Отклик появился в одиннадцатом номере журнала «Большевик» за 1924 г. под названием «Об ошибках Гортера и тов. Степанова».

Стэн не стал подбирать выражения: он делал все, чтобы вызвать собеседника на большой и острый разговор. Здесь напрашивается образ «дуэли», ибо диспутанты не могут согласиться жить в одном и том же пространстве марксистской мысли.

«Степанов совершил ужасную ошибку», — едва ли не кричал Стэн! Он не нашел для диалектического материализма места в философии марксизма. Точнее сказать,

он представил его только как самую естественную науку, изучающую природу. Не более того! Исторический материализм изучает общество, социальные процессы, а диалектический материализм — это сама естественная наука, изучающая природу.

На что опирался Стэн в своих убеждениях? Прежде всего — на Энгельса, признававшего диалектику самостоятельной областью по отношению к естественным наукам. Но что понимать под «самостоятельностью»? Если диалектика самостоятельна, она должна обладать «качеством», которое делает ее такой. Что предлагает Степанов? Он смотрит на диалектику только с позиций «количества» — количества тех природных изменений, которые «диалектичны» для осуществления закона сохранения энергии. Без этого закона нет и самой природы. Прародитель такого материализма, Декарт, видел в материальной природе осуществление только количественных изменений. Маркс и Энгельс первыми «полностью поняли значение качественного исследования действительности»²⁷.

Стэн потребовал от Степанова признать ошибку, ведь точка зрения, отрицающая самостоятельность диалектического материализма, сводит все явления в природе к механическому процессу.

Так появились «диалектики» — те, кто придерживается взгляда о самостоятельном значении диалектического метода в философии, — и те, кого начали именовать «механистами», отстаивающими естественно-научную точку зрения на марксизм.

Вопрос о «качестве» и «количестве» превратился в главный вопрос дискуссии для диалектиков.

Иначе этот вопрос ставили механисты.

«О моих ошибках,
“открытых и исправленных” тов. Стэном»

Такое название дал И. Степанов своей статье, опубликованной в четырнадцатом номере журнала «Большевик» за 1924 год. Стилистика ответа — тоже почти оскорбительная: автор извиняется за то, что заставил Стэна «рыться в своих ученических записях и разыскивать, нет ли там чего-нибудь против “механического” вообще?». На беду Стэна, язвительно писал Степанов, не он выдумал этот термин, — он давно введен в научный оборот в биологической литературе. О чем же спор? Степанов считал, что вопрос о «качестве» и «количестве» в понимании диалектики совсем не отражает всей полноты вопроса, который поднят Стэном.

Формула должна быть другая: «...или механическое понимание процессов жизни — или витализм».

Если Стэн марксист и материалист, то он не должен приписывать материальной жизни несуществующую силу жизни, акт творения. Материализм обязан быть последовательным! Если диалектика наделяется «качеством», то она становится той творческой и творящей силой, которая, помимо естественной природы, владеет человеком. Степанов знал, что Стэн — один из ближайших сотрудников А.М. Деборина, главного философа страны. Он противопоставил словам Стэна слова Деборина из «Введения в философию диалектического материализма» (1922): «Борьба между материализмом и феноменализмом сводится, таким образом, к борьбе между признанием материалистически-механической структуры действительности, количественной ее определяемости и метода объяснения, с одной стороны, и психолого-феноменальной структуры действительности, качественной ее определяемости и метода описания — с другой»²⁸.

Степанов победоносно вопрошал: «Не хотите принимать материалистически-механических объяснений, так

идите к Маху, Авенариусу, Оствальду и проч., — вот что говорит тов. Деборин. Ясно? Утешительно?»²⁹.

По мнению Степанова, Стэн не заметил в его Послесловии к изданию книги Гортера характеристики современного естествознания, которое, освобождая себя от «метафизической ограниченности», превращается в «ядро современного диалектического понимания природы»³⁰.

Степанов продолжил дискуссию не только со Стэном, но и со всеми теми, кто его поддерживал. Боевые ряды философов выстраивались для решительного столкновения.

В третьем номере журнала «Под Знаменем Марксизма» за 1925 г. он опубликовал новую статью под названием «Диалектическое понимание природы — механическое понимание». Журнал находился под контролем Деборина, однако редакционная коллегия состояла как из сторонников механистического объяснения природы, так и из сторонников самостоятельности диалектики. По мнению Степанова, «спор в настоящее время приобрел большое принципиальное значение, так как вскрыл существование в марксизме двух противоположных течений».

А это — ни много ни мало — раскол!

Но Степанов успокаивал себя: «На моей стороне оказалось подавляющее большинство коммунистов, специальностью которых являются различные отделы естествознания (физика, химия, биология), на другой стороне — пока очень немногочисленные коммунисты, специальностью которых является философия, главным образом философия Гегеля»³¹.

Что же таит в себе ситуация раскола? А то, что обе стороны никогда не смогут примириться! Это следует из того, что в познавательный процесс закладываются совершенно разные основания. Если с точки зрения механистов метод познания природы следует видеть в естественных науках, то диалектики несут в своем знании конечные ре-

зультаты, ибо в философии Гегеля «уже наперед даны все основные соотношения реального мира». Если механисты могут и обязаны проверять свои выводы опытным путем, то диалектики имеют дело со сферой априорной, где ничего доказывать не надо — как не надо доказывать схоластику с ее априорным построениями.

Степанов определил вектор механицизма: «...диалектику надо искать в процессах природы». И предсказал будущее, если победит противоположная точка зрения: философия тогда станет «наукой наук», она будет предписывать частным наукам, что им делать в соответствии с априорными положениями, которые правильны потому, что правильны.

Фактически он имел в виду вот что: или наука исследует природу и диалектично систематизирует новое знание, или «наука наук» становится религией для самой себя вне связи с частными науками и даже вопреки им.

Итак, для Степанова главная опасность — это витализм, имманентная телеология! Он писал: «...Стэн бросается от отчаянности в объятия чистейшей метафизики, последнего прибежища всех отчаявшихся, если прямая и открытая религиозность стала для них невозможной»³². Что касается излюбленного вопроса о «количестве — качестве», то здесь, считал Степанов, наблюдается движение вполне реакционное: от «диалектического материализма к диалектическому идеализму, от Энгельса к Гегелю»³³. Ибо «качество» в природе — это «механическая сила, теплота, свет, электричество, химическая энергия», а не «узловые линии» априорного мышления.

...такое «качество», как жизнь, все больше и все увереннее сводится к относительно простым формам движения, — и вместе с тем идея непрерывности, осуществляющейся через превращения форм движения, все больше овладевает современной наукой. Но разве это — не величайшее торжество диалектики?³⁴

В том же 1925 году Степанов опубликовал небольшую брошюру «Исторический материализм и современное естествознание», в которой вновь обрушился на Стэна, назвав его критику плодом «зубристики и невежества в марксизме и естествознании»³⁵. Однако мнение Стэна его волновало уже гораздо меньше, чем раньше, — теперь его мысли сосредоточивались вокруг общей ситуации в философии марксизма. Борьба, он считал, идет за материалистическое мировоззрение, за материалистическое понимание общества. Нельзя выходить за эти рамки! Он рассматривал современное естествознание как продукт победившего материализма: для него «так называемые психические явления — функции материи, или, выражаясь проще, *продукт деятельности* живого организма, продукт процессов, протекающих, совершающихся в материи»³⁶. Поскольку «современное естествознание» исповедует материализм, то марксизм вправе использовать выводы естественных наук для выработки своего мировоззрения.

Степанов вновь вернулся к своей мысли, которая вызвала бурную реакцию Стэна: да, правильно считать, что если исторический материализм не говорит, как «в виде продукта развития мертвой материи появилась живая материя», то только потому, что «все это изучает, исследует, устанавливает, дает биология, и исторический материализм просто принимает ее достижения»³⁷. Но исторический материализм изучает, «каким образом из нашего зоологического предка развился человек», потому что человек — «животное общественное».

Таким образом тезис, прозвучавший в Послесловии к книге Гортера, не претерпел никаких изменений: существует исторический материализм как область изучения общественных явлений, а диалектика — это метод познания естественных наук. Вот так диалектика соединяется с материализмом.

Никакого «диалектического материализма» как самостоятельной области знания быть не может!

Степанов ясно определил, что «для марксистов не существует области какого-то “философствования”, отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для марксистов — последние и наиболее общие выводы современной науки. Идеалистическую философию марксизм отвергает потому, что она мнит, будто бы обладает какими-то иными способами познания мира, кроме применяемых наукой, а на практике подменяет действительное знание произвольными построениями и прямыми фантазиями»³⁸.

Отказ от философии как таковой для Степанова связан с его верой в то, что «современное естествознание показывает, с какой строгой причинной необходимостью протекают все процессы природы».

Природа механистична! И даже переход от мертвой материи к живой связан не с актом творения, а с особым природным механизмом, который обеспечивает приспособление к внешним условиям, когда клеточка нервного вещества, например, порождает систему нервных узлов и т.д.

Вот как он видел проблему «количества»:

Каждая ступень в развитии мира и его элементов, его мертвых и живых форм, является необходимым следствием предыдущей ступени и с строгой причинной необходимостью, не знающей исключений, изъятий и пробелов, обуславливает следующую ступень. Современная наука неуклонно идет в том направлении, чтобы истолковать все это развертывание мира как развитие относительно простых физических и химических процессов. Таковы достижения и задачи новейшего естествознания³⁹.

Эта установка считать философией материализма современное естествознание исключала всякий религиоз-

ный взгляд, тогда как в позициях диалектиков тщательно скрывалась гегельянская подоплека — диалектическая мысль сама по себе...

Главный мотив против религиозности марксистского сознания — отрицание телеологии как таковой. Природа — это хаос, это действие слепых законов, где нет никакой «предустановленной» гармонии в духе Лейбница. Только человек несет в себе разум творца, и, вторгаясь в хаос природы, способен руководить жизненными процессами.

Диалектики не сидели сложа руки — они шли в бой с опорой на общественные организации, которые, как известно, определяют собой коллективное мнение — источник марксистской истины. Правда, на первых порах дискуссии разворачивались в научных учреждениях, где влияние механистов было значительным. Сразу после издания книги Степанова 8 февраля 1925 г. было организовано ее обсуждение в Государственном Тимирязевском научно-исследовательском институте. Стенограмма речей была издана отдельной брошюрой. Из документа следует, что Степанова поддержали все участники совещания, кроме М. Левина. Не было Яна Стэна, хотя приглашение ему было отправлено. Это первое обсуждение показало, что научные учреждения, связанные с естественными науками, будут, конечно, поддерживать идею о приоритете таких наук в познании природы.

Тимирязевский институт сразу после публикации стенограммы начал издавать в Вологде сборник под названием «Диалектика в природе». Первый вышел в 1926 году и затем издавался ежегодно вплоть до 1929 г. включительно.

Казалось, механисты без труда побеждают диалектиков.

Но не тут-то было.

«Диалектика природы» Ф. Энгельса

В 1925 году директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Д.Б. Рязанов, опубликовал книгу Энгельса «Диалектика природы». В ней затрагивался тот же круг проблем, что и в развернувшейся дискуссии. Сторонники Стэна приободрились, так как сочли, что книга Энгельса дает им перевес в суждениях о необходимости диалектического материализма как особой философии. Впрочем, и механисты нашли в высказываниях Энгельса свои доводы.

А.М. Деборин и его сторонники увидели в тексте классика марксизма критику механического материализма XVII–XVIII веков; сторонники Степанова подчеркивали, что речь идет именно об истории философии, а не о современном естествознании.

В журнале «Под Знаменем Марксизма» (№10–11) за 1925 г. была опубликована статья А.М. Деборина, в которой он заявил, что «лейтмотивом всех философских работ Энгельса является критика механического материализма с точки зрения материалистической диалектики»⁴⁰. Деборин настаивал на том, что марксизм имеет свою философию в виде материалистической диалектики.

Критическое острие было направлено на доказательство метафизичности самой механистической традиции естествознания. Механика «исходила из учения о неизменных, непроницаемых элементах, об абсолютном характере основных законов, об абсолютных свойствах материи и проч. С точки зрения диалектического понимания явлений старая механика, — подчеркивал Деборин, — представляла собой оплот метафизического материализма».

Вот так! Хотели уличить «диалектиков» в религиозности — найдите контраргументы в оправдание материализма своей механики.

Что же такое диалектика? Деборин давал ей свое определение: «Диалектика есть наука о всеобщих законах и формах движения в природе, обществе и мышлении...»⁴¹.

Если механика знает только «количество», оперируя скоростями и массами, иногда объемами, то диалектика ставит вопрос о «качестве». «Мышление есть тоже движение», — заявлял Деборин. Приводимая ниже цитата из труда Энгельса помогала ему утверждать правоту диалектической точки зрения: «...механическая концепция сводится именно к этому; она объясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие»⁴².

По словам Деборина, «мышление не исчерпывается физико-химическими процессами»! К тому же «Энгельс не считает возможным превратить механику в единую универсальную науку, объясняющую все явления природы». И, кроме того, — «...не следует придавать абсолютного значения и современному естествознанию... если современная наука движется в этом направлении, то это не доказывает, что это единственно правильное и что, идя этим путем, мы исчерпываем физику и химию до конца»⁴³.

Степанов видит только непрерывность процесса, не замечая разрывов, а раз так, то он — эволюционист, который не понимает, что марксистская диалектика изучает самодвижение материи, превращение одного «качества» в другое — в свою противоположность. Деборин вопрошал: «Неужели т. Степанов не знает, что именно марксистская диалектика “синтезирует” принцип непрерывности с принципом “перерыва непрерывности”, — эволюцию с революцией?»⁴⁴.

Против того, чтобы суждения Энгельса о диалектике заменяли все прочие аргументы, выступил философ В. Сарабьянов. В следующем номере журнала «Под Знаменем Марксизма» он опубликовал статью под названием «О некоторых спорных проблемах диалектики». Главный тезис обращен против статьи Деборина и других диалектиков: «Животное — машина, человек — машина, свойство ощущать есть свойство особо организованного механизма»⁴⁵.

Несмотря на прямолинейность этой формулы, статья Сарабьянова оказалась весьма тонкой и необычной. Он отметил в первую очередь, что «качество», занимающее умы диалектиков, — это только диалектическая логика, и не более того. На самом деле нет однозначного понимания, что есть качество: для Л. Аксельрод это категория субъективизма, Бухарин понимает под качеством «вещь в устойчивом состоянии» — словом, у всех разные трактовки!

Сарабьянов разграничил понятия «свойство» и «качество» — они не тождественны. Качество — это только отношение, а не свойство вещи. Он привел довольно остроумный пример: Ленин указывал, что «тот же самый работник, награжденный в эпоху военного коммунизма орденом Красного знамени, при нэпе достоин порицания, если не изменил себя, не стал существом с иными, такими-то свойствами»⁴⁶.

Он спрашивал и сам же отвечал: «Почему Ленин одну и ту же совокупность свойств расценивал по-разному? Потому что он ее брал в одном случае в одном отношении, в другом случае — в ином... Свойство является категорией иного порядка, нежели качество»⁴⁷. Иначе говоря, «качество не относится к вещи или к свойствам ее, так как оно есть отношение»⁴⁸.

Вновь возник угол зрения на диалектику как на науку отношений, где царствует своеволие, а не природ-

ная необходимость. Философия качества в таком случае подразумевает диалектику с неопределенностью в отношении того, что есть добро, а что есть зло, ибо «нет худа без добра». Он уточнил: «Что “добро” и “худо” есть качества, это, надеюсь, бесспорно». Но вот вопрос: имманентно ли «худо» данной вещи? Имманентно ли «добро»? Впервые в рассуждениях о качестве, помимо обсуждения того, как одно качество переходит в свою противоположность, возникла дилемма иного рода — дилемма добра и зла, когда вещи и качество не совпадают между собой, как не совпадают разные мнения об одном и том же предмете. Отделяя качество от свойств вещи, он объяснил, что «худо» и «добро» не причина, не свойство вещи, а только само отношение. Нет ни зла, ни добра — по крайней мере, в самих вещах! Но есть изменчивое отношение, которое способно в одной ситуации назвать белое — белым, а в другой — черным то, что было белым.

Удар по концепции «качества» состоял в том, чтобы показать, что в самом отношении к вещи нет ничего, что говорило бы о свойствах материи. Деборин не различает свойства вещи и качество — для него это едино! Но тогда основной аргумент диалектиков против механистов — игнорирование качества — становится несущественным, потому что «качество» в предлагаемом ими виде — это прекрасная, но «таинственная незнакомка».

Вода есть совокупность элементов (водорода и кислорода) и как совокупность обладает свойствами (не свойствами водорода и кислорода, а свойствами воды), участвующими в разных отношениях (вода и засуха — одно качество, «добро», вода и перенасыщенная влагой почва — другое качество — «худо»). Многие смешивают эти категории и получается путаница, а главное — центральная категория «диалектики» — качество — остается таинственной незнакомкой»⁴⁹.

Итак, качество — категория мышления, но не свойство вещи. Определить «качество» — значит рассмотреть вещь не во всех связях, а в определенных. Качество обязано быть конкретным. И вновь Сарабьянов приводит пример из истории Советской страны: «Он (революционный класс. — А.Ю.) устами Ленина говорит “мне нужно”, он изучает процессы в определенных отношениях, необходимость изучения каковых диктуется ему его классовыми интересами, интересами его, как конкретного, данного субъекта»⁵⁰. «Качество» — это отношение класса к чему-то, что для него существенно.

Сарабьянов обосновал концепцию классового активизма, но это лишь развитие взглядов о «качестве» как об отношении к чему-то в мире социальном.

Представим себе, что буржуазия, научно изучая законы общественного развития, познавая объективную необходимость, выступает в согласии с этой необходимостью против рабочего класса. Пролетариат выступает против буржуазии. И тот, и другой действуют верным, научным методом. И буржуазия права, и пролетариат прав. Эклектизм? Соглашательство? Да, если только созерцать мир, если брать его только в форме объекта. Но мы не только созерцаем, а еще и боремся. Буржуазия может выступать против нас вполне научными способами, она может в борьбе с нами ставить научно обоснованные цели (напр., не закрепить навеки капитализм, а лишь задержать процесс его разложения), так же как и пролетариат в борьбе с буржуазией будет ставить цели в согласии с объективной необходимостью (не сразу к коммунизму, а через переходную эпоху). И буржуазия права, и пролетариат прав. Созерцатель, объективист пожмет плечами: чего борются? Ведь оба правы? Но мы — активисты. Мы скажем: именно потому, что буржуазия действует научными методами, что ее цели не утопичны, а научно обоснованы, мы должны еще решительнее бороться с буржуазией. Мир знает не одну правду, а множество их. Монархия разумна, но и борьба с ней тоже разумна, — говорил Герцен. Не угодно ли выбирать!⁵¹

Продолжение такое: «Годен ли т. Сарабьянов для работы в деревне? Практика говорит нам, что необходимо учесть такие, напр., его свойства, как умение не командовать, понимание ленинизма, в какой-то мере знание деревни, но совсем не важно, знаком ли он с теорией физиократов и брюнет он или блондин»⁵².

Никак не обсуждается, что оценочное суждение может быть несправедливым, что оно может оказаться даже преступным — эту коллизию «качества» никто не видит... Не говорится, что «отношение класса», — это только отношение между конкретными людьми; умалчивается, что преступное отношение одного человека к чему бы то ни было можно прикрыть коллективным мнением. Нет опасения, что если добро и зло переставить местами в зависимости от отношения, то гарантий нравственного «качества» быть уже не может.

Сарабьянов, как, впрочем, никто другой из диспутантов, — ни Стэн, ни Деборин, ни Степанов, — не могли знать, как их слова отзовутся в их собственных судьбах: они еще спорят с верой в высшую рациональность, не допуская и мысли, что «качество» как опыт отношений класса и личности породит страшные события необъяснимых репрессий...

У диалектиков главным аргументом оставался Энгельс: его высказывания о несостоятельности механистической философии XVIII в. в самом деле подкрепляли точку зрения Деборина и Стэна. И как бы ни старались механисты уточнять позицию классика марксизма, но факт оставался фактом — они были против Энгельса. Времена были еще вегетарианские — и нашелся ученый с мировым именем, который не постеснялся спорить с Энгельсом и даже относиться к нему как к человеку не вполне компетентному. Такая удивительная статья выдающего физиолога А.Ф. Самойлова была опубликована в журнале ПЗМ в 1926 г.: в ней был упомянут отрицательный отзыв

Альберта Эйнштейна о «Диалектике природы»⁵³. Спорной оказывалась идея Энгельса о том, что в «основе всего лежит движение материи», а потому «целый ряд явлений может быть понимаем, как переход количества в качество, как переход при помощи скачка»⁵⁴.

Кстати говоря, Самойлов положительно цитировал статью Троцкого «Д.И. Менделеев и марксизм», утверждая, что автор исповедует «механическое мировоззрение»⁵⁵.

Пересказав кратко историю начавшейся дискуссии, известный физиолог весьма пессимистично высказался о ее результате: «Она будет бесплодна, потому что ведется не по существу, а оперирует ссылками, главным образом, на сочинения Энгельса. А так как у Энгельса встречаются противоречия и неясности, то спор по одному уже этому должен быть бесплодным. Приемами такой ожесточенной полемики вряд ли можно будет водрузить знамя диалектики в современном естествознании»⁵⁶.

Вывод ученого-естественника был таков: «Для того, чтобы достигнуть этой цели, нужно идти совершенно другим путем. Те марксисты, которые воодушевлены верою в силу диалектического метода в познании природы, если они при этом специалисты-естественники в какой-нибудь определенной области естествознания, должны на деле доказать, что они, применяя диалектическое мышление, диалектический метод, в состоянии пойти дальше, скорее, с меньшей затратой труда, чем те, которые идут иным путем. Если они это докажут, то этим без всякой борьбы, без излишней бесплодной оскорбительной полемики, диалектический метод завоюет себе свое место в естествознании»⁵⁷.

Коллективные бои

К весне 1926 г. были готовы спорить не только философы и ученые-естественники, но и их учреждения, которые, по существу, и должны были решить исход начав-

шегося поединка. Разминкой перед настоящим боем можно считать дискуссию в 1925 году в Первом Московском университете, где выступили И. Степанов и А. Тимирязев с одной стороны и Я. Стэн и Н. Карев — с другой. Новых аргументов не прозвучало, и стало ясно, что теперь только коллективные решения от учреждений могут показать, чья сторона берет верх.

Весной 1926 г. вспыхнула дискуссия в Институте научной философии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Ее никто не планировал, и, если не считать подогретую почву для нового философского пожара, все вышло почти случайно. Аспирант Института прочитал доклад о философии Бергсона — тема, казалось бы, далекая от проблем диалектического материализма. Но там, где Бергсон, — там и Гегель, там и Спиноза. И закрутилось так, что об аспиранте забыли напрочь. А. Богданов, Л. Аксельрод, А. Варьяш, А. Тимирязев выразили свое несогласие с философской позицией А.М. Деборина. На стороне А.М. Деборина выступили Я. Стэн, А. Троицкий, И. Луппол, Н. Карев, Г. Дмитриев, Г. Баммель, В. Егоршин и др. Эта дискуссия продолжалась на протяжении двух месяцев почти ежедневно. И никаких публикаций — лишь заключительное слово Деборина, произнесенное 18 мая 1926 г., было опубликовано под названием «Наши разногласия»⁵⁸. Здесь впервые им было сказано, что «группировка, возглавляемая тт. Аксельрод и Тимирязевым, носит определенно ревизионистский характер»⁵⁹.

«Наши разногласия»

Участники дискуссии были возмущены не только тем, что их речи не были опубликованы, но и тем, что их мысли в деборинской публикации были искажены⁶⁰. При таких обстоятельствах была написана статья Л. Аксельрод «Надоело!», в которой она показала, как исказили мысли

«механистов». Несколько позже она опубликует «Ответ на “Наши разногласия” А. Деборина», к которому присоединит свои речи, произнесенные весной 1926 г.⁶¹

Статья «Надоело!» началась со слов: «Надоело. Количество перешло в качество...». Для понимающих это смешно: переосмысленные слова выполняли роль маркеров в дискуссии. Аксельрод осознала, что Деборин начал опасную игру против нее лично, потому что брошенное обвинение имеет свои последствия (как «качество»-отношение): «Обвинение тяжкое: я вдруг оказалась “ревизионисткой” в марксистской философии».

Она писала: «Если считать “ревизионизмом” различия в оценке того или другого частного явления, то совершенно ясно, что для последователей марксизма ничего не оставалось бы, как повторять и повторять беспрестанно и томительно скучно — то, что сказано было мастерами. Иначе говоря, живая, вечно-творящая теория диалектического материализма должна была бы превратиться в мертвящую религиозную догматику»⁶².

«Ревизионизм» был найден в отношении к Спинозе — и не случайно. Деборин трактовал его как материалиста, потому что богом тот называл бесконечную, безличную сущность, бытие которой определяется как причина всего сущего.

Аксельрод не считала Субстанцию Спинозы материей. И прежде всего потому, что всегда и везде у Спинозы речь идет о «теологическом привеске». Этот привесок и заставил Фейербаха сказать, что Субстанция Спинозы — это пантеизм. Особенно задевало Аксельрод то, что Деборин приписал свой взгляд на Спинозу Плеханову — а тот как раз говорил вслед за Фейербахом о «теологическом костюме» учения Спинозы. Отдавая должное материалистическому движению философской мысли, Г.В. Плеханов показывал и ограниченность такого исторического взгляда на материализм. Деборин

же и его сторонники утверждали, что Спиноза последовательный материалист. Что дает им признание Субстанции материей? Аксельрод отвечала: «Признать ее материей, значит конструировать такое странное существо: субстанция есть материя, один ее атрибут — материя, другой атрибут — мышление»⁶³.

Диалектики понимали, что мышление следует рассматривать как категорию материальную, и тогда проблема «качества» и «количества» не будет выходить за пределы материализма.

Аксельрод стала доказывать, что Субстанция не есть материя — потому что для Спинозы это имманентный бог природы.

Критики механистов указывали на то, что Аксельрод изменила точку зрения на учение Спинозы. Сначала она называла систему Спинозы последовательным материализмом, а потом отказалась от своих слов — совершила ревизию! Аксельрод не согласилась с этим обвинением и привела свои слова, которые поясняли, почему она, причисляя Спинозу к материалистам, говорила о сложности его позиции: «Грандиозное, последовательно продуманное мировоззрение гениального мыслителя до такой степени искажалось и искажается идеалистическими историками и комментаторами, что восстановление его точного смысла, истинного смысла в настоящее время требует в настоящее время специальной обширной работы. Ограничимся здесь лишь указанием на то, что в основу учения Спинозы *положен строго проведенный принцип механической причинности*. Полное же отрицание телеологии и безусловное признание принципа механической причинности является душой материализма»⁶⁴.

Как ни странно, вопрос об отношении к Спинозе оказался созвучным начавшейся философской дискуссии: либо механическая причинность и полное отрицание ка-

кой бы то ни было телеологии, либо материализм с «довеском», который в интерпретации механистов был витализмом.

Аксельрод наступала:

Признание Спинозы последовательным материалистом делает возможным и обратное: признание марксиста последовательным спинозистом. А так как в действительности спинозизм не есть последовательный материализм, то пропаганда спинозизма является пропагандой урезанного материализма⁶⁵.

Совсем как у диалектиков, принимающих учение Гегеля, в основе которого было учение об абсолютном духе, а не о материи.

В постскрипуме к статье она сообщала: «Когда эта заметка была уже закончена, ко мне попал в руки второй выпуск “Летописей Марксизма”, в котором помещена заключительная речь А. Деборина, произнесенная в дискуссии в Институте научной философии и напечатанная под оригинальным заглавием — “Наши разногласия”. Эта речь искажает все мои выступления на дискуссии до невероятной степени... На стр. 19 упомянутых “Наших разногласий” т. Деборин пишет: «Но т. Аксельрод непростительно, когда она, со свойственной ей самоуверенностью и сознанием “превосходства” нашими единомышленниками, с апломбом заявляет, что мысль — это скопище электронов». Прежде всего, я утверждаю, и ни минуту не сомневаюсь в правильности этого моего утверждения, что сам т. Деборин знает, что это обвинение не соответствует истине ни в малейшей степени. Ему очень хорошо известно, что так определять мышление я не могу... Отвечая всем моим противникам, я вспомнила по поводу этого восклицания один эпизод из моей полемики с митрополитом Введенским (на одном митинге): митрополит сделал точно такое же возражение материалистам, как и

т. Стэн, на что я ответила: если человеческая голова с ее свойством мыслить является совокупностью электронов, то это во всяком случае более утешительно, нежели в случае, если бы она была божьим созданием, ибо в первом случае этот часто никуда не годный аппарат может с течением времени усовершенствоваться, между тем, если бы голова человеческая была созданием божьим, тогда пиши пропало....»⁶⁶.

Как видно, спор вновь и вновь обнажал мыслительную опору каждой из сторон — либо материализм, исключаящий всякую нематериальную силу познания, либо диалектика Гегеля с ее абстрактными категориями как отдельная область знания на службе «диалектического материализма».

Вопрос о «довеске» стал актуальной темой философских баталий.

Как же изобразил суть спора А.М. Деборин в статье «Наши разногласия»⁶⁷, где едва ли не впервые назвал общее мнение сторонников диалектического материализма «ортодоксальным марксизмом»?

Аксельрод обвинила диалектиков в неогегельянстве (то есть в неизжитом идеализме или в материализме с «довеском»), Деборин обвинил Аксельрод и ее сторонников в ревизионизме. Механисты уловили, что гегельянство в любом новом виде — это все равно философия абстракций, а значит — предваряющее всякий научный опыт доопытное знание, производимое из самого себя. Как на это ответить? Деборин не стал увиливать, и прямоком спросил: «Реален ли вид, реален ли класс или не реален?» Ответ: «Я предварительно делаю чисто логический анализ и доказываю, что диалектическая теория понятий отличается от формально-логической теории абстрактного понятия и что, исходя от Гегеля, Маркс, Энгельс и Ленин стояли на почве так называемого конкретного понятия»⁶⁸.

Не конкретного факта, а конкретного понятия! Замену эмпирическому он нашел в новоизобретенной абстракции: «конкретное понятие». Ибо если утверждать знание по научным критериям, то первичен «факт» — установленное наукой знание. Но если постулировать эмпирический факт первоосновой диалектики, то никакой диалектики как самостоятельной области не будет. Деборин не стал объяснять, чем отличается «понятие» в «формально-логической теории» от «конкретного понятия» в диалектическом умозрении.

По умолчанию — это другое понятие.

Но совсем умолчать нельзя — заметить! Деборин увел разговор в близкую ему сторону: «Теперь такая мода пошла, что кто занимается частной дисциплиной, считает себя на вершине науки; многие естественники считают себя в праве хлопать по плечу тех, кто занимается общими проблемами»⁶⁹.

Если в науке говорить о чем-либо, что составляет «вид», то не может быть сомнений в абстрактном плане рассмотрения этого; вид — это обобщение, которое строится на эмпирическом материале. Но признать такую естественную постановку вопроса — значит опять-таки похоронить диалектику. Деборин не может спорить по такому трудному вопросу, пока не утвердит точку опоры, в которой нельзя сомневаться, не разрушая всего здания марксизма. Это аргумент от «ортодоксального марксизма». И тогда разворачивается новая комбинация слов, из которой следует, что понятие «класс», имеющее абстрактное значение в формально-логической теории, можно представить как «живой коллектив» в диалектике марксизма.

... когда я говорю, что класс есть коллектив, — а я так именно и говорю, что это есть живой коллектив, — то я вас спрашиваю, как можно против этого спорить? Я го-

ворю дальше: это живой коллектив, который борется, развивается и т.д.; поэтому я вас спрашиваю: что же рабочий класс — разве не возник при определенных условиях или не живет как целое, не борется как класс, как коллектив? ⁷⁰.

Деборин запальчиво отвечал механистам: «...с вашей точки зрения класс это — идея, которая существует только в голове» ⁷¹.

Спор шел о том, насколько абстрактное мышление диалектиков соответствует реальности. Деборин не сомневался в том, что «диалектический марксизм» выражает отношения в обществе через понятийную сферу, которая адекватно отражает всю совокупность фактов действительности. К примеру, отмечал он, «стоимость существует не только в абстракции, а выражает реальные отношения» ⁷². Более того, Деборин настаивал на том, что диалектический метод является «аналогом действительности», и потому «диалектика есть наука об объективных законах и формах движения. Вместе с тем диалектика представляет собою и особый способ мышления, особую логику» ⁷³.

Обобщая характеристику «ревизионистской группы» Аксельрод и Тимирязева, Деборин указывал на разнообразие взглядов в этом сплоченном блоке противников диалектического материализма: «...с одной стороны — фрейдизм; это, так сказать, одно лицо нашей “группировочки”. Затем второе лицо этой группировки, это — махизм и эмпиризм, грубый, ползучий, гнусный эмпиризм» ⁷⁴. При всем разнообразии у них остается общим методическое начало — анализ фактов, который выше диалектической теории, потому что первичен! Деборин страстно выступал против такой установки механистов: «Л.И. (Аксельрод) выступила здесь и, вместо того, чтобы дать анализ значения теории, связи теории с фактами (конечно, без фактов никакой теории нет), вместо этого она говорит: факты, факты, факты; один факт дороже десятка

теорий. Что это значит? Это значит скатываться к ползучему, гнусному эмпиризму... Но ведь факты должны быть освещены теорией. Недостаточно констатировать или даже “описывать” факты, — необходимо объяснение этих фактов, выяснение законов, которые заложены в этих фактах, законов движения, которые ведут к дальнейшему, к преодолению существующего»⁷⁵.

Деборин не мог отрицать значимость фактической основы познания — это было бы слишком просто. Нет, он всячески подчеркивал, что никогда не был противником эмпирического знания, однако довольно ясно и без оговорок признал важнейший постулат своей философской позиции, без которой не было бы претензии и на «ортодоксальность», — «диалектический метод должен не заменять конкретное исследование явлений, а руководить и направлять это исследование».

Вот так — «руководить и направлять»!

Практическая задача момента — «...подведение *под естествознание* фундамента материалистической диалектики — метода диалектического материализма»⁷⁶.

Деборину не могла понравиться статья Самойлова, опубликованная в ПЗМ, но его обрадовало, что видный ученый признал в Энгельсе такого мыслителя, который своими идеями опередил в некоторых аспектах развитие естественных наук. За одно это признание Деборин был готов многое простить Самойлову: и даже то, что он фактически противник Энгельса и диалектического материализма.

Аксельрод отвечает

Негодующая против произвола Аксельрод написала «Ответ на “Наши разногласия” А. Деборина», в котором решительно отвергла все обвинения в ревизионизме⁷⁷. Она призналась, что сначала ей казалось, будто взгляды Деборина не образуют собой «направление»: это только

путаница, не более того. Но по мере развития дискуссии она поняла, что в этой «путанице» имеется свое ядро — это плохо скрываемое гегельянство.

Она, как и Деборин, вернулась к понятийной сфере с вопросом, что есть «класс». Аксельрод увидела слабую сторону Деборина в его нежелании объяснять, чем отличается метафизическое понятие от «конкретного». Удар был направлен в старое русло полемики: «...мы, возражая ему, указывали на отвлеченность и пустоту даваемого им определения общественного класса...».

Подмена «класса» на «живой коллектив», осуществленная Дебориным с целью защитить себя установочным марксистским знанием, не произвела на Аксельрод никакого впечатления. Напротив — она решительно устремилась в «ядро» марксизма с желанием показать, что не боится совершить ошибку или неосторожный шаг на зыбкой почве. Она уверена в себе! Ее возражение выглядит острым и даже ироничным: «Деборин стремится к конкретизации понятий, а потому я спрашиваю, в свою очередь: чем отличается деборинское определение класса от определения, скажем, муравейника, улья, стада, даже курятника или наконец даже отдельного живого индивидуума, который тоже есть живой коллектив? Не отличается решительно ничем. В том-то и дело, что Деборин не имеет ни малейшего представления о том, что означает с точки зрения марксизма конкретное понятие»⁷⁸.

То ли желая унижить Деборина, то ли произвольно, Аксельрод стала объяснять, что есть «класс» в марксизме: это его реальное единство с общественно-хозяйственной функцией, которое и составляет «цементирующее начало, как коллектива». Если идти дальше, по пути конкретизации, то окажется, что Маркс никогда не говорил о «классе» вообще, абстрактно, он всегда говорил конкретно-исторически, увязывая классовую природу с экономической основой — только на такой почве возникает то,

что Деборин именует «живым коллективом», не обращая внимания на *конкретную* структуру понятия.

Понятие класса есть, таким образом, не априорно-привнесенное субъектом для объединения этих индивидуумов в целостное единство, как это вытекает из учения Канта, а также не отвлеченное формальное понятие, составляющееся на основании сходства и различия индивидуальных признаков, а, наоборот, понятие конкретное, отражающее объективную сущность класса, сознание определяется бытием, действительным бытием основы, цементирующей индивидов в класс⁷⁹.

Она не стала доказывать, что не является противником теории, как утверждал Деборин: «Кто ему поверит, что я отрицаю теорию?»

Но Аксельрод обратила внимание на пренебрежительное отношение Деборина к фактам (они априорно «гнусные»!) — и тут же выдвинула свое обвинение: это еще одно проявление схоластики.

К «Ответу» прилагались тексты докладов Аксельрод, которые не были опубликованы.

В докладе от 13 апреля 1926 г. она высказала интересную мысль, обращенную в будущее: нельзя использовать диалектику *вне конкретного* содержания науки, нельзя придавать ей самодовлеющее значение, нельзя применять ее направо и налево ко всему, что изучается в науках, ибо тогда она превратится в такую «науку наук», которая ничем не будет отличаться от «старой метафизики».

Она говорила: «И если ко всем областям подойти с общими абстрактными формулировками: “отрицания отрицания”, “тезис — антитезис — синтез”, то, как справедливо отмечает Энгельс, *ничего нельзя сделать ни в одной области*. Такого рода формальное понимание диалектики есть не более, как *возрождение* старой метафизики»⁸⁰.

Выяснение отношений и сталкивание взглядов диалектиков и механистов зашло в тупик — никто не чувствовал себя побежденным. Деборин, как и механисты, осознавал значимость победы учреждений — победы не личной, а коллективной. Все институты механистов выступили с поддержкой взглядов Степанова, но ни один из них не был привязан к идеологии напрямую. Научные институты, занимающиеся естественными науками, — не чета организациям, которые выражали собой непосредственно идеологические установки партии. Вот тот козырь, который оказался в руках Деборина, когда ни одна из спорящих сторон не могла удовлетвориться философской ничьей.

В 1924 году под руководством Деборина было создано «Общество воинствующих материалистов». Уже тогда некоторые члены этой организации возмущались принятой резолюцией, согласно которой необходимо изучать гегелевскую диалектику. Деборин же всякий раз напоминал, что такую задачу ставил перед философами сам Ленин.

Вскоре появились «молодые товарищи», которые, в противовес «Обществу воинствующих материалистов», решили создать новое общество — «Общество материалистических друзей гегелевской диалектики». Уже не одно, а два общества боролись за превращение гегелевской диалектики в марксистскую.

В начале 1927 г. в Обществе воинствующих материалистов (ОВМ) была принята резолюция, в которой речь шла о необходимости бороться за материалистическую диалектику «против отвергающего ее ревизионизма». Чтобы эта цель стала реальной, ОВМ приняло решение «рассматривать себя как “общество материалистических друзей гегелевской диалектики”». Вокруг этой резолюции развернулась борьба. Степанов опубликовал открытое письмо, в котором выразил протест против обвинений.

В нем содержался и весьма сильный намек на желание Деборина стать главным интерпретатором классиков

марксизма, и — кажется, впервые, но отнюдь не в последний раз, — словечко «контрабанда» было использовано применительно к этой попытке говорить от лица классиков марксизма. Степанов был удивлен тем, что резолюция принимается тогда, когда спор еще не закончен. Он писал: «Декларацию, которая ничего не выясняет, а, напротив, угрожает все запутать, могут принять только лица, которым зачем-то требуется не марксизм-ленинизм, а его вольные искажения»⁸¹.

Ответы Степанову написали Н. Карев и Вас. Слепков. Отповедь прозвучала и от лица Президиума Общества воинствующих материалистов.

Впервые было сказано о *полном неприятии* взглядов механистов: «Мы открыто заявляем, что и вы, тов. Степанов, и ваши сторонники также ревизуете диалектический материализм, т.е. марксизм-ленинизм».

В ответ механисты организовали новый публичный диспут, который состоялся 19 декабря 1927 г. в московском Театре им. Мейерхольда.

С основным докладом «Коренные вопросы диалектического материализма» выступила Л. Аксельрод.

Накал страстей был велик: диспут закончился поздно, в половину второго ночи. Но отчет о дискуссии в журнале ПЗМ опять был цензурирован: увидело свет лишь краткое изложение доклада Аксельрод, другие механисты не были удостоены внимания вообще. Зато выступления «диалектиков» — С. Левита, Н. Карева, Г. Дмитриева, И. Подволоцкого — опубликовали полностью, без купюр⁸².

И. Яхот обратил внимание на то, что 20 декабря 1927 г., на следующий день после дискуссии в Театре им. Мейерхольда, в центральных газетах было сообщено о закрытии XV съезда партии большевиков, на котором был избран новый руководящий состав. Лидер механистов Скворцов-Степанов был избран членом ЦК, а его главный идейный противник Ян Стэн, начавший дискуссию, вошел

в состав членов Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК). «Это как бы символизировало равновесие, установившееся между спорящими, можно сказать — враждующими сторонами», — отмечал Яхот.

В 1928 г. усилия Деборина по организации единого фронта против механистов увенчались успехом. Из ОВМ ушли все несогласные с ним, а само Общество объединилось с организацией «молодых» философов и преобразовалось в Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД). Главными деятелями этой новой организации стали А.М. Деборин, Ян Стэн, Н. Карев, М.Б. Митин, И.П. Подволоцкий, Г.С. Фридлянд, Б.М. Гессен, С.Г. Левит и некоторые другие.

Теперь предстояло провести новую конференцию, в которой решающий голос будет уже за коллективным мнением. «Вторая конференция марксистских учреждений» — под таким названием она прошла в Москве в стенах Коммунистической Академии с 8 по 13 апреля 1929 года. В конференции приняли участие 229 делегатов, приехавших со всей страны.

Основными докладчиками были А.М. Деборин и О.Ю. Шмидт. Первый прочитал доклад под названием «Современные проблемы философии марксизма». Вторым затронул близкую механистам — но только по названию, а не по существу тему — «Задачи марксистов в области естествознания».

Цель конференции — подвести итоги философской дискуссии. Были приняты две резолюции по двум докладам. Обе они свидетельствовали о настоящем триумфе сторонников Деборина. Современным ревизионизмом марксизма было названо течение механистов. Решающую роль в разгроме сторонников Аксельрод и Степанова сыграло то обстоятельство, что позицию Деборина поддерживали Коммунистическая Академия, Институт Ленина, Институт Маркса и Энгельса⁸³.

Чтобы закрепить небывалый успех, Деборин сразу после завершения конференции объявил об открытии Первого Всесоюзного совещания воинствующих материалистов-диалектиков.

В этот момент едва заметной тенью Деборина становится его ученик — Марк Борисович Митин. На совещании он прочитал содоклад по организационным вопросам. Весь аппарат объединенного Общества оказался в руках человека, никогда не удивлявшего своими мыслями, но зато хорошо знавшего, как работает бюрократическая система — от верхов партии до рядового ее члена.

На этом совещании Н. Карев еще раз объявил о победе на философском фронте. Он заявил, что создана наконец «школа ортодоксального марксизма» и главой ее является Абрам Моисеевич Деборин, выполнивший все указания Ленина.

В пятом номере ПЗМ за 1929 г. были опубликованы итоговые материалы о дискуссиях⁸⁴. В частности, говорилось о том, чем закончилось первое всесоюзное совещание обществ воинствующих материалистов-диалектиков.

Обратим внимание на то, как воспринималась «победа» самими победителями. Если не надо больше спорить с механистами, то смысл всей деятельности философов диалектиков сводится уже не к спору, а к «удержанию» истины!

Деборин выразился так: «Основную цель, которую мы преследуем, это выдержанность, стопроцентная выдержанность наших Обществ. В этом — основное. Мы хотим иметь хотя бы одну организацию, которая была бы в марксистском смысле *выдержанной до конца* (курсив мой. — А.Ю.), как говорится на все 100 проц.»⁸⁵.

Диалектический материализм становится фактом движения народных масс к торжеству истины! Как быть в такой ситуации — радоваться или тревожиться?

М.Б. Митин, согласно опубликованному отчету о совещании, говорил об опасности такого сближения⁸⁶.

Совпадение с истиной диалектического материализма у самих победителей не вызывало никаких сомнений, — проблема с теми, кто не включен в сложный контекст удержания истины: не получится ли так, что она будет «повреждена» массовым наплывом людей в ее лоно?

Еще один вопрос, без которого немыслимо существование в победоносном пространстве, — кто будет управлять процессом совпадения с диалектической истиной?

Должен быть модератор!

В отличие от механистов, утверждавших примат естественных наук над всякой теорией, имеющей свои собственные, не сводимые к естественным наукам основания, сторонники Деборина утверждали, что логика их познания в диалектическом материализме имеет свои правила.

Механисты не случайно упрекали диалектиков в стремлении к новой религии. Кто несет ответственность за правильность логических манипуляций, если они никак не проверяются эмпирически? Именно *вера в логику, вера в правильность* умозаключений становится основанием знания.

«Генеральная линия» философии

А.М. Деборин сделал шаг, к которому стремился всю свою жизнь. Он оповестил мир, что его правильная марксистская линия в философии материализма есть не что иное, как «генеральная линия»!

Вот как это было сказано: «Я думаю, товарищи, что если я говорю о необходимости прежде всего тесного сплочения, самого тесного сплочения наших сил, то нужно все-таки принять во внимание следующее обстоятельство. Конечно, генеральную линию проводили правильно такие-то товарищи, против этой генеральной линии бо-

ролись такие-то товарищи, — это все факты, исторические факты, которые нам известны. Но в настоящее время мы должны держать курс на изживание всевозможных разногласий...»⁸⁷.

Итак, главная цель «удержания истины» — изживание разногласий!

Поразительно, как механисты угадали будущее философии в случае победы диалектиков. Если у них нет первичных оснований в естественных науках, то неизбежна схоластика, борющаяся за оправдание своей истинности при помощи априорных формул.

Нельзя обойтись и без возвеличивания того, кто берет на себя функции главного модератора диалектической логики. Деборин становится не только руководителем философской школы, но и, как сказал Н. Карев, «единственным, кто последовал за указаниями Ленина, понял ту задачу, которая стоит перед философией марксизма в наших чрезвычайно сложных и трудных условиях...»⁸⁸.

Но свято место главного ученика Ленина уже занято, а «генеральная линия» может принадлежать только партии, ее Центральному Комитету и, наконец, лично товарищу Сталину. Не может бывший меньшевик выражать марксистскую теорию движения к коммунизму, не будучи даже членом ЦК партии, которая руководит обществом, — а значит, и самим движением.

Деборин, отнюдь не наивный человек, буквально поверил в то, что управлять марксистской философией может только философ.

Но тогда не партия стоит у руля настоящего, глядя в светлое будущее, а А.М. Деборин пребывает на «капитанском мостике» марксистской философии и только ему дано право объяснять — через *свою* диалектику — какие противоречия следует преодолевать и как двигаться к новому состоянию общества *вопреки* теории! Ведь буквально в одно и то же время была объявлена

и победа диалектиков в споре с механистами, и новая стратегия Сталина, направленная на строительство социализма в одной, отдельно взятой, да еще и отсталой стране, *вопреки марксизму*, который всегда утверждал, что переход к социализму осуществляется повсеместно через мировую революцию.

Еще никто ничего не знает о философских трудах Сталина, никто его не цитирует, но само допущение и узаконивание схоластических приемов мышления ждут прихода того, кто соединит в своем лице тайное знание диалектики противоречий и дар «практика», идущего по пути, который никто и никогда теоретически не обосновывал!

Парадоксальным образом победа Деборина в споре с механистами открыла путь в философию марксизма практику Сталину, осознавшему силу «диалектики» в опыте строительства социализма. Ведь единственным критерием достоверности оказывалось мнение об этом опыте... самого товарища Сталина.

В течение всего 1929 г. на философском фронте происходили глубокие перемены. Была принята партийная установка, что классовая борьба внутри страны обострется⁸⁹. Начиная с девятого номера в журнале «Под Знаменем Марксизма» возникает систематическая критика Н.И. Бухарина, которого в прежние годы не подвергали обструкции. Теперь же «правый уклон» — одна из главных тем журнала. Бухарину приписали механистические взгляды, их объявили «правыми», но, чтобы у него не было шанса исправиться, стали напоминать о его идейной близости к леваку А.А. Богданову. Таким образом Бухарин навсегда лишился права выражать себя через диалектическую истину: он уходил от нее либо вправо, либо влево. Несколько позже придумали еще один уклон — вправо и влево одновременно, ибо «диалектика» позволяла в своих априорных сферах совмещать несовместимое и называть это новым «качеством».

В упомянутом девятом номере журнала за 1929 г. вышла знаменательная статья Б. Гессена и И. Подволоцкого «Философские корни правого оппортунизма»⁹⁰. Впервые в ней стали обсуждать концептуальные различия «ортодоксального» марксизма и правого уклона (оппортунизма).

С одной стороны, нельзя не приписать Бухарину основные недостатки механистов — и это сделано: «Как и механисты, тов. Бухарин сводит движение к механическому движению, диалектику — к механике». Это — сторона «правая». С другой стороны, он заимствует у Богданова теорию «равновесия» — и это еще одна сторона уклона (левая?), которая порождена уклоном вправо!

Здесь важно, как критики Бухарина видят сущность «диалектики» в своих обвинениях. На поверхность всплывает новый дискуссионный мотив, который раньше не обсуждали. Если Бухарин соединял в своей теории механику «самодвижения» природы и закон «равновесия» естественной природы, то что противопоставить этому союзу двух тезисов о единстве природного механизма?

Существенно, что «самодвижение» природы — вполне понятная и не требующая доказательств идея, которую восприняли со времен Дарвина, как доказанную огромным эмпирическим материалом, — ведь природа находится в состоянии эволюции, а значит в состоянии самодвижения. Такой же природный механизм — «равновесие». Ибо никто не сомневается в законах термодинамики, согласно которым энергия неуничтожима и всегда находит свой путь к самосохранению — это и являет собой «равновесие».

Но что можно возразить механистам, если не принимать логику их объяснений — доказанных фактов естественных наук?

Очевидным аргументам от «природы» противопоставили неочевидные аргументы от «диалектики». Тут и воз-

никало новое проблемное пространство. Оказывается, механическую концепцию развития Ленин упрекал в том, что в ней источник движения переносится вовне — то есть в природу, тогда как «самодвижение материи» — это «один из основных принципов диалектики». Иначе говоря, материя, будучи мертвой, а не живой, может и должна сама двигаться — и в этом, как утверждали авторы статьи, нет «ничего мистического».

...именно механическую концепцию развития Ленин упрекал в том, «остается в тени самодвижение» и источник движения переносится во вне. Но ведь именно это перенесение источника движения во вне и характерно для теории равновесия, видящей причину движения и его источник не во внутренней противоречивости системы, а в нарушении равновесия путем превалирования одной из сил. В понятии самодвижения не только не заключается ничего мистического или телеологического, но самодвижение (конечно, самодвижение материи) есть один из основных принципов диалектики⁹¹.

У механистов смыслопорождающая основа — природа, ее законы движения. Что же у диалектиков? Они допускали, что в мертвой материи существует *необъяснимый источник* самодвижения, который указывает не на единицу смысла, а на выходящее за границы разума *ничто*: оно не имеет признаков естественной жизни, но при этом находится в самодвижении!

Теория равновесия Бухарина тоже указывала на наличие исходной смысловой предпосылки — ибо нельзя отрицать природный механизм энергетической гармонии, открытый задолго до Маркса, нельзя отрицать, что любая система стремится к восстановлению равновесия в своем эпицентре, — это то, что в природе естественной и в природе социальной составляет *нечто* — единицу смысла.

Диалектика «самодвижения» материи, как отмечали Гессен и Подволоцкий, предусматривает постоянный переход противоположностей друг в друга с новым качеством. Значит, в сердцевине этого самодвижения пребывает не просто ничто, а «нулевая» парадигма. Если для механистов «равновесие» — явление природное, фундаментальное, которое можно потрогать, пощупать — это «мертвый бог» извне, то внутри диалектики самодвижения материи залегала идея о соединении *изначальной* пустоты смысла с демиургом. Ведь кто-то же должен устанавливать правильный и истинный смысл диалектических противоречий!

Деятельность такого демиурга неизбежно становится религиозной, и он сам неизбежно превращается в земного бога...

Чтобы опровергнуть диалектику Бухарина, Гессен и Подволоцкий привели конкретные примеры.

Как им казалось — убедительные.

В дискуссии о профсоюзах, следуя своему эклектическому методу, тов. Бухарин без конкретного исследования всей проблемы, пытался эклектически объединить точки зрения ЦК и Троцкого. «Тов. Зиновьев, — писал Бухарин, — говорил, что профсоюзы — школа коммунизма, а Троцкий говорил, что это — административно-технический аппарат управления производством. Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что верно не первое и не второе; верны оба эти положения и соединение этих обоих положений»... Здесь мы имеем типично эклектическое соединение двух признаков «с одной стороны, с другой стороны» и полное отсутствие конкретно-диалектического исследования связей и субординации этих отношений в самой реальной действительности⁹².

Но утверждение типа — «оба верны» не отменяет наличие смысла ни в первой, ни во второй точке зрения. Таким образом речь не идет о том, что нельзя понять общий смысл с разных сторон. Если же сказать, что оба положе-

ния неверны, как это допускала диалектика деборинской школы, то разом поменяется ситуация, в которой на месте смысла обнаруживается искомая неопределенность: а что же правильно? А вот на этот вопрос сможет ответить только тот, кто владеет правом распоряжения диалектикой «самодвижения».

По мнению диалектиков, Бухарин не отказывался от природы как от основного компонента, который устанавливает равновесие между социальной дисгармонией и природной средой: «Вместо внутренней противоречивости общественной структуры основное противоречие в схеме тов. Бухарина отводится противоречию между обществом, как целью, и средой, как величиной, определяющей равновесие»⁹³.

Авторы статьи утверждали, что «теория вrastания кулака в социализм есть не что иное, как конкретизация положения о “структурном равновесии”»⁹⁴.

Несмотря на победу, сторонники Деборина испытывали тяжелое чувство неудовлетворенности от того, что спор вроде бы закончился — коллективное мнение не на стороне механистов — а их сопротивление не только продолжается, но даже усиливается.

Вышел пятый номер сборника «Диалектика в природе», в котором был опубликован дискуссионный материал с аргументами против диалектиков. Передовая статья журнала ПЗМ (№10–11 за 1929 г.) названа с плохо скрываемой издевкой: «О последнем выступлении механистов».

Какие дискуссии могут быть, если отвергнуто механистическое мировоззрение!

Вдобавок к этому с января 1929 года стал выходить новый журнал «Проблемы экономики» с ярко выраженной антидеборинской позицией. Она нашла отражение в том, что резкой критике подвергали труды экономиста И.И. Рубина, примыкавшего к лагерю диалектиков.

В пятом номере ПЗМ за 1929 г. была опубликована статья Н. Карева «К вопросу о предмете политической эконо-

мии»⁹⁵. В ней Рубин предстает как вполне адекватный представитель диалектики в политической экономии. Между тем, в первых номерах журнала «Проблемы экономики» в статье известного экономиста С.А. Бессонова «Против выхолащивания марксизма» концепция Рубина была названа «не марксистской, а ревизионистской». Позицию Карева поддержал в другом номере того же журнала А. Реуэль в статье «Социальное направление политической экономии в наших современных спорах»⁹⁶. В этой статье он разделил экономический фронт по образцу фронта философского на два лагеря: диалектиков, «стоящих на позициях ортодоксального понимания Маркса», и экономистов-механистов, которые вульгаризируют марксизм.

В этой схеме Рубин — полноценный представитель деборинской школы в экономике. Именно критика идей Рубина стала первым пробным камнем в критике школы Деборина.

Следует подчеркнуть, что никакого хаоса в начавшейся компании против Деборина не было: существовал тщательно продуманный и весьма законспирированный план мощного воздействия на все советское общество, который во всех деталях знал только один человек — Сталин. План был продуман таким образом, чтобы никто — хотя бы на первых порах — не распознал, к чему сводятся те или иные агитационно-пропагандистские действия партии. Сталин вел себя очень осторожно, и ни один элемент идеологического воздействия никак не был прямо связан с его личностью, но собранные воедино, эти элементы направлены были на самую глубокую перестройку общественного сознания — на признание несуществующих заслуг не-теоретика партии. На признание, свободное от прямого диктата, на признание ментальное, когда всякий человек должен видеть в личности генерального секретаря партии того, в ком сконцентрировалась и теория социализма, и величайшая практика.

- ¹ *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы). New York: Chalidze Publications, 1981.
- ² *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014, №1. С. 119–120.
- ³ Там же. С. 120.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 124.
- ⁶ Там же. С. 125.
- ⁷ Там же. С. 125.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 126.
- ¹⁰ Там же. С. 127.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 129.
- ¹³ Там же. С. 131.
- ¹⁴ Там же. С. 132–133.
- ¹⁵ Там же. С. 133.
- ¹⁶ Там же. С. 134.
- ¹⁷ Там же. С. 134.
- ¹⁸ Там же. С. 132.
- ¹⁹ Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1992. Оп. 1. Д. 309. Л. 162–163.
- ²⁰ *Долгова Е.А.* Философия в Институте Красной Профессуры (1921–1938 гг.): институциональное оформление, методика преподавания, слушатели, профессура // *История философии.* 2018. Т. 23. №2. С. 81–94.
- ²¹ АРАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 309. Л. 163–164.
- ²² АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 400. Л. 127–127 об.
- ²³ АРАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 309. Л. 10–11.
- ²⁴ *Коришунов Н.Б.* Так называемый «меньшевистствующий идеализм» в исследованиях историков русской философии (1951–2001) // *Философские науки.* 2002. №6. С. 52–73.

- ²⁵ Плимак Е.Г. К реабилитации «меньшевистствующего идеализма» (О моей работе референтом у академика А.М. Деборина) // Вопросы философии. 2002. №4. С. 89–92.
- ²⁶ Корсаков С.Н., Деборин М.Г. Указ. соч. С. 137–138.
- ²⁷ Стэн Я. Об ошибках Гортера и тов. Степанова // Большевик. 1924. №11. С. 87.
- ²⁸ Степанов И. О моих ошибках, «открытых и исправленных» тов. Стэном // Большевик, 1924. №14. С. 90.
- ²⁹ Там же. С. 85.
- ³⁰ Там же. С. 90.
- ³¹ Степанов И. Диалектическое понимание природы — механическое понимание // Под Знаменем Марксизма (далее — ПЗМ), 1925, №3. С. 212.
- ³² Там же. С. 220.
- ³³ Там же. С. 223.
- ³⁴ Там же. С. 226.
- ³⁵ Степанов И. Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного мировоззрения. М.: Государственное издательство, 1925. С. 4.
- ³⁶ Там же. С. 12.
- ³⁷ Там же. С. 26.
- ³⁸ Там же. С. 56.
- ³⁹ Там же. С. 68.
- ⁴⁰ Деборин А.М. Энгельс и диалектическое понимание природы // ПЗМ. 1925. №10-11. С. 5–46.
- ⁴¹ Там же. С. 8.
- ⁴² Там же. С. 11.
- ⁴³ Там же. С. 26.
- ⁴⁴ Там же. С. 39.
- ⁴⁵ Сарабьянов Вл. О некоторых спорных проблемах диалектики // ПЗМ. 1925. №12. С. 195.
- ⁴⁶ Там же. С. 182.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 183.
- ⁵⁰ Там же. С. 186.

- ⁵¹ Там же. С. 188–189.
- ⁵² Там же. С. 192.
- ⁵³ *Самойлов А.Ф.* Диалектика природы и естествознание // ПЗМ, 1926. №4–5. С. 65.
- ⁵⁴ Там же. С. 68.
- ⁵⁵ Там же. С. 79.
- ⁵⁶ Там же. С. 81.
- ⁵⁷ Там же. С. 81.
- ⁵⁸ *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы). NY. 1981, С. 46.
- ⁵⁹ *Деборин А.* Наши разногласия // Летописи марксизма, 1926. №2. С. 4.
- ⁶⁰ Там же. С. 47.
- ⁶¹ Там же. С. 47.
- ⁶² *Аксельрод Л.* Надоело! // Красная новь. 1927. Книга третья. Март. С. 171.
- ⁶³ Там же. С. 173.
- ⁶⁴ Там же. С. 176.
- ⁶⁵ Там же. С. 177.
- ⁶⁶ Там же. С. 179–180.
- ⁶⁷ *Деборин А.М.* Наши разногласия (Заключительное слово на дискуссии в Институте научной философии 18 мая 1926 г.) // Летописи Марксизма. №2, 1926. С. 3–42.
- ⁶⁸ Там же. С. 4.
- ⁶⁹ Там же. С. 5.
- ⁷⁰ Там же. С. 6.
- ⁷¹ Там же. С. 7.
- ⁷² Там же. С. 8.
- ⁷³ Там же. С. 33.
- ⁷⁴ Там же. С. 15.
- ⁷⁵ Там же. С. 15.
- ⁷⁶ Там же. С. 40.
- ⁷⁷ *Аксельрод Л.* Ответ на «Наши разногласия» А. Деборина // Красная новь, 1927. №5. С. 136–163.
- ⁷⁸ Там же. С. 139.
- ⁷⁹ Там же. С. 140.

⁸⁰ Там же. С. 149.

⁸¹ ПЗМ. 1927. №2–3. С. 258.

⁸² *Яхот И.* Указ. соч. С. 49–50.

⁸³ Там же. С. 52–53.

⁸⁴ ПЗМ. 1929. №5.

⁸⁵ Там же. С. 132.

⁸⁶ Там же. С. 136.

⁸⁷ Там же. С. 164.

⁸⁸ Там же. С. 165.

⁸⁹ *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 269–270.

⁹⁰ *Гессен Б., Подволоцкий И.* Философские корни правого оппортунизма // ПЗМ. 1929. №9. С. 1–29.

⁹¹ Там же. С. 12.

⁹² Там же. С. 23.

⁹³ Там же. С. 26.

⁹⁴ Там же. С. 28.

⁹⁵ *Карев Н.* К вопросу о предмете политической экономии // ПЗМ. 1929. №5. С. 41–50.

⁹⁶ *Реуэль А.* Социальное направление политической экономии в наших современных спорах // ПЗМ. 1929. №7–8. С. 29–55.

Глава вторая

Первый этап

В декабре 1929 года Сталин выступил на съезде аграрников-марксистов с речью «К вопросам аграрной политики в СССР». В этой речи не было ничего особенного, кроме одного тезиса, — на первый взгляд, вполне заурядного. Сталин сказал, что «теоретический фронт» отстает от «успехов практического строительства». Поскольку партия объявила новый этап — этап построения социализма в отдельно взятой стране (вопреки прежней теории марксизма!), то никакой теории как программы уже нет, а то, что есть, — и в самом деле устарело. Тезис хитрый, потому что никто не мог заподозрить Сталина в двойной игре.

А она — уже началась.

Чтобы получить лавры единственного теоретика, нужно было расправиться с теми, кто еще оставался таковым в глазах советского общества. Каменев и Зиновьев к этому времени были уже сняты со всех постов и не представляли собой реальной силы. Самым серьезным соперником был Н.И. Бухарин. Поэтому с лета-осени 1929 года началась его травля как главного выразителя «правого уклона». Помимо Бухарина, в вопросах политической экономии социализма авторитетом считался Исаак Рубин¹. Во всяком случае, журнал ПЗМ признавал за ним право диалектически рассуждать о перспективах будущего социализма. Наконец, и сам Деборин, находясь во главе философского фронта, претендовал на лавры единственно верного ученика Ленина в области диалектического материализма.

Сталин не любил воевать со всеми сразу. Он методично выстраивал свою «игру» и действовал очень последовательно. Первый — и надолго главный его враг — Бухарин. Философы уже получили задание писать на тему «правого уклона», и деборинцы были даже рады тому, что полку их врагов прибыло, — это укрепляло их уверенность в окончательной победе.

Итак, теоретическая мысль «устарела» в сравнении с успехами социалистического строительства. В переводе на язык общественной суггестии это означало, что успехи партии так велики, что никакая теория не сравнима с достигнутыми «результатами». Вопрос тогда: что определяет истину марксизма — устаревшая теория или новаторская практика социализма? Администратор Сталин в глазах общества постепенно превращался в человека, который руководит партией на путях первопроходцев! Обнуляется вся прежняя теория — она ничего уже собой не определяет, — зато символически окрашивается неизвестность нового и решающего шага при построении социализма.

В декабре 1929 года Сталину исполняется 50 лет.

Юбилей

Как определить значение генерального секретаря партии в новых условиях, если процесс его превращения в классика марксизма-ленинизма только-только начался? За это дело взялся философ Ст. Кривцов². Однако нет никаких сомнений, что сценарий статьи был продуман не им — а самим Сталиным.

В философской литературе генсека не цитируют, а статья Кривцова написана так, что можно подумать, что не упоминать его нельзя, — ведь речь идет о «лучшем ученике» Ленина!

Это вынужденная проговорка Сталина, ибо он не мог ставить себя ниже «лучшего ученика» Ленина, даже если его в таком качестве не упоминали.

В юбилейной статье Кривцова неявно представлена своеобразная автобиография Сталина, написанная им не буквально, но — вне всякого сомнения — в заготовке, в схеме, в предварительном плане.

Кривцов пишет так, как еще не было принято писать в философской литературе о Сталине. Еще не было традиции обращать внимание на то, что сказал Сталин нового в философии марксизма. А между тем: «Как Ленин явился лучшим учеником и продолжателем дела Маркса-Энгельса... так и Сталин является теперь лучшим учеником и продолжателем дела Ленина»³.

Естественно, что в такой своеобразной автобиографии, нацеленной не на подведение итогов, а на качественно новое будущее, всплывают самые болезненные переживания Сталина, но обнаруживаются они не прямо, а косвенно. То, за что хвалит Кривцов Сталина, — это то, за что хотел бы похвалить себя сам Сталин. Всегда хотел быть «теоретиком» партии, но умом и образованием не вышел! Сталин прекрасно знал это — и смертельно ненавидел тех, к кому природа была благосклоннее.

Троцкий хвастливо говорил о себе как о руководителе Октябрьского переворота, но — при всех возможных преувеличениях — это была правда. Сталин такого о себе сказать не мог, потому что странным образом пропустил главное событие в жизни революционера — саму революцию в виде вооруженного восстания. Роберт Слассер отмечал: «Что может быть более позорным для человека, претендовавшего на место в руководящей верхушке партии — и уже грезившего о том, чтобы стать ее единственным вождем, — чем упустить великий и неповторимый момент триумфа, момент взятия власти? Потребуется многие километры печатного текста, реки чернил — и крови, — пока Сталин наконец не успокоится, уверившись, что его отсутствие среди тех,

кто руководил революцией 1917 года, навсегда стерто из памяти людей»⁴.

24 и 25 октября 1917 года Сталина не было в Смольном.

Роберт Слассер писал, что некоторые историки обходят молчанием этот факт, некоторые думают, что это была попытка сохранить силы партии на случай провала. Сам же он пришел к мысли, что лидеры революции, Троцкий и Свердлов, просто «не захотели привлечь Сталина к участию в подготовке и осуществлению восстания». Этот аргумент представляется вполне убедительным: Сталина не было на заседании утром 24 октября 1917 г., потому что, как отмечал Слассер, Свердлов «не потрудился оповестить Сталина, кроме того, наведаться в партийный штаб ему помешала собственная безынициативность... Сталина, разумеется, никак нельзя было упрекнуть в недостатке ума, но порой он с трудом воспринимал новую для себя ситуацию... Наиболее успешно он добивался осуществления своих целей тогда, когда действовал осторожно, обдуманно и энергично в ситуации, досконально изученной им на основании прошлого опыта. Осуществление большевиками операции по захвату власти представляло собой уникальную, единичную акцию, не оставлявшую больших шансов на успех тем, кто, подобно Сталину, не умел схватывать все на лету, а напротив, готовясь к тем или иным событиям, нуждался в предварительных прикидах и примерках»⁵.

Близкую характеристику деятельности Сталина в 1917 году дал американский историк Р. Такер.

Бурная политическая деятельность Сталина в массах в 1917 г. не отвечала натуре Сталина, поэтому он ничем особенным не проявил себя как политический руководитель, как яркая личность. Не обладая ораторским талан-

том, он не спешил выступать на массовых митингах. Его статьи в большевистской прессе не обнаруживали публицистического дара. Но, что важнее всего, Сталин не проявил таких важных качеств выдающегося революционного вождя, действующего в кризисной и постоянно меняющейся ситуации, как умение быстро приспосабливаться к новой обстановке, теоретическое мышление, хорошее понимание настроений масс и умение на них правильно реагировать, решимость. Не удивительно, что в воспоминаниях многих большевиков Сталин не фигурировал в качестве одного из героев революционного периода. Не выступал он таковым в мемуарах и в исторической литературе первых послереволюционных лет⁶.

Однако в 1924 г. в партийных архивах был найден документ, который давал Сталину право утверждать, что он, в отличие от Троцкого, входил в некий партийный центр, руководивший революцией. Это был протокол расширенного заседания ЦК от 16 октября 1917 г., согласно которому был избран военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого, Дзержинского. Сталин стремился доказать, что он, в отличие от Троцкого, руководил «практически всем восстанием».

Раз в документе нет Троцкого, то его и в революции не было!

Троцкий высмеял эту попытку генсека стать выше правды революции: «...по явному недосмотру сталинских историков — в “Правде” от 2 ноября 1927 года... напечатана точная выписка из протокола ЦК 16(29) октября 1917 года. Вот что там сказано: “ЦК организует военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. *Этот Центр входит в состав революционного советского комитета*”. Революционный Советский Комитет это и есть Военно-Революционный Комитет, созданный

Петроградским советом. Никакого другого советского органа для руководства восстанием не было. Таким образом, пять товарищей, назначенных ЦК, должны были дополнительно войти в состав того самого Военно-Революционного Комитета, председателем которого состоял Троцкий. Ясно, что Троцкого незачем было вводить вторично в состав той организации, председателем которой он уже состоял»⁷.

Если бы Кривцов самостоятельно писал статью о Сталине, он вряд ли бы пропустил публикацию газеты «Правда» от 2 ноября 1927 года. Он мог, основываясь на этой публикации, сказать о Сталине как о руководителе вооруженного восстания — главного события века.

Но Кривцов *ничего не сказал* о роли Сталина в Октябрьской революции!

Он не мог сам решиться на такое. Это означало бы, что автор юбилейной статьи вместе с Троцким сомневается в том, что Сталин был руководителем вооруженного восстания в Петрограде. Очевидно, что Кривцову дали заготовку, и в ней Сталин сам распорядился не упоминать свое имя в связи с событиями Октябрьской революции.

Был придуман — ну явно не Кривцовым — следующий ход!

Точкой отсчета в биографии Сталина стал VI съезд партии РСДРП, проходивший в июле-августе 1917 года. Волей случая Сталину доверили прочитать политический отчет ЦК, который должен был огласить кто-то из главных вождей партии. Но Ленин и Зиновьев находились в подполье, а Троцкий и Каменев были арестованы. Съездом руководили два ненавидевшие друг друга человека, — Сталин и Свердлов.

В статье Кривцова утверждалось, что именно в августе 1917 г. возникла «генеральная линия» партии и, как верный ученик Ленина, Сталин исполнил роль стратега, предсказав дальнейшее развитие событий.

Сталин в эти решающие дни русской революции не потерял перспективы движения, а отсюда и грядущего удара, надо было подготовиться к нему, чтобы затем, перегруппировав силы, нанести его противнику. Но в данный момент, в июле-августе, речь шла о стратегической подготовке. Тем самым уже в августе силы революции были так сгруппированы, что именно нашими большевистскими силами было отражено выступление — контрреволюционный бунт Корнилова (а за его спиной по существу Керенского), этому же руководству партия обязана тем, что с конца августа завоевываются большевиками главнейшие советы и тем ставится на очередь вопрос о захвате власти новыми — уже большевистскими — советами. Тем самым оправдывается линия на завоевание советов, которая была выдвинута взамен устарелого лозунга «вся власть советам», под которым прошли июльские дни. Работа Сталина в этот период отвечает указанному выше первому основному требованию стратегического руководства борьбой пролетариата — о сосредоточении главных сил в решающий момент в наиболее уязвимом для противника месте, что возможно при наличии правильной перспективы, вытекающей из знаний направления главного удара.

Таким образом, мы видим, что Сталин усвоил основные требования ленинского стратегического руководства⁸.

Две главные идеи лежат в основе этого юбилейного очерка. Одна — доказать, что Сталин не только практик, но и стратег, теоретик партии, предсказавший путь революции. И другая, не менее важная идея, — доказать, что именно Сталин был и остается «лучшим учеником Ленина». Последнее было весьма существенно в его далеко идущих планах, ведь он хотел объявить себя не просто лучшим учеником, но и наследником Ленина — как в теории, так и в практике социалистического строительства.

Если говорить от лица исторической науки, то она никак не подтверждает эту близость Ленина и Сталина.

Роберт Такер отмечает: «...в сталинской литературе утверждалось, что в 1917 г. он работал в полной гармонии с Лениным. Факты, однако, не подкрепляют этот тезис. Помимо разногласий в начале апреля, из революционного периода известны еще два случая, когда Сталин расходился с Лениным по вопросам, которые последний считал исключительно важными. Первый эпизод имел место накануне октябрьских событий, когда Каменев и Зиновьев, нарушив партийную дисциплину, раскрыли в газете “Новая жизнь” план восстания. В письмах в Центральный Комитет от 18 и 19 октября Ленин осудил их за “штрейкбрехерство” и потребовал исключения из партии. Однако некоторые члены ЦК посчитали, что принимать столь крутые меры не стоит. При обсуждении этого вопроса 20 октября на заседании ЦК, на котором присутствовали восемь членов, Свердлов, доказывая неправомочность Центрального Комитета исключить из партии, высказался за то, чтобы ограничиться принятием заявления Каменева о выходе из ЦК. Сталин, в этот день по собственному почину опубликовавший в партийной газете письмо Зиновьева с ответами на обвинения Ленина и сопроводивший письмо редакционной заметкой (в которой писал, что “вопрос можно считать исчерпанным”), вначале предложил ничего не предпринимать по данному делу до предстоящего пленума ЦК. Когда же это предложение не прошло, Сталин, утверждая, что Зиновьев и Каменев подчинятся решениям Центрального Комитета, высказался против их исключения из партии и вывода из ЦК...»⁹.

Следующая точка в построении биографии «лучшего ученика» Ленина — 1923 год, когда весь партийный ап-

парат оказался в цепких руках генерального секретаря ЦК. Наконец, на XIV съезде (1925) он смещает Зиновьева и сам зачитывает политический отчет ЦК.

Эта хорошо продуманная схема исключала вопрос, где был Сталин во время событий Октябрьской революции. Да это уже и не было важно: стратегический план он составил вместе с Лениным. Полководцу, пусть и не главному, не обязательно быть на поле сражения. Кривцов так и писал — «...надо было отступать, не потеряв армии» — и стратег в лице Сталина оказался на своем месте! Более того, «Сталин шел рядом с Лениным. Вслед за Лениным он уже в июльские дни указал на то, что момент для восстания не подходящ». Значит, события Октября 1917 года, в которых он не стал символом революции, были частью более раннего стратегического расчета Ленина и Сталина.

Такими казуистическими комментариями Кривцова Сталин хотел доказать, что именно он, а не Троцкий, был во главе Революции.

Вот как этот сталинский сценарий воплотился в юбилейной статье — буквально:

Возьмем сначала момент участия Сталина как сотрудника Ленина по проведению и наметке ленинской генеральной линии партии, после июльских дней 1917 г., затем XII съезд (1923 г.), первый съезд партии без Ленина, XIV съезд — постановка задачи реконструкции — и, наконец, наше время — политика ликвидации кулачества как класса¹⁰.

XII съезд партии проходил без Ленина, но Ленин оставался главой партии. Пропуск XIII съезда объясняется тем, что на нем Г.Е. Зиновьев зачитывал политический отчет ЦК партии — и в тот момент фактически воспринимался как главный теоретик партии. Сталин был союзником Зиновьева в борьбе с Троцким.

Но всех этих кульбитов хронологии все равно было недостаточно. То, что Сталин не теоретик, слишком хорошо известно, и требовалась какая-то новая точка отсчета в объяснении того, что есть «теоретик» партии в новых условиях.

Сталин никогда не забывал свою реплику на VI съезде партии — и Кривцов сделал ее эпиграфом статьи: «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Когда на VI съезде партии обсуждался проект резолюции о перспективах революции, Преображенский предложил формулу о революции сначала на Западе, а потом — в России, что отвечало марксистской теории о мировой революции: она вспыхнет там, где капитализм в наибольшей степени созрел для этого перехода. Сталин тогда сказал: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия, и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитализма. Надо оттолкнуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»¹¹.

Р. Такер сделал такой вывод: «Это примечательное заявление, заслуживающее в силу своей спонтанности тем большего внимания, на какой-то короткий момент приоткрыло завесу над лежащим в его основе русо-

центризмом Сталина. В обмене мнениями проступали контуры будущей дискуссии в партии относительно возможности построения социализма в Советской России без революции в Европе, а в сталинском «творческом марксизме» 1917 г. уже содержалась в зародыше идея построения социализма в одной, отдельно взятой стране»¹².

Сталин мог возражать своим оппонентам из числа признанных теоретиков только одним аргументом: теория не догма и проверяется «практикой». Значит, «практик» сродни теоретику и даже лучше его, если нужно вести за собой партию и весь народ *по неизведанной дороге*, когда нет никаких теоретических указаний. Строительство социализма в одной стране — вопреки мнению «догматического» марксизма — можно осуществить только *творчески*, и никак иначе.

В статье Кривцова излагалась не столько прежняя деятельность Сталина, сколько закладывалась проекция будущего — чего, конечно, не мог знать Кривцов, ибо план будущего излагался так, что только Сталин до конца осознавал, как некоторые рассуждения Кривцова станут жизненной реальностью.

За подписью второразрядного публициста-философа появляется текст, в котором утверждается, что теория марксизма и практика социалистического строительства должны составить «диалектическое единство». Едва ли Кривцов догадывался, о чем идет речь. Для него, как и для многих, не было вопроса, кто глава философского фронта, — конечно, им является Деборин! Однако суть сказанного между строк указывает на то, что это место скоро станет вакантным.

Вот как Сталин — при помощи Кривцова — объяснял свое собственное будущее: «Только троцкизм мог додуматься до лозунга: да здравствует марксизм в теории, ленинизм в практике. Практика и теория должны

быть едины, иначе слабость вождей только практиков и вождей только теоретиков»¹³.

Но что делать с укоренившимся мнением, что Сталин — только практик, а не теоретик?

Выход был найден: Сталин спорит с Бухариным не как теоретик с теоретиком — а как практик невиданной доселе эпохи строительства социализма в одной стране с теоретиком, не понимающим новизны задач социалистического строительства: «Сталин сам говорит о том, что он за *творческий марксизм, против марксизма догматического* (курсив мой. — А.Ю.), а марксизм творческий, не догматический, был в те дни марксизм Ленина, верным последователем которого был и есть Сталин»¹⁴.

Сталин выводил себя из круга традиционных представлений о теоретике марксизма («догматического»), чтобы показать себя в пространстве, никем не освоенном, — в пространстве творчества и самостоятельности. Он не отрицал, что Бухарин и Преображенский — видные, даже «общепризнанные» теоретики. И называет это мнение «бесспорной истиной». Но дальше в статье следует выпад против мнения о Сталине как о практике, явно продуманный не Кривцовым: «...надо пересмотреть эту глупую посылку, пущенную к тому же “неудачливыми претендентами на звание теоретиков”, что Сталин только практик. Нет, Сталин *теоретик марксизма-ленинизма*, и только это его качество, в соединении с его практикой и дало ему возможность вслед за Лениным и вместе с ним (вспомним, когда это происходило) дать стратегический план российской пролетарской революции»¹⁵.

Почему Кривцов не мог написать такое сам, без указания сверху? По одной причине — никто в журнале ПЗМ не называл Сталина «теоретиком марксизма-ленинизма» — это была пока лишь перспектива, а не факт самосознания философской общественности.

Чтобы не было сомнений в том, что главный теоретик в партии именно он и никто другой, по-сталински жестко говорится о «неудачливых» претендентах на это звание: они «не марксисты» в том понимании, какое должно в ближайшем будущем стать актуальным, они «не марксисты», потому что в будущем уже нет места «догматическому марксизму», отжившему свое время: «Теперь после опыта ряда оппозиций мы все знаем слабость, немарксистскую установку основных методологических посылок Бухарина и Преображенского, но ведь именно Сталин еще в 1917 г. показал, что они не марксисты, так как догматический марксизм уже не является марксизмом, а начетничеством»¹⁶.

В статье Кривцова приводятся отдельные примеры творческого применения марксизма в виде цитат из работ Сталина. На пути «переделки» крестьянства возникают большие сложности — отсюда и споры, которые обнажают «левые загибы и правые уклоны». А вот Сталин в июле 1928 г. в статье «Ленин и союз с середняком» указал «на двойственность наших задач в крестьянстве». Кривцов привел большую цитату из этой статьи, но понял ли он, как работает «двойственность» Сталина?

Едва ли — данное «оружие» еще не применялось в условиях философского фронта.

«Диалектика» как технология

Разберем эту большую цитату, рассмотрим «диалектическую» игру Сталина, которая пока сокрыта от глаз посторонних.

Утверждение А:

...разоблачают тех, которые хотят превратить чрезвычайные меры по хлебозаготовкам, имеющие временный характер, в постоянный курс нашей политики... Это очень хорошо.

Утверждение В:

Но нехорошо и неправильно, когда одновременно с этим не уделяют достаточного внимания и не разоблачают как следует тех, которые угрожают смычке с другого бока, не разоблачают тех, которые отдаются мелкобуржуазной стихии, требуют ослабления борьбы... и установления полной свободы торговли без регулирующей роли государства... Это уже нехорошо. Это однобокость¹⁷.

Как видно, в центре этих взаимосвязанных тезисов, каждый из которых таит в себе потенциальную или реальную ошибку, находится исходная «нулевая» позиция, которая дает хозяину «новаторской» диалектики решать совершенно непредсказуемо — где правый уклон, а где левый загиб.

Это можно выразить такой формулой:

$$A - N - B$$

A и **B** — едины и неразрывны: это сама «вещь» в состоянии естественных противоречий.

A — утверждение верное в ограниченном смысле, потому что есть другое неверное утверждение, которое *производно* от **A**. Таким образом, **A**, по существу, тоже неверное утверждение.

B — неверное утверждение, но оно раскрывает сущность ошибки **A**.

N — это синтез, который не заключает в себе *никакого смысла* до тех пор, пока не начнется диалектическое построение; **N** необходимо, чтобы в синтезе была не единица смысла, а воля модератора, утверждающая, что **A** и **B** неверны. Результат силлогизма: «правое уклонение», «левый загиб» — определяются лишь волевым усилием того, кто наделяется правом утверждать, в какой мере **B** обнажает скрытую ошибку **A**. Это право означает, что *обе стороны неправы*, и прав лишь тот, кто манипулирует ситуацией двойственности.

Итак, А — это иллюзия верного смысла, который может лишь казаться правильным. Н — право подвергнуть критике любое кажущееся правильным утверждение, потому что В это любой уклон или загиб от «правильности», умопостигаемые только хозяином диалектической логики. Эта логика позиционирует в конечном счете не наличие смысла, а непознаваемость творческой воли модератора.

Утверждается не смысл — *утверждается воля*, в которой смысл обесмысливается.

Из той же цитаты Сталина — абсолютно тот же «диалектический» прием:

Утверждение А:

Бывает и то, что разоблачают и тех, кто отрицает, скажем, возможность и целесообразность поднятия индивидуальных мелких и средних крестьянских хозяйств... Это очень хорошо.

Утверждение В:

...но нехорошо и неправильно, когда одновременно с этим не разоблачают тех, которые принижают значение колхозов и совхозов и не видят, что задача поднятия индивидуального мелкого и среднего хозяйства должна быть дополнена практически задачей поднятия колхозно-совхозного строительства. Это уже однобокость.

Как это «работало» в реальной политике? Разберем статью Сталина «Головокружение от успехов» («Правда», 2 марта 1930 г.).

Первым тезисом (условно — А) могут служить слова Сталина о том, что перегибы в деле коллективизации определялись не провалом всей кампании и не сопротивлением крестьянства — как и было на самом деле — а тем, что коллективизация идет слишком легко! Слишком быстро — потому что те, кто ее проводят, хотят по-

лучить результат сразу. Отсюда — «головокружение» от успехов. Сам по себе этот тезис ложный с точки зрения основной массы крестьянства, но он подлинный применительно к Сталину, — если иметь в виду технологию власти, в которой каждый тезис продумывался диктатором в зависимости от построения умственной комбинации противоречий.

Итак, коллективизация — дело успешное! Как и полагается, в тезисе **А** — фиксируется иллюзия верного смысла. Но тезис **В** опровергает тезис **А**, ибо тезис **В** разворачивает недостаточную полноту содержания в ту сторону, которая демонстрирует ошибку **А**.

Не надо спешить, когда так много успехов!

Как могли возникнуть в нашей среде эти головотяпские упражнения по части «обобществления», эти смехотворные попытки перепрыгнуть через самих себя, попытки, имеющие своей целью обойти классы и классовую борьбу, а на деле льющие воду на мельницу наших классовых врагов? Они могли возникнуть лишь в атмосфере наших «легких» и «неожиданных» успехов на фронте колхозного строительства¹⁸.

И здесь Сталин не скупился в разоблачениях политики коллективизации.

Артель еще не закреплена, а они уже «обобществляют» жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причем «обобществление» это вырождается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление. Можно подумать, что зерновая проблема уже разрешена в колхозах, что она представляет уже пройденную ступень, что основной задачей в данный момент является не разрешение зерновой проблемы, а разрешение проблемы животноводства и птицеводства. Спрашивается, кому нужна эта головотяпская «работа»

по сваливанию в одну кучу различных форм колхозного движения? Кому нужно это глупое и вредное для дела забегание вперед? Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, — разве не ясно, что такая «политика» может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?

Почему он не боялся, что «правда» от самого товарища Сталина разоблачит кампанию по коллективизации? Да потому что генсек обладал правом N — утверждать свою волю там, где смысл теряет свои очертания и берега, где в любой момент диктатор может сказать: «Почему вы решили, что не надо спешить, ведь колхозное строительство не ждет, и рабочие не ждут, а если вы намеренно тормозите, это значит только то, что вы против строительства социализма!...».

В подписанной Кривцовым статье о Сталине имеется уже очевидное (но пока еще неприметное) противопоставление того, чем славит себя Сталин, тому, что культивирует Деборин. Никому еще из победителей-философов не приходит в голову, что не философ Сталин, практик социалистического строительства, вдруг захочет быть и главным мыслителем страны Советов! Вот поэтому и незаметно, что «ортодоксальному» марксизму уже противостоит марксизм «творческий». Упоенные своей «победой» над механистами, деборинцы не готовы встретиться с самым опасным хищником в долине зла, где они хотели бы жить по своим правилам.

Они не заметили даже первых признаков начавшейся охоты.

Сталин, под видом «стратегии», которой следует восхищаться, приоткрыл свою тактику борьбы с врагами.

Если переводить смысл сказанного с языка юбилейной статьи на язык политической борьбы того времени, то Сталин (под камуфляжем другого автора) довольно откровенно рассказал о себе и о своей личной «стратегии» в тактике борьбы с личными врагами: «Цель такой стратегии — выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление»¹⁹, — писал Кривцов.

Стремясь обрушить цитатный марксизм, Сталин устами Кривцова дает понять, что диалектика в творческом модусе выше любой теории в модусе догматизма. Иначе говоря, ценностью обладает не марксизм как таковой, а диалектическая «логика» при осмыслении живых противоречий и нового синтеза.

В этом ключе и ставился Сталиным (на съезде аграрников в декабре 1929 г.) вопрос об отставании теоретической мысли от практики социалистического строительства. Если «теоретики» отстали от жизни и новой политики партии, то откуда они должны черпать энергию для нового осмысления действительности? Правильно — из политики партии, которую осуществляет товарищ Сталин. Значит, не просто теория, а вся марксистская теория — книжная, высоколобая, которую Сталин не любил, — *должна теперь* зависеть от непредсказуемого источника *движения смысла* — от того, как подумает товарищ Сталин. Мыслительный процесс, создающий диалектику нового качества, известен только товарищу Сталину. Гадай не гадай, а не угадаешь, что правильно, а что — нет.

Ибо это тайна.

Итоговое резюме Кривцова составлено в духе продуманной сталинской программы действий. Это еще *не вполне* реальность общественного настроения, но уже явная *предпосылка трансформации* сознания людей в необходимую сторону:

Резюмируем: Сталин действительно является теоретиком творческого марксизма наших дней. Именно он дал нам ту перспективу развития нашей революции, которая и осуществилась у нас, а против него выступали общепризнанные теоретики, как Бухарин и Преображенский (VI съезд). Именно он дал нам глубокое учение о «революции самой по себе социалистической», что дало теоретический базис нашему строительству социализма в нашей стране, исходя из наших собственных ресурсов (споры против таких общепризнанных теоретиков, как Троцкий, Преображенский, позже Зиновьев, Каменев, Сокольников). Именно он дал нам новую постановку вопроса о нэпе, о классах, о темпах строительства социализма, о смычке, о политике партии (а ведь против него выступал такой общепризнанный теоретик, как Бухарин). Мы видим таким образом, что вождем, идеологом современного марксизма-ленинизма является по праву Сталин, а это же делает его и практически вождем партии, строящей социализм, — ВКП(б), это же делает его и практическим вождем мировой партии социалистической революции — Коммунистического Интернационала. И это проистекает от того, что в Сталине счастливо сочетаются и теоретик, и практик²⁰.

Статья Кривцова — это программа сталинских действий на ближайшее время, а непосредственный удар «здесь и сейчас» прогремел в том же номере журнала ПЗМ. Сразу после статьи о Сталине было опубликовано сообщение «От редакции» (№2–3 за 1930 г.).

Для журнала весь этот текст «От редакции» был новостью — и при том новостью неожиданной. Тональность текста была резкой. Окрик прозвучал из недр идеологического отдела ЦК.

Что же стало новостью? Прежде всего — волна критики Исаака Рубина. Это было уже не мнение одного из спорящих философов по проблемам политэкономии социализма — это было мнение идеологического аппарата партии.

А по существу — это первый «шахматный» удар Сталина по всей деборинской системе защиты. Удар, рассчитанный на то, чтобы посмотреть, что будут делать философы, как они будут объяснять теперь свои прежние попытки отстаивать идеи Рубина, о которых сказано буквально следующее:

Необходимо, чтобы борьба в политической экономии против ревизионизма механистов, *против формально-идеалистических тенденций системы антимарксистских ошибок Рубина* (курсив мой. — А.Ю.) была неразрывно связана с углубленной разработкой марксистской теории, диалектики «Капитала»...²¹

Еще один удар заключался в том, что в философский дискурс журнала вводился обязательный для рассмотрения *тезис о борьбе на два фронта*, который раньше применялся только к вопросу о крестьянстве.

Помимо «двух уклонов», обязательных теперь для обсуждения той или иной позиции, придумана еще одна сторона предполагаемой вины — «примиренчество».

Уйти в сторону «воздержавшимся» невозможно.

В борьбе с различными отклонениями от марксистской философии должна быть усилена борьба на два фронта — и против механистов, и против идеалистических шатаний²².

Этот удар — особенно болезненный: фраза «и против механистов, и против идеалистических шатаний» означала по своей конструкции, что «идеалистические шатания» принадлежат диалектикам. Однако у большинства деборинцев сложилось на первых порах представление, что «паршивой овцой» в здоровом стаде оказался только Исаак Рубин.

Механисты, непосредственно сомкнувшиеся с правыми уклонистами в области философии, являясь знаменем для самых разношерстных элементов, сопротивляющихся проникновению диалектического материализма в конкретные области знания, по-прежнему остаются главной опасностью. Ни шагу назад в борьбе с механистами! Надо критиковать их в конкретных областях знания, разоблачать их ревизионистскую сущность, бить особенно жестоко там, где они непосредственно смыкаются с идеалистами и открытыми врагами марксизма. В то же время необходимо обратить внимание на появление другой опасности, пока находящей себе выражение в ряде отдельных ошибок отдельных товарищей, но могущей привести к *идеалистическому искажению диалектики — опасности чисто-формалистического ее понимания* (курсив мой. — А.Ю.). Должен быть дан отпор такому пониманию диалектики, когда она превращается в мертвую схему, набор пустых форм...²³

Здесь тезис **В** — это «главная опасность», а тезис **А** — возможность разворачивания себя в ложном понимании «диалектики» — и тогда это тоже опасность, не меньшая! Как и в предыдущих примерах, ни **А**, ни **В** не могут существовать без **Н**, ибо мера извращения смысла (как в **А**, так и в **В**) дана только тому, кто владеет правом распоряжаться смыслом исключительно по своей воле.

Итак, главная опасность — это механисты, другая опасность — это «диалектики», учение которых *может быть* искажено идеализмом. Что же из этого следует? Все могут оказаться неправы!

Такое вот предупреждение от товарища Сталина.

С весны 1928 года по всей стране стала разворачиваться кампания, которая выглядела самостоятельной и самодостаточной, однако это не так. Будучи отдельно осуществляемой, она имела генетическое родство с генеральным планом наступления Сталина на советское общество.

Это была кампания «за критику и самокритику».

Она началась после доклада Сталина 13 апреля 1928 г. на собрании актива московской организации ВКП(б) «О работах апрельского Объединенного Пленума ЦК и ЦКК». Затем последовала статья Сталина в газете «Правда» от 26 июня 1928 г. «Против опошления лозунга самокритики».

В этих выступлениях Сталина также обнаруживается технология, которую можно условно назвать *технологией А–N–В*. Она позволяла в массовом порядке утвердить «правильные» (т.е. рациональные) представления о необходимости критики и самокритики (тезис **А**), чтобы затем перейти к акции устрашения в критике самокритики (тезис **В**); сама акция устрашения (исходящая от **N**) заставляла людей бояться не только неправильного, но и «правильного» смысла тоже, потому что по законам неведомой логики «правильный» смысл может оказаться иллюзорным и даже преступным.

Итак, мотивы рациональные (составляющие тезис **А**):

➔ ...самокритика нужна нам, как воздух, как вода. Я думаю, что без неё, без самокритики, наша партия не могла бы двигаться вперед, она не могла бы вскрывать наши язвы, она не могла бы ликвидировать наши недостатки. А недостатков у нас много... (13 апреля 1928 г.)²⁴.

➔ Если наша страна является страной диктатуры пролетариата, а диктатурой руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не может делить власти с другими партиями, — то разве не ясно, что мы сами должны вскрывать и исправлять наши ошибки, если хотим двигаться вперед, разве не ясно, что их некому больше вскрывать и исправлять. Не ясно ли, товарищи, что самокритика должна быть одной из серьезнейших сил,двигающих вперед наше развитие? (13 апреля 1928 г.)²⁵.

→ Сила большевизма в том именно и состоит, что он не боится признать свои ошибки. Пусть партия, пусть большевики, пусть все честные рабочие и трудящиеся элементы нашей страны вскрывают недостатки нашей работы, недостатки нашего строительства, пусть намечают пути ликвидации наших недостатков для того, чтобы в нашей работе и в нашем строительстве не было застойности, болота, гниения, для того, чтобы вся наша работа, все наше строительство улучшалось изо дня в день и шло от успехов к успехам. В этом теперь главное. А там пусть враги наши болтают о наших недостатках, — такие пустяки не могут, не должны смущать большевиков (13 апреля 1928 г.)²⁶.

→ За последнее время у нас стали создаваться некоторые своеобразные отношения между вождями и массами. С одной стороны, у нас выделилась, исторически создалась группа руководителей, авторитет которых поднимается все выше и выше и которая становится почти что недосыгаемой для масс. С другой стороны, массы рабочего класса прежде всего, массы трудящихся вообще поднимаются вверх чрезвычайно медленно, они начинают смотреть на вождей снизу вверх, замурив глаза, и нередко боятся критиковать своих вождей. Конечно, тот факт, что у нас создалась группа руководителей, поднявшихся слишком высоко и имеющих большой авторитет, — этот факт является сам по себе большим достижением нашей партии. Ясно, что без наличия такой авторитетной группы руководителей руководить большой страной невозможно. Но тот факт, что вожди, идя вверх, отдаляются от масс, а массы начинают смотреть на них снизу вверх, не решаясь их критиковать, — этот факт не может не создавать известной опасности отрыва вождей от масс и отдаления масс от вождей. Опасность эта может привести к тому, что вожди могут зазнаться и признать себя непогрешимыми. А что может быть хорошего в том, что руководящие верхи зазнаются и начнут смотреть на массы сверху вниз? Ясно, что ничего, кроме гибели для партии, не может выйти из этого. Ну, а мы хотим двигаться вперед и улучшать свою работу, а не губить партию. И именно для

того, чтобы двигаться вперед и улучшать отношения между массами и вождями, надо держать все время открытым клапан самокритики, надо дать советским людям возможность «крыть» своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы вожди не зазнавались, а массы не отдалялись от вождей (13 апреля 1928 г.)²⁷.

➔ Иногда ругают критиков за несовершенство их критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все 100 процентов. Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить. *Это неправильно, товарищи. Это опасное заблуждение* (курсив мой. — А.Ю.). Попробуйте только выставить такое требование, и вы закроете рот сотням и тысячам рабочих, рабочих, сельских, желающих исправить наши недостатки, но не умеющих иногда правильно формулировать свои мысли. Это была бы могила, а не самокритика (13 апреля 1928 г.)²⁸.

➔ Иногда говорят, что самокритика — вещь хорошая для партии, которая не пришла еще к власти и которой «нечего терять», но самокритика опасна и вредна для партии, которая уже пришла к власти, которая имеет в окружении враждебные силы и против которой могут использовать враги разоблачения ее слабостей. Это неверно. Это совершенно неверно! Наоборот, именно потому, что большевизм пришел к власти, именно потому, что большевики могут зазнаться благодаря успехам нашего строительства, именно потому, что большевики могут не заметить своих слабостей и тем облегчить дело своих врагов, именно поэтому нужна самокритика особенно теперь, особенно после взятия власти («Правда», 26 июня 1928 г.).

➔ Самокритика имеет своей целью вскрытие и ликвидацию наших ошибок, наших слабостей, — разве неясно, что самокритика в условиях диктатуры пролетариата может лишь облегчить дело борьбы большевизма с врагами рабочего класса? («Правда», 26 июня 1928 г.)

А теперь — мотивы критики самокритики (тезис В):

➔ *Само собой понятно, что речь идет здесь не о «всякой» критике (курсив мой. — А.Ю.). Критика контрреволюционера является тоже критикой. Но она ставит своей целью развенчание Советской власти, подрыв нашей промышленности, развал нашей партийной работы. Ясно, что речь не о такой критике. Я говорю не о такой критике, а о критике, идущей от советских людей, критике, ставящей своей целью улучшение органов Советской власти, улучшение нашей промышленности, улучшение нашей партийной и профсоюзной работы. Критика нужна нам для укрепления Советской власти, а не для ее ослабления. И именно для того, чтобы укрепить и улучшить наше дело, именно для этого партия провозглашает лозунг критики и самокритики (13 апреля 1928 г.)²⁹.*

➔ Нам нужна не всякая самокритика. Нам нужна такая самокритика, которая подымает культурность рабочего класса, развивает его боевой дух, укрепляет его веру в победу, умножает его силы и помогает ему стать подлинным хозяином страны. Одни говорят, что ежели есть самокритика, то не нужна трудовая дисциплина, можно бросить работу и заняться болтовней обо всем понемножку. Это не самокритика, а издевка над рабочим классом. Самокритика нужна не для разрушения дисциплины, а для её укрепления, для того, чтобы трудовая дисциплина стала сознательной, способной устоять против мелкобуржуазной расхлябанности. Другие говорят, что ежели есть самокритика, не требуется больше руководства, можно отойти от руля и предоставить все «естественному ходу вещей». Это не самокритика, а позор. Самокритика нужна не для ослабления руководства, а для его усиления, для того, чтобы превратить его из руководства бумажного и малоавторитетного в руководство жизненное и действительно авторитетное. Но есть и другого рода «самокритика», ведущая к разрушению партийности, к развенчанию Советской власти, к ослаблению нашего строительства, к разложению хозяйственных кадров, к разоружению рабочего класса, к болтовне о переро-

ждении. К такой именно «самокритике» звала нас вчера троцкистская оппозиция. Нечего и говорить, что партия не имеет ничего общего с такой «самокритикой». Нечего и говорить, что партия будет бороться против такой «самокритики» всеми силами, всеми средствами. Надо строго различать между этой чуждой нам, разрушительной антибольшевистской «самокритикой» и нашей, большевистской самокритикой, имеющей своей целью насаждение партийности, упрочение Советской власти, улучшение нашего строительства, укрепление наших хозяйственных кадров, вооружение рабочего класса («Правда», 26 июня 1928 г.).

➔ Конечно, мы не можем требовать, чтобы критика была правильной на все 100 процентов. Если критика идет снизу, мы не должны пренебрегать даже такой критикой, которая является правильной лишь на 5–10 процентов. Все это верно. Но разве из этого следует, что мы должны требовать от хозяйственников гарантии от ошибок на все 100 процентов? Разве есть на свете люди, гарантированные от ошибок на все 100 процентов? Разве трудно понять, что на выращивание хозяйственных кадров нужны годы и годы, что отношение к хозяйственникам должно быть у нас самое бережное и заботливое? Разве трудно понять, что самокритика нужна нам не для травли хозяйственных кадров, а для их улучшения и укрепления? («Правда», 26 июня 1928 г.)

➔ Критикуйте недостатки нашего строительства, но не дискредитируйте лозунг самокритики и не превращайте его в кухню для изготовления дешевых сенсаций.

Критикуйте недостатки нашего строительства, но не извращайте лозунг самокритики и не превращайте его в орудие травли наших хозяйственных и всяких иных работников. И главное: не подменяйте массовую критику снизу «критической» трескотней сверху, дайте массам рабочего класса втянуться в дело и проявить свою творческую инициативу в деле исправления наших недостатков, в деле улучшения нашего строительства (26 июня 1928 г.).

Отношение N:

Надо строго различать между этой чуждой нам, разрушительной антибольшевистской «самокритикой» и нашей, большевистской самокритикой, имеющей своей целью насаждение партийности, упрочение Советской власти.

Вопрос — кто будет «строго различать»? Модальность «надо» в устах Сталина имеет отношение только к самому Сталину; это ему разрешено устанавливать безграничность воли в распоряжении смыслом. Это ему решать, кто и как нарушает священные для большевиков принципы самокритики.

Страх — естественное последствие внедрения такой системы оценок в массовое сознание; страх — следствие полной неуверенности в том, что правильно, а что — неправильно, что критикуется правильно, а что критикуется с контрреволюционным смыслом. Это система внушала страх не только массам, но и «вождям». В значительной мере для них и была создана эта садистическая модель контроля за мыслями и поступками. Вожди в любой момент могут оказаться под «критикой масс» — и любая критика партийного вождя может оказаться злобным выпадом против Советской власти.

Только подумает обычный человек, что... вот правильно сказал товарищ Сталин:

«...иногда ругают критиков за несовершенство их критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все 100 процентов. Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить. Это неправильно, товарищи. Это опасное заблуждение», —

как вдруг всплывут и другие слова того же товарища Сталина:

«Конечно, мы не можем требовать, чтобы критика была правильной на все 100 процентов. Если критика

идет снизу, мы не должны пренебрегать даже такой критикой, которая является правильной лишь на 5–10 процентов. Все это верно. Но разве из этого следует, что мы должны требовать от хозяйственников гарантии от ошибок на все 100 процентов? Разве есть на свете люди, гарантированные от ошибок на все 100 процентов?»

Из сферы **N** возникает **Культ Ошибки**, направленный на уничтожение всякого смысла, конституированного естественной природой человека. Из сферы **N** товарищ Сталин двигается к созданию собственного культа безошибочной логики, культа, в котором он присвоит себе бесконечную власть земного божества. Наименьшая его цель — владеть физическим существованием человека, высшим удовлетворением он считал для себя власть над смыслом и душой человеческой.

Вернемся к сообщению «От редакции» (№2–3 за 1930 г.). В философский дискурс журнала вводится принцип рассмотрения любых политически окрашенных вопросов философии марксизма через диалектическую формулу «на два фронта». Для Сталина это было существенно, потому что его технологическая модель разоблачения (**A–N–B**) работала лишь в этой семантической оболочке. Только так Сталин мог умертвить всякую теорию путем «синтеза» диалектических противоречий.

Следующая (после статьи Кривцова и сообщения «От редакции») статья «Теория классов и классовая борьба в капиталистическом обществе» принадлежала перу С. Гоникмана³⁰. В ней довольно нейтрально упоминается Н.И. Бухарин и даже сказано: «Мы полностью присоединяемся к точке зрения Бухарина»; здесь же упоминается А.А. Богданов — и тоже нейтрально, а вот имени Сталина нет вообще. Это значит, что редакция журнала (реальная, а не мнимая) не была подготовлена к быстрым переменам: публикации идут одна за другой, как

будто их не касаются уже получившие санкцию новые установки — что и как теперь писать.

В следующей статье А. Мартынова «Теория подвижного равновесия общества и взаимоотношения между обществом и внешней средой (Критика «Теории исторического материализма» тов. Бухарина)»³¹, тоже не агрессивной по отношению к Бухарину («Ведь тов. Бухарин субъективно не собирался ревизовать Маркса, он хотел только “углубить” и “дальше развивать” учение Маркса»), уже учтена критика Рубина, прозвучавшая в сообщении «От редакции» — и его взгляд на экономику назван так же, как в сообщении, «диалектико-идеалистическим».

Правка «на ходу»? В одном месте успели, в другом — нет?

Существенно, что и в этой статье нет упоминания «лучшего ученика» Ленина, даже вскользь!

В последующих статьях Н. Петрова («Мировое хозяйство как предмет политической экономии»), И. Бутаева («Мировое хозяйство как конкретный процесс капиталистического воспроизводства»), М. Рютина («Диалектика и проблемы войны»), М. Гришина-Николаева («О философском смысле одного литературного выступления»), В. Боровского («Новое в учении о рефлексках»), Ф. Дучинского («Неодарвинизм и проблема эволюции человека») также *ничего не сказано* о «лучшем ученике Ленина» — товарище Сталине. Зато восхваляется Деборин, единодушно говорится о победе его философской школы.

Сталин не мог не заметить, прочитав этот номер, что его усилия по возведению себя на пьедестал марксистской философии пока не увенчались успехом.

Глубокие перемены на философском фронте наступили весной 1930 года.

Идея «поворота»

Авангардом сталинской идеологии стало партийное бюро философского отделения Института Красной Профессуры Коммунистической академии, которое возглавляли М. Митин и П. Юдин, молодые философы. Они не стали сопротивляться нововведениям и принялись выполнять свою миссию, которая была обозначена словом «поворот». Это слово было введено специально, чтобы подчеркнуть необходимость перемен: их суть — признать власть политическую выше марксистской «теории», демонстрирующей первородство мыслителя над партийным чиновником. Слово «поворот» — удачное во всех смыслах. Оно заставляло признать, что в теоретической мысли обнаружено — и не кем-нибудь, а Сталиным — отставание от успехов социалистического строительства.

Деборинцы категорически не допускали этой мысли: они только что «победили» механистов, разве может победа быть свидетельством «отставания»? Они были против идеи «поворота», потому что поворот уже совершен, механисты повержены — вот результат!

Сталин полагался на развертывание кампании критики и самокритики — и молодые философы, начиная с весны 1930 г., стали критиковать на партийных собраниях нежелание руководителей философского фронта прислушиваться к голосу партии.

Главный пункт столкновений был таков: либо непосредственная связь с партийной идеологией — и тогда требуется «поворот», либо разграничение партийной идеологии и теоретической разработки проблем марксизма — и тогда не требуется поворот.

И. Яхот отмечал: «...очень скоро стало ясно, что те, кто желал сбросить деборинцев с философского Олимпа, встретились с большими трудностями. Это в основ-

ном была молодежь, теоретическая подготовка которой все еще оставалась на студенческом уровне. Демагогичность выступлений делала их неуязвимыми, когда они разоблачали то, что сами называли “троцкистскими формулировками” в декларациях дебординцев. Но как только они пытались выступить с обсуждением теоретических вопросов, направляя острие критики против дебординцев, получался конфуз, который последние неизменно использовали, демонстрируя, с одной стороны, свое теоретическое превосходство, а с другой — теоретическую несостоятельность молодого “боевого отряда” философов. Так постепенно стало ясно, что силы “снизу” теоретически слишком слабы, чтобы справиться с дебординцами»³².

В конце марта 1930 г. в ситуацию на философском фронте стали вмешиваться представители ЦК партии.

Никакой случайности не было в том, что Ем. Ярославский опубликовал в газете «Безбожник» (30 марта 1930 г.) свой доклад на пленуме Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, в котором усомнился в абсолютной правоте «диалектиков», а в заключительном слове заявил буквально следующее: «Надо выправить и ошибки диалектиков, точно так же, как это сделали в отношении Рубина и других в области политэкономии. Думаю, что здесь нельзя проводить такого водораздела, — мол, здесь правильная марксистская линия, а это — еретики. *Ведь так думали и в отношении Рубина, а в конце концов оказалось, что это не так* (здесь и далее курсив мой. — А.Ю.), и проглядели за этим спором о пустяках большие серьезные вопросы, в которых как раз те, которые считали себя ортодоксальными людьми, оказались неправы»³³.

Этот «выстрел» — вполне ожидаемый: нет сомнений в том, что он был согласован со Сталиным. Ведь задача партийной критики Рубина — отмечу еще раз, совер-

шенно безапелляционной, — в том и заключалась, чтобы ранить врага, показать, что никакой стопроцентной ортодоксальной «выдержанности» нет, — а ведь о ней деборинцы очень беспокоились!

Раз ошиблись с Рубиным — значит и другие промахи возможны.

Такова логика Ем. Ярославского.

Это был первый «кирпич» в основании Культа Ошибки на философском фронте.

Когда Ярославский выступал на пленуме Центрального Совета Союза воинствующих безбожников, говоря о неполноте истины марксизма в построениях диалектиков, его спросили (согласно стенограмме): «Могут механисты быть и правыми?». На это был дан вполне определенный ответ: «Да, в отдельных вопросах кое-кто из механистов может оказаться на более правильном пути, чем те, которые их критикуют»³⁴.

Это был еще один «кирпич» в основании Культа Ошибки — заронить сомнение, что в споре кто-то бывает прав до конца.

Ответ Ярославского симптоматичен той интуицией партийного работника высокого уровня, которая помогала иногда не столько понимать, сколько чувствовать, что перед лицом высшей власти никто не может быть прав, пока не получит на то соизволение. Но в данном случае следует согласиться с И. Яхотом: «Это было нечто новое и, по-видимому, серьезное: все понимали, что Ем. Ярославский высказывает не свою личную точку зрения»³⁵.

Это видно хотя бы по тому, что Ярославский в ответах на вопросы аудитории дал понять, что «авторитетная резолюция» марксистско-ленинских учреждений для него не указ. Он — за союз с механистами, пусть они и не во всем правы.

Однако следует уточнить: понимали, конечно, что Ярославский не посмел бы сам радикально менять си-

туацию на философском фронте. Но кто именно стоит за Ярославским — еще долго оставалось вопросом для сторонников Деборина.

Сталин не выходил из тени.

Подготавливалась почва для внедрения сталинской суггестии (условно: **A-N-B**), когда никто не может считать себя ортодоксально правым. На данном этапе Ярославский внушал мысль, которая внешне выглядела как гуманная и справедливая, — в самом деле, зачем лишать механистов права голоса? На деле же это означало, что философы должны были осознать меру своей неправоты *со всех сторон* сталинской диалектики.

Деборинцы считали, что в руководстве партии нет единого мнения, что Ем. Ярославский взялся за дело, в котором явно не разобрался. Почти детская уверенность, что в игре против Деборина выступали отдельные представители власти, но не сам Сталин, — о котором и подумать не могли, как о претенденте на роль главного мыслителя страны Советов, — сыграла с ними дурную шутку. Будучи дезориентированными, они решили выступить — и довольно смело — против Ярославского. Как им казалось, на самом верху партийной иерархии просто не знают о реальном положении дел.

Не хватает, так сказать, информации.

Между тем, 20 апреля 1930 г. в журнале «Большевик» была опубликована статья Ем. Ярославского, который продолжил говорить о механистах совсем не то, что могло бы понравиться диалектикам. Статья называлась «Можно ли сотрудничать в антирелигиозной пропаганде с механистами. Ответ товарищам: Гессену, Аголу, Гоникману, Левину, Левиту, Подволоцкому, Стэну, Кареву, Лупполу»³⁶.

В открытом письме упомянутые философы-«диалектики» задавали Ярославскому вопросы по поводу его выступления на пленуме Центрального совета Союза

воинствующих безбожников³⁷. Ярославский в ответе вспомнил умершего в 1928 г. И.И. Скворцова-Степанова, «который отнюдь не был последовательным диалектиком-материалистом, которого диалектики-материалисты обвиняли в механизме», однако проводил большую атеистическую работу, какую не проводили диалектики. Он упомянул, что Степанов был противником ленинградской оппозиции на XIV партсъезде, проявил четкость в борьбе с правым уклоном, был членом ЦК, директором Института Ленина, членом редакции газеты «Правда», переводчиком Маркса, «прекрасным знатоком марксизма», — почему же, согласно письму философов, он должен перестать такого человека считать марксистом, и как тогда «ревизионист» мог возглавлять Институт Ленина?

Механисты-коммунисты — члены партии. Если съезд партии скажет, что товарищи, имеющие механистический уклон в области философии, не могут быть членами партии, тогда мы можем встать на такую точку зрения, на какую становится т. Дубинский и др. *Однако партия не стоит на этой точке зрения* (курсив мой. — А.Ю.). Я не возражаю против того, что можно было еще резче сказать о необходимости борьбы с механистическим уклоном философии, чем это сделал я в своей речи³⁸.

Одновременно Ярославский вновь заявил, что «в ряде статей диалектиков-марксистов мы находим совершенно неправильное, немарксистское, неленинское применение гегелевской диалектики». Он вспомнил, что в шестом номере журнала «Большевик» была опубликована статья М. Фурщика «О либеральном и марксистском понимании этики», и даже процитировал то место, в котором Фурщик повторил мысль Ярославского о том, что Деборин имеет каутскианское направление мыслей в вопросах этики.

Ярославский отверг предложение философов пересмотреть свой взгляд на сущность философского спора диалектиков и механистов и заявил:

Я ничего не собираюсь «пересматривать» на предстоящей философской конференции. Свою слабую попытку по-большевистски критиковать наши ошибки я отнюдь не могу рассматривать как «попытку прикрыть механистическую ревизию марксизма». Такое заподозривание товарищей заставляет меня думать, что большевистскую самокритику в своих рядах они понимают не совсем правильно, не совсем по-большевистски³⁹.

По сравнению с предыдущим номером, в четвертом номере ПЗМ за 1930 г. ситуация изменилась, но не радикально.

В этом апрельском номере было опубликовано новое сообщение под названием «Об итогах и новых задачах на философском фронте». В примечании к заголовку сказано: «Принято всеми голосами против одного на соединенном заседании фракций Института философии Коммунистической академии и московской организации Общества воинствующих материалистов-диалектиков» (24 апреля 1930 г.).

Уже не обойтись без признания, что «ошибкой было печатание» статей И. Рубина без примечаний о том, что его работы имеют дискуссионный характер.

Другого выхода у диалектиков не было — наступало трудное время, которое они стремились пережить с наименьшими потерями для *основного состава* философской школы.

В итоговом материале уже чувствовалось присутствие чьей-то редакторской руки, хорошо знающей, в какую сторону следует поворачивать философский фронт. Главный тезис — это пресловутое отставание теории «в разработке проблем исторического материализма в свя-

зи с опытом революции». Что касается материалистической диалектики — то она «должна быть обогащена и той практической диалектикой, о которой писал Ленин».

Вновь подчеркивается необходимость расширительного толкования борьбы «на два фронта» — это *текстуальный повтор* сообщения «От редакции»: «...должна быть усилена борьба на два фронта — и против механистов, и против идеалистических шатаний... В то же время необходимо обратить внимание на появление другой опасности, пока находящей себе выражение в ряде отдельных ошибок отдельных товарищей, но могущих привести к идеалистическому искажению диалектики — опасности формалистического ее понимания...».

Замыкает цепочку идеологических мероприятий пресловутая «самокритика», обращенная теперь внутрь философского фронта.

Решительное развертывание подлинно большевистской самокритики является коренным условием выполнения огромных задач, стоящих перед марксистско-ленинской философией. Дальнейшее движение вперед в области теории, в условиях монопольного положения марксизма, возможно только на основе широко развитой самокритики в собственных рядах. Самокритика должна обеспечить такое положение, чтобы малейшие ошибки в среде марксистов не замалчивались, а немедленно подвергались критике и исправлению. Самокритика должна стать повседневным методом нашей работы, она должна содействовать вовлечению в теоретическую работу широких слоев рабочего партийного актива, через самокритику только можно добиться того положения, чтобы вся наша работа находилась под постоянным контролем широкой пролетарской общественности. Самокритика на теоретическом фронте должна носить выдержанный большевистский характер... Точно так же необходимо давать решительный отпор попыткам зажима самокритики не принципиальными, а личными моментами⁴⁰.

В этом четвертом номере соединились все основные элементы контригры Сталина, они действовали как удавка — медленно, но верно.

Сталин не торопился, шаг за шагом сужая пространство для маневра сторонников Деборина, заставляя их думать в нужном ему направлении, где уже расставлены все необходимые ловушки...

В пятом номере журнала ПЗМ за 1930 г. произошел некоторый поворот в сторону большего цитирования Сталина.

Но ситуация не стала более однозначной, напротив — она стала еще сложнее.

Именно пятый номер показал удивительный факт: главные сотрудники журнала, включая Деборина, не знали, кто стоит за атакой на философский фронт на самом верху, и потому питали немалую надежду на то, что если проявить твердость и характер, то там — наверху — поймут правильность выбранного Дебориным пути.

Философское сопротивление

Пятый номер ПЗМ открылся редакционной статьей «Годы великого перелома». В ней были процитированы слова Сталина, сказанные на конференции аграрников-марксистов (27 декабря 1929 г.), из которых следовало, что устарела теория *в области сельского хозяйства и экономики*, — и потому следует равняться на «практику», успешную и созидательную.

Но если мы имеем основание гордиться практическими успехами социалистического строительства, то нельзя то же самое сказать об успехах нашей теоретической работы в области экономики вообще, в области сельского хозяйства в особенности. Более того: надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли⁴¹.

О философском фронте Сталин ничего не сказал!

Имеются все основания полагать, что эту редакционную статью писали сами руководители журнала — деборинцы. Они старались соединить все новые партийные указания свыше и собственную позицию. Приравнивая «идеалистические шатания» к эклектизму, они явно хотели занять место коллективного модератора — чтобы самим решать, кто уходит вправо, а кто — влево от генеральной линии партии: «Уклоны от генеральной линии партии “вправо” и “влево” в области теории имеют предпосылку одного и того же порядка — замену диалектики абстрактно-схоластической, механистической, эклектической методологией».

И что уже точно свидетельствует о непричастности сталинского аппарата к составлению этого текста — *полное игнорирование тезиса о необходимости «самокритики»*.

Но еще более важный индикатор состояния дел на философском фронте — следующая за редакционной статья А.М. Деборина «Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте»⁴².

Главный философ страны и в самом деле «устаревал»! Ортодоксальная мысль марксизма утверждала, как и писал об этом Деборин, что государство при вхождении в социализм будет отмирать, тогда как все действия Сталина в духе «творческого марксизма» указывали, что на практике роль государства будет только возрастать.

Деборин не мог писать о том, чего нет в теории!

Но поразительно не это. А то, что главный философ страны — после всех предупреждений и упоминаний свыше о том, что Сталин является «лучшим учеником» Ленина и что успехи строительства социализма выше всякой теории, — ни единым словом не упомянул Сталина! Ничего не сказано в связи с сообщением «От ре-

дакции» (№2–3 за 1930 г.), ничего не сказано о «самокритике», и — что уж совсем фантастично, — ни словом не упомянул Деборин об «отставании» теории от практики социалистического строительства!

Мы видим, что и в редакционной статье, и в статье Деборина сформировалась ответная позиция философской школы диалектиков: а) признавать в целом отставание «теории» от практики социалистического строительства — но только в области экономики (от Рубина отреклись!) и сельского хозяйства, а не в области диалектического материализма; б) самим решать вопрос о «двух фронтах» в философии и, признавая этот тезис, считать уклонами от генеральной линии механицизм (вправо) и эклектизм (влево); в) не считать «самокритику» относящейся к диалектическому материализму.

Следующая статья под названием «Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма»⁴³ была написана Н. Каревым, одним из главных выразителей исторического материализма в стане диалектиков.

В ней даже речи нет о признании ошибок!

Глухо упомянут Сталин — без имени, просто приводится сноска на статью «Головокружение от успехов». В статье идет речь о диалектике исторического материализма с указанием работ Маркса и Ленина — но без каких-либо цитат из трудов «лучшего ученика» Ленина!

Главный тезис сталинской пропаганды об отставании теории от практики социалистического строительства Карев пытался рассмотреть по-своему. Для него теория — это «проектор» в деятельности масс. Из теории вытекает правильный путь, сама жизнь. Иными словами, «теория» — это учение Ленина, а «практика» — труд миллионов людей, труд всей партии коммунистов.

Без упоминания Сталина.

Даже предавая Рубина, Карев все же пытался сохранить лицо, указывая на то, что «недостаточная кри-

тика» его учения со стороны журнала требует новой дискуссии, в которой следует уйти от изолированного рассмотрения экономики и более широко осмыслить «закономерности развития переходного периода».

Карев уверен, что работники философского фронта обязаны помочь партии: «Необходимо активное участие работников в области философии теории исторического материализма в выработке генерального плана социалистического строительства в нашей стране»⁴⁴.

Нет никакого признания, что теория устарела! Напротив — выражается острое желание создавать генеральный план строительства социализма на правах «прожектора» для народных масс.

Как и в статье Карева, в следующей публикации Гр. Баммеля («Об идеалистической философии после Октября») мы встречаем лишь глухое упоминание Сталина и положительные оценки трудов Деборина, Карева, Луппола, Покровского.

В статьях Ф. Олещука («На антирелигиозном фронте»), И. Разумовского («Борьба с международным ревизионизмом на философском фронте»), С. Яновской («Очередные задачи математиков-марксистов») вообще нет упоминаний о Сталине.

Лишь глухая сноска на работу Сталина об оппозиции в статье С. Новикова («Политическая методология троцкизма»).

В статье И. Агола⁴⁵ «Задачи марксистов-ленинцев в биологии» содержится не признаваемый Дебориным раздел «самокритика как основной метод работы», но зато сказано, что марксистскую «выдержанность» в теории надо понимать как «философскую генеральную линию»: «...особое внимание должно быть обращено на принципиальную марксистско-ленинскую выдержанность нашей философской генеральной линии. Уступка в принципиальной линии или смазывание этой линии чревато

большими практическими последствиями. Никаких принципиальных уступок. Никаких отступлений от завоеванных позиций, никакого примиренчества к разбитым осколкам!»⁴⁶.

Как будто ничего не произошло!

Ни слова — о «творческом марксизме», ни единого слова о Сталине...

Но, может быть, позиция Агола это случайность, некая «биологическая» кривая?

Нет, не случайность.

В статье В. Юринца «Философский фронт на Украине» сообщается, что украинский философ Семковский поначалу был противником школы Деборина, критиком, но в конце концов признал ортодоксальную правоту диалектиков. В статье говорится о важности «борьбы на два фронта», но сама деборинская школа находится вне этих уклонов.

Наконец, следующий — самый скандальный материал этого номера — можно сравнить со взрывом огромной мощности, который случился лишь потому, что никто из подписавших эту статью не представлял себе, с кем имеет дело.

Статья «Десяти» и газета «Правда»

В пятом номере была опубликована большая статья, написанная коллективом авторов — фактически *всем руководящим составом* философского фронта. Она называлась так: «О борьбе на два фронта в философии». Авторы — А. Деборин, И. Луппол, Я. Стэн, Н. Карев, И. Подволоцкий, Б. Гессен, М. Левин, И. Агол, С. Левит, Ф. Тележников.

Выход пятого (майского) номера был задержан, потому что сама статья стала ответом на публикацию трех философов — М. Митина, В. Ральцевича и П. Юдина.

Статья перебежчиков была опубликована в газете «Правда» 7 июня 1930 года под названием «О новых задачах марксистско-ленинской философии». Ходили ли они к Льву Захаровичу Мехлису, или дело обошлось разговором с менее значимым представителем сталинского идеологического аппарата, мы не знаем. Но иначе и быть не могло: статья М. Митина, В. Ральцевича и П. Юдина с абсолютной точностью воспроизвела сталинскую модель подавления.

Главный тезис авторов — «мы можем констатировать резкое отставание теории»!

О «резком отставании» никто не говорил, даже Сталин в речи перед аграрниками упомянул только «некоторый разрыв» между теорией и практикой.

Обязательная часть статьи — критика «механистов».

Но и со стороны «диалектиков» явлены были «неленинские оценки переходного периода»: речь шла о Н. Кареве, допустившем ошибочные толкования периода перехода от капитализма к социализму. «Эта теория без всяких исправлений и примечаний перепечатывается автором вновь в 1929 г., уже после всей той борьбы, которая была проведена партией с троцкизмом», — писали авторы статьи.

Едва ли не самый существенный для Сталина момент «поворота», учтенный в статье «трех» философов, — отождествление материалистической диалектики с борьбой «на два фронта». Это тот путь, по которому надо было заставить идти всех, чтобы сработала вся механика сталинской пропаганды.

Тов. Сталин, который наиболее четко теоретически формулировал борьбу на два фронта, дает образец углубленного понимания марксистско-ленинской диалектики. Имеем ли мы хоть одно слово со стороны философов-марксистов в деле обоснования и теоретического осмысления

этих вопросов? Примеров такой пассивности по отношению к актуальным политическим проблемам можно привести очень много.

В этой статье Деборин — фигура нейтральная: удар был нанесен по Стэну и Кареву, которые и составляли «ядро» руководителей философского фронта.

Подводя итоги всей критики: нет реальной борьбы на два фронта, нет реальной самокритики, нет полного понимания, что отставание «теории» от практики социалистического строительства — факт, с которым надо считаться. В самом обобщенном виде итог их рассуждений таков — *надо признавать ошибки* перед партией, не сопротивляться.

Предполагать, что более молодые философы сразу раскрыли игру Сталина, а старшие по возрасту ничего не поняли, — слишком наивно. Следует думать, что одним сказали о воле партии, а других намеренно оставили в неведении, чтобы посмотреть до какой грани они готовы сопротивляться.

Конечно, старшие товарищи могли бы догадаться, что игра идет большая, что за спиной молодых философов стоит весь аппарат идеологии. Для этого достаточно было внимательно прочитать всю публикацию трех философов и не пропустить важное примечание, которое сделано было, — заметим особо, не в журнале, где это принято, — а в газете! Примечание такое: «Редакция солидаризируется с основными положениями настоящей статьи». Подобная «солидарность» могла состояться *только и исключительно* по воле генерального секретаря партии большевиков, — другие варианты даже не рассматриваются. Но философы находились под таким самогипнозом от своей недавней победы, что им трудно было поверить в свое глубочайшее поражение. Их по-прежнему смущало, что они не понимают, кто же стоит за этими

публикациями. В том, что Сталин — лидер партии, никто не сомневался, и не было сомнений, что он великий практик социалистического строительства. Но что он еще и великий мыслитель, сравнимый с Лениным? Такое на ум прийти не могло, — если не иметь в виду ритуально-юбилейные экзерсисы «своего брата» философа, уже привычные и потому не замечаемые.

Эта грозящая революция ума — на самом деле контр-революция Сталина, о которой предупреждал ехидный Троцкий. Но никто тогда не поверил в дурные предсказания, как не поверили и теперь, весной 1930 года, в момент решительного наступления Сталина на здравый смысл и всем известные умственные очевидности.

Руководство философского фронта решило, что за атакой на Деборина стоит Ем. Ярославский...

Новые детали этой истории всплыли значительно позже. В 1961 г. секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев спросил двух в то время уже сталинских академиков, Марка Борисовича Митина и Павла Федоровича Юдина, правда ли, что в 1930 г. они угрожали расправой академику Деборину, если он не признает ошибок в руководстве философским фронтом. Эту версию Ильичев знал по письму Деборина в Президиум ЦК КПСС от 12 октября 1956 г., в котором говорилось следующее:

В конце 1930 года началась критика Общества воинствующих материалистов-диалектиков: обвинение меня в недооценке Ленина, «гегельянстве», идеализме и пр. В то же время ко мне на квартиру явились М.Б. Митин и П.Ф. Юдин, которые передали мне ультиматум публично отмежеваться от членов Общества, разоблачить их как врагов народа и признать Сталина корифеем философской науки. Ультиматум был мною отвергнут⁴⁷.

Согласно письму Деборина, угроза была в конце 1930 года.

В ответе Ильичеву за подписью сталинских академиков Митина и Юдина (от 20 декабря 1961 г.) сказано, что эта встреча состоялась «в середине» 1930 года. Расхождение важное: в конце 1930 года Деборин уже знал, кто стоит за всей кампании против него. А вот в середине 1930 года мог только догадываться...

Из письма двух академиков:

Секретарю ЦК КПСС тов. Л.Ф. Ильичеву.

Сообщаем Вам следующие данные об обстоятельствах нашей встречи с т. А.М. Дебориным, которая имела место, примерно, *в середине 1930 г.* (здесь и далее курсив мой. — А.Ю.) Как известно, к этому времени в партийной организации Института красной профессуры, на философских кафедрах и в ОВМД (Общество воинствующих материалистов-диалектиков) развернулась острая дискуссия по коренным принципиальным вопросам марксистско-ленинской философии: о ленинском этапе в развитии марксистской философии, о партийности философии, о необходимости ликвидации отрыва теоретической работы от задач социалистического строительства, о преодолении «гегельянизации» марксистской диалектики и т.п. Так называемое тогдашнее философское руководство (А.М. Деборин, Карев, Стэн, Луппол и др.) решительно сопротивлялись необходимости серьезного поворота в научной работе марксистов философов к практике социалистического строительства. Деборин был тогда ответственным редактором журнала «Под знаменем марксизма», Карев — заведовал философской редакцией СОЦЭКГИЗА, Стэн — вел преподавательскую работу в ИКП. Таким образом — все основные философские вышки были в руках Деборина и его соратников. Мы же были только *начинающими работниками в области философии* (М.Б. Митин только что окончил ИКП, П.Ф. Юдин был еще слушателем ИКП, секретарем парторганизации философского отделения ИКП) Когда разногласия обострились до крайности, *то прежде чем выступить открыто в печати*, мы решили сделать попытку в товарищеской встрече с А.М. Дебориным обсудить разногласия с ним, убедить его в необходимости прислушаться к голосу молодой пар-

тийной философской общественности и даже предлагали ему возглавить борьбу за перестройку работы в области философии. Эта попытка объяснялась тем, что А. Деборин пользовался у нас еще известным пиэтетом, возглавлял важнейшие участки философской работы. К сожалению, эта попытка не дала никаких результатов. В беседе с нами А.М. Деборин *держал себя высокомерно, слышать не хотел о необходимости внесения серьезных коррективов в теоретическую работу в философии, считал (наши) взгляды антиленинскими и упрощенческими*. Эта позиция А.М. Деборина нашла свое полное выражение в его докладе на дискуссии в Коммунистической Академии, которая проходила вскоре после встречи, осенью 1930 г.⁴⁸

Деборина подвела память, а Митин и Юдин едва ли могли забыть, при каких обстоятельствах произошла встреча. Это случилось до 7 июня 1930 г., до публикации статьи в «Правде». На такой шаг молодые философы могли пойти, только имея поддержку высшей партийной власти. Отсюда — этот психологический конфликт, когда в разговоре с ними Деборин показал высокомерие и нежелание «самокритиковаться». Он едва ли знал всю подноготную кампании против него и допускал в своем сознании несогласие с такими высокими партийными бонзами, как Ярославский, а тут — вчерашние студенты... Но и сами сталинские академики, Митин и Юдин, проговорились — нечаянно: будучи молодыми философами они требовали от академика отречься от своей философской победы! С какой стати? Написав это в 1961 г., они не подумали, что такое озорство никогда не поощрялось в партийных инстанциях, а они сами были слишком послушными⁴⁹.

Звонил ли Стецкий Деборину?

Об этих событиях рассказал Е.Г. Плимак, работавший у Деборина в качестве референта. Получился в итоге не-

рассказ воспоминаний академика. К чести Плимака, он не стал преувеличивать ценность и фактическую точность того, что запомнил: «Я не вел никаких дневников, не записывал свои разговоры с Абрамом Моисеевичем Дебориным (1881–1963) и вообще не могу привязать точно к хронологическим датам этапы той борьбы»⁵⁰. Рассказ Плимака, к сожалению, не был критически осмыслен историками советской философии, и некоторые хронологические смещения памяти — вполне естественные, но неверные по существу, — вошли в научный обиход как едва ли не безусловные и доказанные факты. Плимак так передал воспоминания опального академика: «В конце 1930 г. тогдашний заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК, — сказал Деборин Хрущеву, — объявил мне, что отныне требуется утвердить один авторитет во всех областях (!), в том числе и в области философии. Этот авторитет — наш вождь Сталин. В связи с этим меня вскоре посетили на квартире тт. Митин, Юдин и Ральцевич, которые предъявили мне ультиматум: на публичном собрании я должен был разгромить своих учеников, объявив их врагами народа. Самого же Сталина провозгласить великим философом»⁵¹.

В примечании указано, что Деборину звонил А.И. Стецкий.

Деборин совместил в своем сознании два события. Приход к нему молодых философов, который действительно был, — но не в конце 1930 года, а в начале июня 1930 года — и телефонный звонок Стецкого.

Начнем по порядку: почему этого события — в том виде, как рассказал Плимак — не могло быть.

Во-первых, молодые философы приходили только один раз — в июне 1930 г. Сделали это они потому, что Деборин не знал еще, кто стоит за всей этой кампанией против него и всего философского фронта. Если бы он знал, то не позволил бы себе так упорно не соглашаться-

ся с аргументами обвинения вплоть до октября 1930 г., когда произошло совещание в Коммунистической Академии.

Во-вторых, сами молодые философы тоже не знали, каков истинный смысл борьбы против школы Деборина. Сохранилась стенограмма заседания партийного Бюро факультета философии ИКП от 14 июня 1930 г. То, что произнес П.Ф. Юдин в своем основном докладе на этом Бюро, то, что он сообщил о границах своего понимания ситуации на философском фронте, говорит о том, что он мог в тот момент требовать от Деборина только одного — признания теоретических ошибок, и ничего более.

Ни о какой замене руководства речь не шла!

...разговоры о том, что есть тут установка пересмотреть все коренным образом, что есть установка ревизовать линию развития, то есть установка отбросить все эти работы, которые были до сих пор, — такие разговоры ни на чем не основаны...⁵²

Юдин особо подчеркивал значимость того, что делал философский фронт под руководством Деборина: «...надо бесспорно отметить, как колоссальное достижение в развитии философской мысли, ту борьбу, которая проведена материалистами диалектиками с механистами»⁵³.

Он настаивал только на том, чтобы согласиться с имеющимися недостатками и ошибками в теоретической работе:

Товарищ Сталин поставил вопрос так, что в нашей теоретической работе есть большие недостатки. Наша теоретическая работа страдает существенными недочетами, а именно — наша теория отстает от практических успехов... Это общая постановка товарищем Сталиным вопроса о нашей теоретической мысли, о состоянии нашей теории, мне думается, целиком применима (конечно, с некоторым отличием от экономистов) к положению на философском фронте⁵⁴.

Задача — просто подчиниться требованию партии:

...наше Бюро считает необходимым добиться признания со стороны Правления Общества воинствующих материалистов диалектиков, со стороны Правления Института Философии, — добиться признания ошибок (об этом надо сказать прямо, не замазывая всего политического существа дела) — это вопрос о том, насколько теоретическая работа на философском фронте была увязана с актуальнейшими политическими вопросами, насколько теоретическая работа шла в ногу с Партией в ее борьбе на 2 фронта⁵⁵.

Во-третьих, Стецкий не мог звонить Деборину в июне 1930 г. и сообщать о том, что Сталин теперь главный мыслитель страны Советов. Это настолько вне всего, что мы знаем о Сталине, о стиле его руководства, что только воображая другого Сталина, другую страну и другую партию можно позволить себе поверить в такую картину. Стецкий не мог получить от Сталина подобное поручение, потому что генеральный секретарь партии никому заранее не открывал своих планов, ни с кем не делился своими интриганскими делами и никогда не стал бы говорить с мелкой партийной сошкой о своих планах в тот момент, когда процесс превращения его в главную фигуру на философском фронте еще не завершился.

Кроме того, в июне 1930 г. А.И. Стецкий не имел никаких полномочий для такого звонка. 5 января 1930 г. из Отдела агитации, пропаганды и печати ЦК был выделен Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), которым и доверили ему руководить. Сфера полномочий этого Отдела представлена была разными секторами, но только 15 августа 1930 г. Отделу культуры и пропаганды передали полномочия управлять Сектором науки.

Наконец, Стецкий не мог звонить Деборину и в конце 1930 года, потому что надобности в таком звонке не

было никакой. В октябре 1930 г. Деборин признал политические ошибки, и никаких неясностей, кто руководит философским фронтом, уже не было. Стецкий мог звонить по всякому вопросу, затрагивающему Сталина, только и исключительно, если получал задание от Сталина. Почему же Деборин вспомнил о звонке, которого по всем параметрам быть не могло? Память и тут изменила ему. Если и был звонок, то не Стецкого — Деборину. Звонил Деборин Стецкому — в такое поверить можно, хотя бы гипотетически. Стецкий учился в ИКП. После совещания в октябре 1930 г. потребность звонить своим бывшим ученикам была только у Деборина, потому что его положение в самом деле было и странным, и крайне неустойчивым.

Но вернемся к пятому номеру ПЗМ.

Теперь понятно, почему этот номер был заранее подготовлен к активному сопротивлению: Деборин скорее всего знал о письме «трех» и о готовящейся публикации в «Правде». А вот знал ли он, что к письму трех будет прилагаться примечание о «солидарности» газеты? Скорее всего, не знал и не мог знать. Кто станет заранее предупреждать о провокации?

Думается, это была и страховка для «трех», которым явно не хватало ни ума, ни авторитета, чтобы воздействовать на Деборина, пребывавшего в воинственном состоянии духа.

Но вернемся к содержанию статьи десяти самых крупных представителей «школы Деборина» — в пятом номере журнала «Под Знаменем Марксизма»⁵⁶.

Формально они признавали правильными положения «о необходимости поворота, развертывания самокритики, борьбы на два фронта, необходимости критики методологических основ троцкизма и т.д.», но на деле продолжали упорствовать, объясняя свое нежелание соглашаться с критикой тем, что «значительнейшая

часть этой статьи — все, что в ней есть правильного — представляет простой пересказ», а местами дословное повторение резолюции «О новых задачах на философском фронте», опубликованной в четвертом номере журнала.

Сама эта резолюция, как уже показано выше, составлялась деборинцами.

Логика ответа такая: правильные требования партии — неправильны в интерпретации «трех»; требованиям этим необходимо дать «наши» умозаключения, а не «извращения» Митина, Ральцевича и Юдина о том, что считать «самокритикой», что считать «отставанием» и т.д.

В статье «десяти» раскрывалась подоплека некоторых публикаций, которые были под пристальным наблюдением деборинцев. Упомянута статья П. Юдина в газете коллектива ИКП «За ленинские кадры» (№2 от 15 мая 1930 г.) под заголовком «Ошибки были, о них надо говорить прямо и открыто». В этой статье было сказано, что философская мысль оторвана от коренных задач социалистического строительства.

Что на это ответить? Как в старом анекдоте: где поставишь акцент в прочитанном тексте — там и смысл. Юдин сказал — «оторваны»! Возражение с другим акцентом — как может материалистическая философия быть «оторванной»?

Тов. Юдин из этих совершенно правильных положений делает чудовищный вывод, что, разрабатывая теорию материалистической диалектики и борясь с механистами в философии, мы находимся в стороне от вопросов социалистического строительства. По тов. Юдину выходит, что и Ленин, выдвигая на первый план материалистическую переработку гегелевской логики, находился в стороне от вопросов строительства социализма. Партийность в философии и связь ее с социалистическим строительством, начинается с того момента, когда *ортодоксия почил на путаной статейке* (курсив мой. — А.Ю.) Юдина, Митина и Ральцевича⁵⁷.

Философы не уловили, что в статье Кривцова утверждался творческий марксизм Сталина, а они говорят об «ортодоксии», не ведая перемен.

В статье десяти крупнейших представителей философского фронта нет ни единого слова о творческом методе Сталина, ничего не сказано о его трудах, зато практически все основные компоненты идеологической кампании они подвергают своей интерпретации.

Как они понимают «поворот»?

Он должен произойти внутри материалистической диалектики; «поворот» — это новое качество диалектики, освободившееся от груза механистической традиции⁵⁸.

Что такое генеральная линия в философии?

Это борьба и против правого уклона — «механистов», и против идеалистических извращений — «эклектиков». В данном случае борьба на два фронта понимается, как право деборинской школы самой обозначать уклоны. Это право определено так: «Борьба на два фронта предполагает *самостоятельную* ленинскую позицию».

К кому отнести авторов статьи в «Правде»? К эклектикам, конечно! Потому что «у них остается в тени задача борьбы с примиренчеством по отношению к механистам»⁵⁹.

Не случайно, что все товарищи, выступавшие теперь против философской линии «Под Знаменем Марксизма» и руководства Общества воинствующих материалистов-диалектиков, делали или делают формалистические, идеалистического характера ошибки. Достаточно указать формально-логический схематизм т. Дмитриева, риккертанское понимание отношения общества и природы у т. Фурщика, неправильное определение материи т. Милоновым, указанную нами ошибку т. Митина и т.д. Список этот может быть значительно увеличен. В ближайших номерах «Под Знаменем Марксизма» будет дана развернутая теоретическая критика формалистических и эклектических ошибок⁶⁰.

Имеется еще одно доказательство того, что авторы статьи против «трех» знакомились со статьей Митина, Ральцевича и Юдина в «Правду» до публикации в газете, не зная, что к этой статье будет добавлено примечание от редакции, которое нельзя уже не отождествить с мнением партийного руководства. Если бы дебординцы знали о примечании, то вряд ли они согласились бы поставить свои подписи под таким текстом: «С каких это пор тт. Юдин, Дмитриев, Фурщик, Митин и Ральцевич замещают собой партию и получили мандат на непогрешимость? Что это за манера отождествлять свои эклектические взгляды с генеральной линией партии!»⁶¹.

Самокритика необходима, считали дебординцы, но в духе заявленной борьбы на «два фронта».

И тогда эта самокритика обязана присутствовать не у тех, кто ортодоксален, а у тех, кто уклоняется от диалектической истины марксизма. Самокритика нужна в первую голову механистам и эклектикам. А иначе — что получается? «Заговорив о самокритике», авторы статьи в «Правде» «должны были указать и на свои собственные ошибки» — а они не указали...

«Самокритика» в устах не Сталина, а Деборина осмысливалась так: «Для осуществления всех указанных нами задач необходимо последовательное развертывание большевистской самокритики».

Вот так — «указанных нами задач»!

И как общий итог всего написанного десятью философами по поводу «трех» перебежчиков — полное игнорирование имени Сталина.

Ни слова, ни строчки о нем.

«Генеральная философская линия»

Но вернемся еще раз к пятому номеру журнала ПЗМ. В следующей статье С.О. Новикова «О либерально-меньшевистском и марксистско-большевистском понимании

этики» излагаются аргументы в острой борьбе, которую сторонники Деборина рассматривали как борьбу с Ярославским, с его наскоками на «школу»⁶². Критические стрелы были обращены на статью М. Фурщика «О либеральном и марксистском понимании этики», опубликованную в журнале «Большевик» (№6 за 1930 г.). Новиков подчеркнул «заказной» характер работы Фурщика, ибо в статье Деборин назван «каутскианцем» в вопросах этики. Точно так же был определен Деборин в статье Ем. Ярославского, опубликованной в №22 «Безбожника» за 1930 г., где было сказано, что Деборин в споре с Л. Аксельрод-Ортодокс проявил себя не марксистом, а каутскианцем.

Новиков смело атаковал, потому что не знал всей подноготной и считал Ярославского главным сценаристом «философской» баталии. Сама комбинация определена им правильно — с помощью Фурщика сказать следующее: «Если т. Деборин — каутскианец и либерал в вопросах этики, тогда что-то гнило в этой *самой генеральной философской линии* (курсив мой. — А.Ю.), которая проводится во всех работах Деборина»⁶³.

В этой партии Новиков пока видит только пешек и не видит короля.

И даже не догадывается о его незримом присутствии.

Если бы он немного сомневался, то десять раз подумал бы прежде, чем писать такое: «Кто хочет обвинить тов. Деборина в этическом ревизионизме, тот должен предварительно потрудиться обнаружить у него философский и политический ревизионизм»⁶⁴.

Горделивое замечание указывает на уверенность автора в том, что философию марксизма никто не знает лучше, чем Деборин — что, возможно, и правда. Как и то правда, что у большевиков «нет незаменимых людей».

Новиков демонстрировал борьбу с «воинствующим эклектиком» и нисколько не пугался намеков Фурщика

на то, что это пока только этические прегрешения Деборина, а в скором времени обнаружатся и другие! Новиков нападал смело и не выбирал выражений: Фурщик «надеется выиграть свой обезьяний процесс против Деборина с помощью Марка и Энгельса»⁶⁵. И еще: «... все обвинения т. Деборина в раздвоении нравственного мира покоятся у Фурщика на сознательном извращении цитаты, на подлоге»⁶⁶.

Такое можно публиковать при условии, что автор свято верит: генеральная линия в философии — это Деборин и никто другой.

Между тем у Фурщика уже мелькают, но пока хаотично, два обвинения, крепко между собой не связанные: что Деборин «меньшевик» по взглядам и что эти взгляды демонстрируют идеалистические мотивы. Несколько позже товарищ Сталин соединит наконец эти блуждающие точки в единую формулу — «меньшевиствующий идеализм».

Связав Фурщика и Ярославского в одну цепь событий, Новиков отвечал и тому, и другому. Отвечал в высшей степени дерзко, нарочито объясняя Ярославскому истинную пользу «большевистской самокритики». Ну раз вы настаиваете на этом тезисе — покажите пример!

...мы уверены, что, сопоставив все источники, т. Ярославский с присущей ему большевистской прямоотой и резкостью отмежуеться от т. Фурщика. Это тем более необходимо, что ошибка в оценке этических взглядов т. Деборина обеспечивает в не малой степени главное ядро известных выступлений т. Ярославского по вопросам философской дискуссии, а именно: ясную и резкую постановку вопроса о необходимости развертывания большевистской самокритики в лагере материалистов-диалектиков. Мы надеемся, что «отдельные» ошибки, допущенные при этом т. Ярославским (в том числе утверждение, что у механистов имеются... отдельные ошибки,

а у диалектиков система ошибок), будут исправлены самим т. Ярославским в порядке большевистской самокритики «гораздо резче, чем он это сделал» до сих пор... В неудачной оценке ошибок механистов и диалектиков, т. Ярославский сделал существенную ошибку. Но механисты делают очень существенную ошибку, когда по случаю трений в лагере материалистов-диалектиков они пытаются сыграть роль третьего смеющегося... Когда т. Ярославский это сделает и в достаточно резкой форме, механисты, может быть, поймут, что им-то, во всяком случае, нечего радоваться по случаю... большевистской самокритики в лагере материалистов-диалектиков. От самокритики выиграют не механисты, а диалектический материализм⁶⁷.

Новиков, в отличие от Деборина и десяти философов, написавших совместную статью, все же упомянул Сталина, и не один раз — но лучше бы он этого не делал вообще. Имя Сталина вводилось им в образные сравнения весьма сомнительного свойства. Например, он писал о Фурщике: «Троцкий говорит о политике Сталина таким же языком, как Фурщик об этике Деборина». Или: «Фурщику остается объявить тов. Сталина “либералом”»⁶⁸. И после таких отрывистых сравнений — ни с того ни с сего: «Сталин целиком следует Марксу, Ленину и Энгельсу». Удивляет не только порядок имен — еще более странно, что буквально «вчера» были произнесены настоящие мантры о творческом марксизме Сталина, а теперь оказывается, согласно Новикову, что Сталин лишь копиист классиков марксизма.

Ничего своего. Ничего творческого!

В смысловых координатах деборинской школы — это похвала за ортодоксальность, но в новом свете сталинской диалектики, ищущей себя на просторах творческого марксизма, — это хула, злая и беспардонная.

И следующая статья И. Разумовского «О марксистском и эклектическом понимании этики» — снова в

защиту Деборина⁶⁹. Главные силы брошены в атаку на Ярославского и против Фурщика.

Разумовский искал союзника в борьбе с Ярославским. Такой союзник был найден им... в лице Сталина.

Даже на уровне эпитафий⁷⁰ — противопоставление:

Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин.

Сталин

Учение о социальных инстинктах в корне антимарксистское, в прямом смысле слова враждебно учению Маркса, Энгельса и Ленина о классовой борьбе...

Фурщик

Цель такого противопоставления — показать враждебность Фурщика (читай, и Ярославского) мыслям и словам Сталина.

Главное обвинение заключалось в том, что Фурщик пересматривает основы «марксистской методологии, извращает историю, и историю марксизма в частности, и вносит эклектическую путаницу в понимание целого ряда вопросов»⁷¹.

В чем же заключается эта «путаница»?

Чтобы поддержать свою позицию, Разумовский едва ли не впервые вводит имя Сталина в ряд классиков — чего ранее не было. Однако пока это только констатация отдельного факта, что о революционном классовом инстинкте писали вожди пролетариата: «Фурщик признает только биологические инстинкты. Спрашивается, как же быть с понятием революционного классового инстинкта, собственнического инстинкта буржуазии и т.д., о которых неоднократно говорят Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин?»⁷².

Разоблачая эклектизм, Разумовский, сам того не ведая, с необыкновенной точностью определил смысл всей технологии Сталина по суггестивному давлению на общество и отдельную личность, суть которой состоит в том, что никто не прав до тех пор, пока о самой правоте не скажет главный модератор истинности. Разоблачая группу Фурщика-Ярославского, Разумовский сообщал Сталину о том, как эта группа извращает марксистскую диалектику.

Не следует уничтожать смысл!

Это сущность «эклектизма».

Неизвестно, хватило ли чувства юмора у Сталина, чтобы рассмеяться, но факт остается фактом — Разумовский ближе всех подполз к тайному источнику власти генсека.

Глубокий и действительный лозунг, выдвинутый нашей партией и лишь недавно вновь блестяще сформулированный т. Сталиным — лозунг борьбы на два фронта предполагает *умение «выбирать в каждый данный момент основное звено противоречия»* (курсив мой; это цитата из статьи Сталина «Головокружение от успехов». — А.Ю.), вокруг которого сосредотачивается вся наша теоретическая работа и теоретическая борьба. Только с точки зрения этого основного звена — борьбы за диалектическую методологию — может быть правильно поставлено освещение и механистических и идеалистических ошибок, могут быть правильно оценены роль и философская позиция отдельных товарищей. Эклектизм в корне извращает лозунг борьбы на два фронта, подменяя его старым-престарым: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, нельзя не признаться... Нельзя отрицать ошибок механистов, но нельзя же во всем признать правоту философов-диалектиков... Короче говоря, каждая сторона должна «ошибаться», чтобы правым оказался сам эклектик⁷³.

Разумовский, как и Новиков, нападает с крайней мерой обострения ситуации: «Статья тов. Фурщика была

напечатана в «Большевике» *по явному недосмотру редакции* (курсив мой. — А.Ю.). Ответственность за это всецело падает на нас, философов-коммунистов, которые до сих пор сделали очень мало для того, чтобы создать серьезный, выдержанный философский отдел в теоретическом органе нашей партии»⁷⁴.

Как видно, никто из дебординцев не осознает, кто на самом деле стоит за проделками Ярославского, и это дает Сталину возможность манипулировать людьми и выжидать, когда лучше всего напасть на врага. Точно так, как и написал об этом в юбилейной статье Кривцов.

Ральцевич и Митин атакуют вновь

В атаку против дерзкого пятого номера ПЗМ бросились В. Ральцевич и М. Митин. У обоих — открытая дорога к официальным органам печати большевиков. Первым ринулся в атаку Ральцевич. Он опубликовал в журнале «Большевик» (№14, 31 июля 1930 г.) статью под провокационным названием «Философский “подарок” XVI съезду ВКП(б) (О №5 журнала “Под Знаменем Марксизма”）」⁷⁵.

В первых же строках статьи он отметил задержку журнала ПЗМ: «Рецензируемый номер журнала, на обложке которого стоит: “Май. К XVI съезду ВКП(б)”, вышел лишь в первой декаде июля, перед самым окончанием работ съезда».

Почему так важно было для Ральцевича начать статью с указания на задержку номера? Прежде всего для того, чтобы сказать, что руководители философского фронта были в курсе того, как проходит съезд, и в курсе того, что статья «трех» была опубликована в официальном органе партии — в газете «Правда» от 7 июня 1930 г.

И не просто опубликована — а опубликована с примечанием.

Естественно было ожидать, что журнал «ПЗМ» так или иначе откликнется на эти статьи. И, наконец, №5 журнала возбуждал особенный интерес в виду того, что от него естественно было ожидать соответственного реагирования на указания центрального органа партии — «Правды» (мы имеем в виду согласие «Правды» с основными положениями статьи «О новых задачах марксистско-ленинской философии», «Правда» от 7 июня). Однако №5 журнала «ПЗМ» совершенно не удовлетворяет этим законным требованиям⁷⁶.

Ральцевич продолжал свою мысль о важности хронологии событий: «Журнал производит такое впечатление, будто он вышел не в июле, а самое большее — в начале мая, т.е. до появления тезисов тт. Яковлева, Куйбышева и Шверника. Посвященный XVI съезду №5 журнала “ПЗМ” не отражает борьбы за линию партии оружием марксистско-ленинской философии, показывает определенное политическое отставание “основных философских кадров”».

Вот для чего это требовалось: показать, что философский фронт в лице руководителей журнала отстает от новых событий в политической жизни.

Ральцевич раскритиковал редакционную статью пятого номера — она, по его мнению, «слабая по своему теоретическому и политическому уровню», «грешит грубейшими ошибками» и вместе с тем «наглядно иллюстрирует резкое отставание, отрыв некоторых наших “теоретиков” от политической, партийной жизни»⁷⁷.

Он пошел путем разоблачения всего: неверно в передовой представлен троцкизм, игнорируется ленинская теория империализма, нет понимания «закона неравномерного развития капитализма», нет ясной и правильной критики правого уклона. Словом, «проникнутая духом политической болотности передовая №5 “ПЗМ” (посвященного XVI съезду!) — дает лучшее объяснение, поче-

му современное философское руководство, которое несет ответственность за эту передовую, *так нервничает, когда поднимается вопрос о партийности философии, когда наиболее чуткие партийцы-философы* (курсив мой. — А.Ю.) требуют увязки теоретической работы с актуальными проблемами социалистического строительства»⁷⁸.

Особенно разозлило Ральцевича и стоящих за ним то, что отрыв теории от практики руководители философского фронта признают только на словах — формально, а не по существу. И борьбу на «два фронта» тоже рассматривают лишь как пожелание, а не указание партии.

...ни слова о «некотором разрыве между практически-ми успехами и развитием теоретической (в особенности, философской. — В.Р.) мысли». Ни слова даже об отставании или хотя бы о некотором отставании в развитии философской мысли от задач практической борьбы. Так «применяются» правильные слова тов. Сталина! Так клянутся люди правотой чужих слов, чтобы оставить в покое неправоту собственных дел! Такова «самокритика» «ПЗМ»!⁷⁹.

Вопрос о борьбе на два фронта, по мнению Ральцевича, запутывается сознательно. Ибо «два фронта» — это и механистическая концепция как главная опасность, и идеалистические извращения. Но в передовой пятого номера «ПЗМ» ничего не сказано о том, что идеалистические заблуждения характерны не только для «механистов», но и для «диалектиков»! Руководители журнала явно «замазывают» опасность «идеалистических извращений диалектического материализма со стороны ряда философов-коммунистов, со стороны части философского руководства»⁸⁰.

Культ Ошибки требовал жертв.

Ни Деборин, ни Карев, по мнению Ральцевича, никаких ошибок за собой не числят. Если Деборина он критиковал по частным вопросам, то труды Карева стали для Ральцевича основной мишенью.

А как насчет ошибок? Насчет ошибок т. Ник. Карев «забыл» сказать. О философской борьбе с троцкизмом не сказано ни слова (в самом деле, зачем говорить, когда ее не было). <...> Но вот наконец просвет: т. Ник. Карев говорит об ошибках — слушайте. Партийные философские кадры перегружены. Они защищали в области политической экономии ряд теоретических правильных и существенных положений. А ошибки? Подождите... «Правильно было то, что...». А неправильно? «Неправильно было недостаточно резкое отмежевание от взглядов Рубина, недостаточная критика его, то, что вопросы экономической дискуссии рассматривались изолированно от общих задач социалистического строительства и осмысливания закономерностей развития переходного периода» (стр. 32). Таково признание — единственное во всей руководящей статье т. Ник. Карева — ошибок на философском фронте! Можно ли удовлетвориться таким «признанием»? Ни в коем случае! Разве было на деле «отмежевание от взглядов Рубина»? Не было этого...⁸¹.

Все прочие авторы пятого номера журнала ПЗМ также подверглись острой критике Ральцевича.

В конце рецензии — долгожданные слова о статье «десяти»:

Эта статья является попыткой противопоставить философской линии «Правды» философскую линию «ПЗМ» и нынешнего философского руководства <...> Статья «десяти» отличается крайне спесивым, барско-пренебрежительным тоном по отношению к товарищам, посмеявшимся выступить на повороте с самостоятельной позицией в вопросах философии. Этот тон находится в обратно-пропорциональном отношении к положительному содержанию статьи. Если выжать все «положительное содержа-

ние» этой статьи, то оно сведется к весьма уже тощей для наших дней истине, «что нужно разрабатывать теорию материалистической диалектики». Теперь требуется это конкретно делать, и делать на конкретном материале и естествознании <...> Статья «О борьбе на два фронта в философии» совершенно обходит выдвинутый в «Правде» вопрос о значении Ленина в развитии философии марксизма, о соотношении Ленин — Плеханов, как философы-марксисты, о партийности философии и т.д. Авторы этой статьи, обвиняя авторов статьи в «Правде» в путанице, эклектизме, в списывании и т.д., ни единой документальной ссылкой не подкрепляют столь тяжких обвинений. В действительности же все основные положения статьи «трех» остаются в силе... Философское руководство отчаянно сопротивляется разворачиванию самокритики в философском движении... Таким образом, итог нашей рецензии на №5 журнала «ПЗМ» заставляет бить тревогу о положении на философском фронте. Редакция «ПЗМ» и ее «основные кадры» должны понять, что вместо путанных, беспринципных, фальшивых «ответов» «Правде» они должны сказать правду о себе, о положении на философском фронте⁸².

8–9 августа 1930 г. в газете «Правда» была опубликована статья М. Митина «За действенную разработку ленинского философского наследства». Это был ответ на статью «десяти» в журнале ПЗМ.

Митин выражал неудовольствие не столько свое, сколько строителей всей этой кампании.

Руководство философского фронта не признает до конца необходимость «поворота», ибо, как сказано Митиным, «пока еще всякое слово самокритики встречается философским руководством в штыки, встречается немедленным “отлучением” от марксизма, как будто теоретическая непогрешимость и марксистско-ленинская ортодоксия являются заранее данными априорными свойствами самой “природы” тт. Стэна, Карева, Гессена и др.»⁸³.

Эти слова чрезвычайно важны, ибо глубоко в них спрятана важнейшая претензия сталинского руководства к перечисленным лицам — они пытаются соединить себя с непогрешимостью и ортодоксией.

Интересно, как Митиным обыгрывалась история с примечанием к статье «трех» в «Правде». Очевидно, что вся эта история была заранее подстроена, потому что «аргумент примечания» действительно убийственный, — никто в Стране Советов не позволяет себе спорить с «Правдой», только философы! Значит, они в самом деле пытаются соединиться с непогрешимостью и ортодоксией, пренебрегая мнением газеты «Правда».

Вышедший к XVI съезду партии №5 «Под знаменем марксизма» с напечатанным в нем ответом на статью в «Правде» от 7 июня «О новых задачах марксистско-ленинской философии», с основными положениями которой редакция «Правды» солидаризировалась, ответ целой группы товарищей в составе Деборина, Карева, Стэна, Луппола, Подволоцкого, Гессена, Агола, Левина, Левита, Тележникова является лучшим свидетельством характеризуемого нами положения⁸⁴.

Следующее замечание — отсутствие «самокритики». Как доказывается ее необходимость? Прежде всего — «отставанием» теории от практики социалистического строительства.

На это явление указал товарищ Сталин — а вы, товарищи философы, расскажите честно, где и как это происходит. Митин вновь упоминает редакционное примечание к статье «трех» в Правде, чтобы еще раз показать, что никакой ортодоксии у деборинской школы нет: «Такое отношение философского руководства к самокритике на философском фронте, к необходимости поворота к актуальным проблемам и задачам социалистического строительства совершенно не случайно, оно

внутренними корнями связано с тем известным отрывом философии от политики, философии от актуальных задач, которое было констатировано в упомянутой статье в «Правде» и который (отрыв) прочно угнездился на философском участке теоретической борьбы»⁸⁵.

Прозвучал и личный упрек Деборину, который несколько позже получит свое развитие: упрек в том, что он недооценил Ленина как «величайшего теоретика», назвав его «практиком». Смысл всего замечания таков: для Деборина теоретик революции — Плеханов (меньшевик!), а практик революции — Ленин, с чем никак нельзя согласиться.

Этот ход мысли придумал не Митин, а Сталин. Это была его тайная игра — всеми силами доказывать, что Ленина недооценивают и не понимают, более того — хотят даже занять его, главного теоретика, место. «Антиленинская» направленность философии — наиболее удобная точка для нападения. В статье Митина уже звучат мотивы обвинения, которые потом получают свое дальнейшее развитие. Десять философов соединились в главной ошибке — они привержены логическому, абстрактному, не понимают значения ленинской конкретной диалектики, ее применения — и таким образом возникает «разрыв между философией и политикой»⁸⁶.

Во время борьбы с механистами были разоблачены и преодолены эти ошибки, эта сторона ревизии марксизма, однако другие моменты, указанные нами, не были преодолены, а, наоборот, или были в «консервации», или даже получили усиление. Теперь, когда во всей глубине встает вопрос о разработке ленинского философского наследия, мы должны говорить о борьбе за преодоление и этих недостаточных, ошибочных моментов плехановской трактовки философских вопросов. Нужно вести борьбу с ошибками в области философии, сделанными рядом руководящих

товарищей, с ошибками, вытекающими из недостаточно критического отношения к ошибкам Плеханова, из игнорирования критики этих неправильных моментов, данной Лениным. Мы обязаны наконец поставить теперь вопрос о подлинной большевизации философской теоретической работы⁸⁷.

Борьба продолжается

В новом, шестом номере журнала ПЗМ был опубликовал доклад А.М. Деборина под названием «Итоги и задачи на философском фронте»⁸⁸. Прозвучал доклад 20 апреля 1930 г. на объединенном заседании фракций Института философии и Общества воинствующих марксистов-диалектиков.

Тут важно, что время стремительно меняло смысловой контекст, и шестой номер — уже июньский — входил в новое измерение всех аспектов борьбы. Значит, апрельский доклад Деборина в сознании его сторонников не устарел.

Борьба продолжается.

Вопрос только — кого с кем?

В апрельском докладе Деборина фактически изложены все основные контраргументы против критики Ярославского и его подручных — «эклектиков».

Деборин продолжал возражать Ярославскому: на этот раз он отвечал на упрек, что журнал ПЗМ не выполняет условий, поставленных Лениным, — не ведет атеистическую пропаганду. Деборин говорил: «Ярославский, как и ряд других товарищей, недостаточно хорошо знакомы с деятельностью журнала». Далее — по пунктам: как в борьбе с механистами велась эта работа.

Мы считали, что естествознание, как, впрочем, и все научные дисциплины, должны подвергнуться переработке с точки зрения нашего метода, нашего мировоззрения⁸⁹.

Генеральная линия в философии — «наша»:

Я не буду сейчас подвергать критике взгляды механистов, это не входит в мою задачу, но насколько правильна была наша общая установка, насколько правильной была *наша генеральная линия* — это ныне до такой степени всем понятно, что об этом говорить не приходится⁹⁰.

И вновь — о победе!

Победа, которая была одержана диалектиками над механистами, сыграла огромную роль, имела огромное значение, которое может быть еще не поддается сейчас учету. Значение ее состоит в том, что диалектический материализм действительно проник в широкие круги...⁹¹.

Как соединить эти непреложные факты в сознании Деборина со столь острыми критическими замечаниями, которые шли не только от Ярославского, но и от идеологического аппарата власти?

Например, «самокритика».

Деборин не мог отрицать ее совсем. Но пытался представить — применительно к себе лично — в таком виде. Самокритика вскрывает не обязательно «ошибки», но просто недостатки, — а у кого их нет?

Теперь в порядке самокритики я остановлюсь на тех недостатках... которые были нами сделаны. Прежде всего не ошибкой, конечно, а недостатком я считаю то, что мы недостаточно энергично вели атеистическую работу, работу по атеистической пропаганде, по разработке теории в этой области. Недостатком в нашей работе является также то, что мы, будучи отвлечены на основной фронт, уделили за последнее время несколько меньше внимания борьбе с идеализмом⁹².

Он может руководить философским фронтом до тех пор, пока у него есть только «недостатки», но он теряет это право, когда признает свои «ошибки» в теории

марксизма. Ибо ошибка в теории — это уже потеря связи с истинным смыслом, это уклон или его предпосылка. А недостатки и ошибки в техническом руководстве — это бывает, что поделать.

Как же тогда диктуется необходимость «поворота»?

Она диктуется прежде всего, как я уже говорил, новым этапом революции <...> Этот новый этап революции связан с тем коренным сдвигом, который происходит в области сельского хозяйства, где основные середняцкие массы крестьянства повернули в сторону социализма⁹³.

А как же связь «теории» и «практики» социалистического строительства? Деборин и тут нашел, что сказать: существует «практическая диалектика» (явно подразумевался Сталин) и «теория диалектики» (школа Деборина).

Такая вот «связь» теории и практики:

Ленин постоянно подчеркивал значение практической диалектики, которая, конечно, должна быть связана теснейшим образом с теорией диалектики; говоря о практической диалектике, он прямо указывал, что речь идет об изучении опыта прежде всего нашей революции, которая даст нам совершенно новые возможности, открывает новые перспективы для теории диалектики⁹⁴.

Он признал, что теоретическая мысль должна заглядывать в будущее — и в этом отношении она не успевает за непосредственным ходом «нашей революции, на что уже было указано тов. Сталиным». Однако он внес едва заметную коррективу в сказанное Сталиным — добавил одно слово: «часто отстает...». Не всегда! Бывает — не успеваем. Иными словами, Деборин не признал право первородства за «практикой», а держался мысли, что «мы» по-прежнему удерживаем теорию как ключ к будущему — первична «теория диалектики».

Такой вот «поворот»...

Однако при чтении доклада возникли всплески сопротивления. Деборин стал говорить об извращениях «самокритики» — о статье Фурщика в журнале «Большевик».

Как совместить идею о его «генеральной линии» в философии с критикой в журнале, излагающем официальную точку зрения?

Ему возразили — но он резко и обстоятельно ответил.

...для разрешения этих задач необходимо развертывание самокритики. Но самокритика самокритике рознь. Одно дело товарищеская самокритика, которая ставит себе целью выпрямление, исправление ошибок у тех или других товарищей, защиту генеральной линии от всевозможных уклонов, шатаний и т.д., в ту или другую сторону, и другое дело, когда, прикрываясь самокритикой, стремятся лишь дискредитировать товарищей. Это я считаю извращением самокритики. Я не могу, например, пройти мимо статьи Фурщика, появившейся в «Большевике», не могу пройти мимо этой статьи, потому что эта статья не образец самокритики, а образец совершенно недопустимого извращения самокритики, поскольку взгляды критикуемого лица фальсифицируются, поскольку ему приписываются вещи, совершенно ему чуждые. А, с другой стороны, если берешься критиковать, то прежде всего нужно знать марксизм.

С места. Это труднее.

Деборин. По существу же установка т. Фурщика анти-марксистская и, стало быть, неправильная.

Варьяш. Официальная статья была в «Большевике».

Деборин. Хорошо, т. Варьяш. Я знаю, что вы довольны. А об этом официальном характере статьи вы будете иметь возможность говорить, когда получите слово. Я здесь разбирать статью Фурщика не буду. Сделаю только одно замечание. Автор утверждает, что ни у Маркса, ни у Энгельса нет совершенно даже термина «социальные инстинкты»; далее, он расправляется с дарвинизмом легко, объявляя,

что Дарвин — либерал. Ну, а раз Дарвин либерал, то какое значение имеет для нас точка зрения Дарвина. Но кому не известно отношение к дарвинизму Маркса, Энгельса и Ленина? Маркс и Энгельс говорили, что дарвинизм является естественно-исторической основой марксизма. Что говорит Энгельс о так называемых социальных инстинктах? Вот что он говорит в письме к Лаврову по этому вопросу: «Я не могу согласиться с вами, что борьба всех против всех была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку, мы можем углубиться вглубь веков, мы находим, что так и было». Если же мне хотят приписать, что будто я стою на той точке зрения, что нравственность присуща животному миру, то как раз в своих статьях я и говорю, что нравственность имеет место только в человеческом обществе. Если согласиться с Фурциком, то Энгельс стоял на точке зрения идеалистической, кантианской, каутскианской, априорной и т.п.⁹⁵

В своем «Заключительном слове» Деборин признался, что не вполне понимает, кто и почему ведет войну против философского руководства, и, возможно, поэтому сопротивляется в надежде, что эта неизвестная ему группировка никогда не сможет взять верх. Он признал, что дезориентирован в политическом смысле — это лучшая похвала умелой закулисной игре Сталина.

Деборин широко размахивал руками, отбиваясь от незримого врага, — и где-то глубоко уже ощущались нотки безысходности.

Одни товарищи говорили: ваша генеральная линия правильна, мы, мол, не хотим разгромить руководство, не хотим снять руководство. А, с другой стороны, велась линия прямо на снятие руководства, линия на дискредитирование философского руководства. Против этого мы будем бороться. Почему мы будем бороться? Конечно, не потому что мы цепляемся за философское руководство, а потому,

что то, что имело место на фракции, говорит о нездоровых явлениях. Имеем ли мы, действительно, зародыш новой группировки? Конечно, имеем. Зачем это скрывать?⁹⁶

Ему не приходила в голову мысль, что во главе этой не вполне зримой группировки может стоять генеральный секретарь партии большевиков. Деборин не видел его главным теоретиком страны, он не понимал, зачем лидеру партии нужны дополнительные характеристики, если он и так во главе целого государства.

Зато он стал подозревать своих товарищей и учеников в попытке сместить его и овладеть правом быть во главе фронта. Ему мерещился «дворцовый переворот»:

...эта группировка *явно гнилая* (! — А.Ю.), поскольку выявилась ее идейная физиономия, — довольно опасная. И вот эта группировка «жаждет власти» Например, если тов. Дмитриев говорит, что он с нами расходится во всем (он «расходится», видите ли!): и в понимании нами истории философии, и в понимании нами диалектики, и в понимании нами исторических задач, которые стоят перед нами, — если он говорит, что у нас — полный отрыв от партии и пр., и пр., в то же время утверждает, что он согласен с основной линией, которую проводит философское руководство, то что сказать о таком критике? Ведь это смешно так говорить!

С места. Лицемерие!

Деборин. Я не буду выражаться крепко, не в этом дело, но во всяком случае я в этой группировке (а здесь определено говорилось о группировке), в группировке Дмитриева, Максимова и др., вижу, с одной стороны, перехлестывание того, что мы называем самокритикой — ибо это все не самокритика, а это уже нечто совершенно другое, — а, с другой стороны, мы имеем здесь левый загиб на философском фронте⁹⁷.

Под подозрением оказался философ Г.Ф. Дмитриев, профессор ИКП, бывший ученик Деборина.

Тов. Дмитриев нас «критиковал». Но ведь простите, пожалуйста, тов. Дмитриев вовсе не рядовой работник на философском фронте, не рядовой не в том смысле, чтобы у него были серьезные работы или другие заслуги, но в том смысле, что он профессор ИКП, он, стало быть, человек, *который претендует, конечно, на роль вождя* (курсив мой. — А.Ю.). Так я спрашиваю вас, т. Дмитриев, написали ли вы за это время хоть одну статейку по поводу правого уклона? Написал ли он какую-нибудь статейку против механистов? Нет, он это не сделал. Я должен сказать, что мы к т. Дмитриеву никогда не относились с доверием в смысле его приверженности и преданности диалектическому материализму. Почему? Потому, что мы знали, — а мы каждого знаем, — мы знали, что у него, в сущности, имеется примиренческое отношение к некоторым основным положениям механистов. А, с другой стороны, мы знали, что у него есть формально-логические заскоки, о которых здесь говорили, что у него имеется, действительно, схоластический уклон. Мы это говорили, это знали. И поэтому он более рьяно, чем другие, и собирается нас «протирать». Выступление т. Дмитриева не является случайным выступлением в такой именно форме. Мы прекрасно знаем, что т. Дмитриев не в первый раз выступает.

Дмитриев. Я в «Правде» статью писал против вас, т. Деборин.

Деборин. Единственное, что он мог сделать, это в самый разгар борьбы с механистами нанести нам удар в спину, выступив со статьей такого характера, который означал уже тогда: «философское руководство не годится». Вот смысл вашего выступления. Однако прошло несколько лет, и, казалось бы, философское руководство осуществило то историческое дело, которое оно должно было осуществить. Вы нам не помогали в борьбе с механистами, а мешали. Да, вы нам мешали, потому что вся ваша установка не является ортодоксальной марксистской установкой⁹⁸.

Если кого-то не устраивает Деборин, — говорил он о себе, — то «дайте ваше руководство, посмотрим. Но ведь вы же не противопоставили ничего существенно-

го». Круг замкнулся — его хотят снять, и неизвестно кто именно хочет, но нет никого, кто мог бы его заменить!

Главная его надежда — то большинство философов, которое признало генеральную линию в философии. Те, кто критикуют диалектиков, не могут себя отнести к большинству. Во всяком случае, пока не могут. Критики Деборина — это механисты, старые враги, и эклектики, которые берут «отсюда кусочек, оттуда кусочек», не занимая определенной позиции.

Деборину уже приходится отбиваться от реплик в своем заключительном слове. Ибо кампания «самокритики» в духе товарища Сталина давала право третировать всякого человека.

Удавка стягивала узелок все крепче и крепче. И Деборин не столько понимал, сколько чувствовал, что дышать всё труднее:

Опасно, когда берут половину фразы, вытаскивают и говорят: вот, смотрите, что он сказал. Это в высшей степени опасная вещь. Я протестую против извращения моих взглядов, против фальсификации цитат. Вот против чего я протестую. Вы меня деликатно предупредили: «Позвольте, это только первое выступление против вас, это только начало самокритики». Покорно благодарю. Если будет проводиться такая самокритика, то она принесет только вред, а не пользу⁹⁹.

Он признает правоту Сталина, говорившего об отрыве «теории» от «практики». Но Деборин вновь наделил слова Сталина своими нотками: «Я уже заявлял, вслед за тов. Сталиным, в прошлый раз, что теоретическая мысль отстает *до известной степени* и у нас...»¹⁰⁰.

Между тем, Сталин сказал буквально следующее: «Надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем *некоторый разрыв* между практическими успехами и развитием теоретической мысли».

«Известная степень» известна только Деборину.

И никому другому.

В следующей статье В. Вандека и С. Турецкого «Некоторые вопросы методологии правого уклона в ВКП(б) и троцкизма» резко возрастает число цитат из трудов и речей Сталина, но он — по-прежнему — только партийный авторитет, потому что все основные теоретические выводы делаются в духе школы Деборина (в «теории диалектики»)¹⁰¹.

В прочих статьях этого номера Сталин, как и прежде, практически не упоминается.

Реальный сдвиг в сторону повсеместного цитирования высказываний генсека происходит в номере №7–8 журнала ПЗМ. Номер открылся статьей И. Подволоцкого «XVI съезд ВКП(б) и задачи на философском фронте»¹⁰². Здесь что ни абзац — то цитата.

И тем не менее Сталин пока не рассматривается как классик марксизма в области теории; цитаты из его трудов — это пока только умноженный политический статус «практика» в философском дискурсе.

Смысл высказываний Подволоцкого в том, что Сталин ждет от теоретиков более современной теории.

Святая простота: «Только такое подчинение всех наук, в том числе и наук о природе, *методологическому руководству марксизма* (читай, Деборину! — А.Ю.), только такая перестройка наук и их дальнейшее могучее развитие на основе диалектического материализма — обеспечит полное торжество марксистского мировоззрения»¹⁰³.

По мнению Подволоцкого, Сталин дал философам задание познать диалектику, подчинить ей все науки. Но для этого нужно изучить ленинское наследие.

Нет ни одного слова о необходимости знать труды товарища Сталина, «лучшего ученика» Ленина.

Все по-прежнему: уклоны определяет сам философский фронт; во главе фронта — Деборин; Ленин — единственная основа диалектики; «самокритика» — внутри себя и для себя по законам фронта; а «поворот» — это только углубление диалектической логики.

И ничего другого.

В полемическом плане событийной стала публикация в этом номере статьи Н. Карева «Заметка о вреде путаницы и поповской проповеди и об искусстве замечать следы»¹⁰⁴.

Карев атаковал Ральцевича, одного из тех, кто написал статью «трех» в «Правде» против Деборина.

И делал он это не только искусно, но даже с каким-то азартом в разоблачении приспособленческой мысли. Карев не видел или не хотел видеть, что, разоблачая Ральцевича, он высмеивал всю систему отношений партийного руководства и философской мысли.

Создателем этой системы был Сталин, а не Ральцевич. Талантливо изображая пустоту меняющейся позиции, он обнажал — и весьма остроумно — саму сталинскую идеологию нового образца. Странно, что такой умный человек, как Карев, не догадывался о последствиях подобной критики. Не обидеться на нее было нельзя.

Карев не знал, кто стоит за Ральцевичем, Митиным, Юдиным и особенно — Ярославским... И потому высмеивал поведенческий стереотип человека, привыкающего жить в условиях тотального страха, порождаемого Культom Ошибки.

За сравнительно короткий промежуток времени т. Ральцевич успел:

1. Выступить против механистов.
2. Выступить в защиту проф. Переверзева, занимающего эклектическую, объективистскую и механистическую позицию.

3. Высказаться против системы взглядов проф. Переверзева и признать свою ошибку.
4. Подписать вместе с тт. Каревым, Стэнном, Подволоцким и др. письмо в редакцию «Безбожника» против примиренчества к механистам в выступлении т. Ярославского на ЦС Союза безбожников.
5. Признать это письмо, заключающим в себе ошибки.
6. Выступить с горячей речью на расширенном заседании фракции ОВМД и Института философии в защиту доклада т. Деборина, против всех товарищей, критиковавших линию работы и философскую позицию руководства Института, и Общества воинствующих материалистов-диалектиков.
7. Признать это выступление ошибочным.
8. Выступить на расширенном заседании бюро ячейки ИКП с заявлением, что критика взглядов т. Деборина тт. Фурщиком, Дмитриевым и др. на-руку механистам и он, Ральцевич, ее решительно отвергает.
9. Признать затем печатно, что в критике Фурщика есть «ряд правильных замечаний».

Так т. Ральцевич, словно задавшись целью иллюстрировать на себе, как на живом примере, свое понимание диалектических законов, от раза к разу, от статьи к статье, от выступления к выступлению демонстрирует «раздвоение единого» и переход в собственную противоположность¹⁰⁵.

Хотел Карев того или нет, но он обнажил природу страха — устрашающую неопределенность истинного смысла. Он даже дал название этой отраве: «эклектический яд».

Карев обратил внимание на то, что кто-то стоит за Ральцевичем: «Дело в тех, кто сбивает с толку Ральцевича, выдавая поповщину и эклектику за марксизм-ленинизм»¹⁰⁶.

«Поповщина» здесь — ключевое слово: это то, чему учили Сталина в духовной семинарии — умственным манипуляциям при изложении тринитарного богословия.

За эту догадливость Карев заплатит самой дорогой ценой — собственной жизнью.

«Эклектический яд» в следующей — и тоже незаурядной — статье С. Новикова был заменен на менее экспрессивное выражение: «воинствующая путаница»¹⁰⁷. Статья была посвящена «философским подаркам» Ральцевича и Митина.

И вновь критика отдельных людей оказывалась мощнейшей критикой сталинизма в ранней фазе своего становления. Критике подвергается пресловутая «самокритика».

Философская дискуссия разворачивается. «Самокритика» в стиле Фурщика продолжается. «Самокритика» (в кавычках) заключается в том, что мы сами критикуем других, но не самих себя — двойная итальянская самокритика... самокритика по методу двойной... итальянской бухгалтерии. Вслед за т. Фурщиком выступают тт. Митин, Ральцевич и Юдин (в алфавитном порядке) для доказательства, что А.М. Деборин хотя и не 100%-ный либерал и каутскианец, но что-то в роде этого, и во всяком случае — конкретный носитель всего зла, носитель «формалистического уклона в философии», уничтожитель Ленина, как философа и теоретика, «Ленина как мыслителя», и, наконец, зажиматель самокритики на философском фронте. «Самокритикующие» пописывают статьи без аргументов или с аргументами, позаимствованными у «самокритикуемых», «самокритикуемые» вынуждены вести дискуссию в эпистолярной форме, история советской философии обогащается целой серией философских писем в редакции. Ральцевич и Митин на трибуне! Слушайте! Слушайте! Слушайте! Говорит т. Ральцевич — радиостанция воинствующей путаницы...¹⁰⁸

С. Новиков, отвечая на статью Ральцевича «Воинствующее невежество», опубликованной в журнале «Большевик», не догадывался, кто ее заказал. И потому старался заручиться поддержкой Сталина, возможно, осознавая,

что он единственный, кто может остановить кампанию против Деборина. Новиков не забыл, что опубликовал юбилейную статью о генеральном секретаре партии («Сталин и колониальный Восток» в журнале «Революционный Восток»). Он старался подчеркнуть разницу интерпретаций отставания теории от практики в устах Сталина и в статье Ральцевича: «Если Сталин говорит о “некотором разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли”, то Ральцевич должен громче всех крикнуть: (“в особенности, философской”))»¹⁰⁹.

Не осознавая того, Новиков дал еще одно определение возникающему сталинизму в идеологии — это «возникающая путаница». Но не потому она «путаница», что «путаник» не знает, какой смысл правильный, а какой нет, — а потому, что *нет больше никакого правильного смысла*, и всякий смысл либо ошибка, либо извращение, либо предпосылка ошибки. Правильный смысл — только в голове модератора, знающего, как диалектически отделить одно от другого.

Возникающий сталинизм порождает собой бессмыслицу — потому что его цель заключалась в том, чтобы внедрить в «первозданный хаос» умственного беспорядка идею человекобога, которому дано право утверждать истину так, как он того пожелает, — и без каких-либо гарантий, что эта *воля в утверждении истины* когда-нибудь станет понятной и предсказуемой.

Однако о победе сталинизма говорить еще рано.

Философы сопротивляются

В следующей статье П. Кучерова «Практика и диалектическая логика» нет ни одной цитаты из трудов Сталина. Пока это не кажется удивительным, но пройдет не более года, и писать подобные статьи, не руководствуясь тем, что сказал товарищ Сталин, будет уже просто немыслимо.

Сталина цитирует Н. Туткин в статье «О социальной природе крестьянства». Но он упоминается только как «практик», а Ленин — именно как «теоретик».

Для генсека важно было утвердить авторитет Ленина как теоретика — вопреки неосторожным формулировкам Деборина, утверждавшего, что Ленин был практиком мировой революции. Цель кампании — внушить, что Сталин — это «Ленин сегодня».

Туткин сделал правильный шаг, но в дальнейшем от него потребуют сделать еще один шаг — утвердить окончательно на роль наследника Ленина товарища Сталина.

И как практика — и как теоретика...

Приходится лишь разводить руками в бессилии объяснить, как после всех предупреждений и призывов в разных официальных изданиях большевистской партии философы ничего не захотели услышать или увидеть: и в следующем номере журнала «Под Знаменем Марксизма» выходят статьи, в которых нет и намек на «поворот», почти ничего не говорится о двух фронтах в философии и почти ничего о «самокритике»!

В девятом, сентябрьском номере за 1930 г. без упоминания Сталина публикуется статья Д. Квитко «Философия инструментализма», затем идет статья О. Танхилевича «Философия Германа Когена и его критика марксизма» — и тоже без упоминания генсека; ничего не сказано о «повороте», ничего — о «двух уклонах».

Особый интерес вызывает опубликованная в этом номере статья И. Альтера «Социология Кунова»¹¹⁰. В статье обсуждается определение нации, говорится о Ленине, писавшем о национальном вопросе, и лишь мимоходом упоминается «Марксизм и национальный вопрос» Сталина — ни тебе «диалектики», ни тебе «борьбы на два фронта».

Даже там, где товарищ Сталин и в самом деле оставил глубокий след, упоминаний о нем крайне мало.

В статье З. Гришина «К вопросу о бухаринской и троцкистской концепциях классов и классовой борьбы в переходный период» идет довольно спокойная академическая критика Бухарина. И только потом — не сразу, не с первой строки — дается несколько глухих сносок на работу Сталина, и лишь один раз упомянуто его имя в основном тексте: «Видимо, абсолютно прав был т. Сталин, указывая, что «левые» загибщики — тень правого уклона»¹¹¹.

«Видимо»! То есть — наверное, прав, стоит согласиться...

Примерно такая же ситуация со статьей М. Миронова «Социальные категории в советской деревне»¹¹². Речь идет о XV съезде партии, но вождь упоминается лишь однажды: «...подчеркивал Ленин, а вслед за ним Сталин...»

И это — все, что автор захотел сказать о Сталине.

Но апогеем этой ситуации стала статья С. Петропавловского «Историческое развитие учения Маркса-Энгельса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата»¹¹³, где нельзя было не упомянуть нынешнего вождя партии большевиков...

А между тем — в статье о нем не было сказано ни слова!..

Этот номер журнала оказался последним в ряду себе подобных.

Нет, журнал не запретили, но следующие номера были привязаны к другому руководящему составу, к другой направленности... Эту катастрофу философам еще предстоит пережить, а пока у них впереди важнейший «момент истины» — совещание в Коммунистической Академии в октябре 1930 года. Именно тогда Деборин и его товарищи наконец поняли, с кем они воюют.

Но было уже поздно.

- ¹ Теоретическое наследие И.И. Рубина и судьбы политической экономии. Материалы Круглого стола, посвященного 125-летию со дня рождения И.И. Рубина 15 декабря 2011 г. М., 2011; *Широкоград Л.Д.* Политико-идеологический контекст теоретической деятельности И.И. Рубина // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2016. Вып. 2. С. 106–118.
- ² *Кривцов Ст. И.В.* Сталин (К 50-летию со дня рождения) // ПЗМ. 1930. №2–3. С. 1–17.
- ³ Там же. С. 2.
- ⁴ *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. М., 1989. С. 276
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Такер Р.* Сталин. История и личность. Перевод с английского. М., 2006. С. 126.
- ⁷ *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификации. М., 1990. С. 26–27.
- ⁸ *Кривцов Ст.* Указ. соч. С. 5.
- ⁹ *Такер Р.* Указ. соч. С. 125–126.
- ¹⁰ Там же. С. 4.
- ¹¹ Там же. С. 124.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Кривцов Ст.* Указ. соч. С. 6.
- ¹⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁵ Там же. С. 9.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 12.
- ¹⁸ «Правда». 2 марта 1930 г. (№60).
- ¹⁹ Там же. С. 4.
- ²⁰ Там же. С. 16.
- ²¹ От редакции // ПЗМ. 1930. №2–3. С. 19.
- ²² Там же. С. 20.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11: 1928 — март 1929. М., 1949. С. 29.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 30.
- ²⁷ Там же. С. 31–32.

- ²⁸ Там же. С. 32–33.
- ²⁹ Там же. С. 34.
- ³⁰ Гоникман С. Теория классов и классовая борьба в капиталистическом обществе // ПЗМ. 1930. №2–3. С. 21–58.
- ³¹ Мартынов А. Теория подвижного равновесия общества и взаимоотношения между обществом и внешней средой (Критика «Теории исторического материализма» тов. Бухарина) // Там же. С. 59–76.
- ³² Яхот И. Указ. соч. С. 62–63.
- ³³ Там же. С. 64.
- ³⁴ Ярославский Ем. Заключительное слово на 2-м пленуме ЦС СВБ (Центральный Совет Союза воинствующих безбожников) // Антирелигиозник. 1930. №4. С. 127.
- ³⁵ Яхот И. Указ. соч. С. 64.
- ³⁶ Ярославский Ем. Можно ли сотрудничать в антирелигиозной пропаганде с механистами. Ответ товарищам: Гессену, Аголу, Гоникману, Левину, Левиту, Подволоцкому, Стэну, Кареву, Лупполу // За поворот на философском фронте. Сборник статей. Выпуск первый М., 1931. С. 9–13.
- ³⁷ Яхот И. Указ. соч. С. 66.
- ³⁸ Ярославский Ем. Можно ли сотрудничать в антирелигиозной пропаганде с механистами. С. 12.
- ³⁹ Там же. С. 13.
- ⁴⁰ Об итогах и новых задачах на философском фронте // ПЗМ. 1930. №4. С. 12.
- ⁴¹ Годы великого перелома // ПЗМ. 1930. №5. С. 4.
- ⁴² Деборин А.М. Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте // ПЗМ. 1930. №5. С. 6–24.
- ⁴³ Карев Н. Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма // ПЗМ. 1930. №5. С. 25–35.
- ⁴⁴ Там же. С. 34–35.
- ⁴⁵ Агол И. Задачи марксистов-ленинцев в биологии // ПЗМ. 1930. №5. С. 95–111.
- ⁴⁶ Там же. С. 108.
- ⁴⁷ Корсаков С.Н., Деборин М.Г. Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: повесть в документах и свидетельствах // Философский журнал. 2014. №1. С. 132.

- ⁴⁸ Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 1992. Оп. 1. Д.309. Л. 162–163.
- ⁴⁹ 5 июня 1930 года М.Б. Митин прочитал доклад «Вопросы теории отражения и проблемы причинности в «Материализме и эмпириокритицизме». Доклад прошел успешно — никаких острых дискуссий, нет и следа актуальной полемики того времени. Словом, никто никого ни в чем не обвиняет (АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 121). Весной 1929 г. (точнее сказать трудно) Митин прочитал доклад на тему «Теории т. Бухарина о путях и формах движения к социализму». Что характерно, — в докладе ни слова не сказано о товарище Сталине — ни как о практике, ни как о теоретике (АРАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 160. Л. 7–12). Ситуация радикально изменилась через год, когда Митин получил партийное задание — начинать «поворот» на философском фронте.
- ⁵⁰ Плимак Е.Г. К реабилитации вождя «меньшевистствующего идеализма» (О моей работе референтом у академика А.М. Деборина) // Вопросы философии. 2002. №4. С. 89.
- ⁵¹ Там же. С. 91.
- ⁵² ЦГА Москвы. Ф. П-474. Оп. 1. Д. 2. Л.4.
- ⁵³ Там же. Л. 6.
- ⁵⁴ Там же. Л. 9.
- ⁵⁵ Там же. Л. 13.
- ⁵⁶ Деборин А., Луппол И., Стэн Я., Карев Н., Подволоцкий И., Гессен Б., Левин М., Агол И., Левит С., Тележников Ф. О Борьбе на два фронта в философии // ПЗМ. 1930. №5. С. 139–149.
- ⁵⁷ Там же. С. 141.
- ⁵⁸ Там же. С. 143.
- ⁵⁹ Там же. С. 144.
- ⁶⁰ Там же. С. 147.
- ⁶¹ Там же. С. 145.
- ⁶² Новиков С. О либерально-меньшевистском и марксистско-большевистском понимании этики // ПЗМ. 1930. №5. С. 150–186.
- ⁶³ Там же. С. 150.
- ⁶⁴ Там же. С. 150–151.
- ⁶⁵ Там же. С. 155.

- ⁶⁶ Там же. С. 165.
- ⁶⁷ Там же. С. 185.
- ⁶⁸ Там же. С. 186.
- ⁶⁹ *Разумовский И.* О марксистском и эклектическом понимании этики // ПЗМ. 1930. №5. С. 187–221.
- ⁷⁰ Там же. С. 187.
- ⁷¹ Там же. С. 188.
- ⁷² Там же. С. 217.
- ⁷³ Там же. С. 221.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ *Ральцевич В.* Философский «подарок» XVI съезду партии // За поворот на философском фронте. Сборник статей. Вып. 1. М., Л.: ОГИЗ «Московский рабочий», 1931. С. 81–95.
- ⁷⁶ Там же. С. 81.
- ⁷⁷ Там же. С. 83.
- ⁷⁸ Там же. С. 85.
- ⁷⁹ Там же. С. 84–85.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 89.
- ⁸² Там же. С. 94–95.
- ⁸³ *Митин М.* За действенную разработку ленинского философского наследия // За поворот на философском фронте. С. 33.
- ⁸⁴ Там же. С. 33.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же. С. 42.
- ⁸⁷ Там же. С. 43.
- ⁸⁸ Итоги и задачи на философском фронте (Доклад на объединенном заседании фракций Института философии и ОВМД 20 апреля 1930 г.) // ПЗМ. 1930. №6. С. 1–32.
- ⁸⁹ Там же. С. 5.
- ⁹⁰ Там же. С. 6.
- ⁹¹ Там же. С. 7.
- ⁹² Там же. С. 9.
- ⁹³ Там же. С. 11.
- ⁹⁴ Там же. С. 15.
- ⁹⁵ Там же. С. 18–19.

- ⁹⁶ Там же. С. 20.
- ⁹⁷ Там же. С. 20.
- ⁹⁸ Там же. С. 21.
- ⁹⁹ Там же. С. 25.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 29.
- ¹⁰¹ *Вандек В., Турецкий С.* Некоторые вопросы методологии правового уклона в ВКП(б) и троцкизма // ПЗМ. 1930. №6. С. 58–94.
- ¹⁰² *Подволоцкий И.* XVI съезд ВКП(б) и задачи на философском фронте // ПЗМ. 1930. №7–8. С. 1–31.
- ¹⁰³ Там же. С. 22.
- ¹⁰⁴ *Карев Н.* Заметка о вреде путаницы и поповской проповеди и об искусстве замечать следы // ПЗМ. 1930. №7–8. С. 32–40.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 32.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 40.
- ¹⁰⁷ *Новиков С.* Воинствующая путаница (Философские подарки гг. Ральцевича и Митина) // ПЗМ. 1930. №7–8. С. 41–74.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 41.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 54.
- ¹¹⁰ *Альтер И.* Социология Кунова // ПЗМ. 1930. №9. С. 57–93.
- ¹¹¹ *Гришин З.* К вопросу о бухаринской и троцкистской концепциях классов и классовой борьбы в переходный период // ПЗМ. 1930. №9. С. 161.
- ¹¹² *Миронов М.* Социальные категории в советской деревне // Там же. С. 163–173.
- ¹¹³ *Петропавловский С.* Историческое развитие учения Маркса-Энгельса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата // Там же. С. 174–207.

Глава третья

В Коммунистической Академии

Совещание проходило 17–20 октября 1930 г. Название опубликованной стенограммы «Разногласия на философском фронте» свидетельствует о временах еще вполне вегетарианских.

Однако и в эти вегетарианские времена победа в сталинском духе могла быть полной только при одном условии — если враг признает свои ошибки. И только потом будут приниматься кадровые и другие решения.

А добиться признания ошибок Дебориным оказалось совсем не просто...

Первый доклад был сделан В.П. Милютиным.

Главный тезис нетрудно предугадать — это пресловутое отношение «теории» и «практики»: «...в произведениях руководящей головки этих учреждений начинают проявляться формалистического характера тенденции, сущность которых заключаются в отрыве теории от практики»¹.

Неосторожная характеристика Деборина, согласно которой Ленин — величайший практик мировой революции, а Плеханов — теоретик марксизма, стала обвинением в недооценке философского наследия вождя мирового пролетариата.

Милютин говорил: «Если вы возьмете “Под Знаменем Марксизма”, вы найдете замалчивание роли Ленина как философа. В нынешнем году за исключением небольшой статейки Луппола, который трактует об отношении буржуазных ученых к Ленину как к философу, вы не найдете ничего о философии Ленина»².

Деборин «смазывает» различие между Лениным и Плехановым, — указывал Милютин. Подобные обвинения были неприемлемы для руководителя философского фронта.

Стычка неизбежна:

Милютин. В то время как Ленин в этом сборнике критикует Плеханова как философа, Деборин это различие и эту критику смазывает. В самом деле, что это за две различных исторических фазы? Какие исторические фазы? Плеханов и Ленин жили в основном в одну историческую полосу.

Деборин. Ленин сам об этом пишет.

Милютин. Что он пишет? Что они к двум различным историческим фазам принадлежали? Вы этого нигде не найдете.

Деборин. Нет?!

Милютин. Вы этого нигде не найдете, если не будете так цитировать, как вы цитировали здесь. Здесь несомненно есть...

Деборин. Переверните страницу!

Милютин ... смазывание роли Ленина в отношении его к Плеханову.

Деборин. Смазывание, смазывание, смазывание! Это вы смазали всё!³

Милютин смягчил тональность спора, но направление главного удара не изменил: «Конечно, т. Деборина в стопроцентном формализме, идеализме никто не обвиняет, было бы странно обвинять т. Деборина в том, что у него на 100% все ошибочно, но что имеются определенные тенденции в формалистическом духе, это не подлежит сомнению»⁴.

Докладчик даже ввел в объяснение такой ситуации, когда нет прочной связи «теории» и «практики», свой собственный термин — «аполитизм».

Милютин. Я сейчас отвечу на ту реплику, которую бросает т. Деборин мне. Если я говорю, что эти задачи нужно

поставить, то отсюда еще не следует, что я за то, чтобы разгромить действующие философские учреждения. Наоборот, никто их громить не собирается.

Деборин. Уже разгромили на три четверти.

Милютин. Наоборот, я глубоко убежден, что это не так. Тов. Деборин это такой недотрога, у него такое обязательское отношение к критике. Что это такое? Наоборот, сейчас вас поднимают, поднимают к разработке этих проблем. Если, т. Деборин, вы не пойдете по этому пути, если вы не дадите нам разработки ленинского наследства, если не пойдете по пути сближения вашей философской работы с конкретной действительностью, не жалуйтесь. А если пойдете, мы вам поможем всецело.

Деборин. Мы уже пошли, а вы не хотите этого видеть, потому что это злостное выступление. Я вам покажу, что мы уже пошли.

Милютин. Наоборот, вы в настоящий момент затыкаете уши ватой, закрываете глаза и думаете отсидеться в ваших философских бастионах⁵.

Содоклад Деборина был вызовом. Этот жанр выступления подразумевал коренное несогласие с предложенными тезисами.

В стенограмме совещания отражена поддержка со стороны аудитории некоторых положений содокладчика. Удивительно, что эта поддержка касалась и главного вопроса — о соотношении «теории» и «практики»: «...и я должен сказать: самый яркий пример отставания теории от практики представляет доклад т. Милютина. (*Аплодисменты*). И второе я должен заявить с самого начала, что наиболее ярким выразителем недооценки ленинизма выступил в сегодняшнем докладе т. Милютин. *Голоса.* Правильно!»⁶.

Деборин заставил аудиторию даже смеяться над Милютиным⁷: «Я должен сказать следующее. Тов. Милютин имеет большие заслуги вообще на философском фронте. (*Смех*)»⁸.

Содокладчик отмечает, что с июня по октябрь произошли интересные изменения в оценках философского фронта. В июне пленумом Комакадемии была принята резолюция, в которой говорилось о «правильности проводимой философским руководством линии и об отдельных ошибках, которые имеются у философского руководства». Но на октябрьском совещании предлагается уже другая резолюция «в совершенно иной плоскости». В этой резолюции Милютина содержится такой пункт: «правильная линия и система ошибок». Деборин не удержался: «Это такой шедевр политической и теоретической мысли, мимо которого я пройти не могу»⁹.

...Тогда надо прямо сказать и не играть словами, а нужно говорить откровенно, как полагается говорить большевикам-ленинцам, сказать: система ошибок у нас, а потому неправильная линия, а поэтому, как вы здесь выразились, к черту вас.

С места. Формализм!

Деборин. Правильно, формализм. А вы этого не сказали. Как бы то ни было, положение вещей ныне таково, что философское руководство, хотя и проводило правильную линию, тем не менее у него имеется система ошибок. Так ставится вопрос в докладе и в резолюции т. Милютина¹⁰.

Судя по всему, даже делая содоклад, Деборин еще не вполне понимал, кто стоит за организацией травли философов.

Это видно по стенограмме:

Деборин. Никто не говорит о том, что вообще у философского руководства не было недостатков и ошибок, что оно безгрешно, непогрешимо.

Карев. Теоретических ошибок не было!

Деборин. Когда проблема поворота была провозглашена т. Сталиным на конференции аграрников-марксистов, то философы были первыми, кто сейчас же откликнулся на этот лозунг и на эту директиву.

Голос. А теорию исключительности кто развил?

Деборин. Я такой теории не знаю. Может быть вам она известна. Так вы ее изложите. Это вы будете спорить с Каревым¹¹.

Но Деборин прекрасно осознавал, что у него пытаются отнять «философскую линию»: «То же, что происходит сейчас на философском фронте, это можно охарактеризовать как попытку *в корне пересмотреть ту основную линию, которая считалась — и как будто считается до настоящего времени — правильной* (курсив мой. — А.Ю.). В этом прежде всего центр вопроса — основной вопрос»¹².

Содокладчик уверен, что идет борьба между различными философскими группировками, и он — как глава всего философского фронта — не хочет никому уступать: «Мы знаем, что имеется уже по этому вопросу целый ряд группировок со всевозможными оттенками. Одни утверждают, что есть две линии, другие утверждают: есть одна линия, но с системой ошибок; третьи утверждают: есть правильная линия, но с уклоном, а четвертые утверждают, что есть правильная линия, но с ошибками. Вот те оттенки, которые имеются у нас на фронте»¹³.

Деборин отбивался от «самокритики» рационально, не видя, что это только предлог и средство поставить любого человека на колени. Он признавал «самокритику» как необходимость развития, но был против превращения ее в «огульное опорочивание».

Он уже чувствовал, что на смену рациональному знанию приходит власть бессмыслицы.

Как мог, он предупреждал об этом!

Знайте, если мы пойдем по этому пути, нам грозит в высшей степени серьезная опасность. Нам грозит опасность действительного поворота от марксистско-ленинской теории. И вот критика, которая сводится к вылавливанию отдельных словечек, отдельных мест совершенно без всякого смысла, без связи со всей концепцией автора, вот это жонглирование отдельными словечками, отдельными цитатами и т.д. — это, извините меня пожалуйста, не есть критика по существу, которая нам поможет в нашей работе.

Милютин. Так все оппортунисты говорят.

Деборин. Вот вам примеры самокритики. Тов. Милютин берет предисловие мое к «Ленинскому сборнику» и, совершенно не понимая, о чем идет речь, критикует, обвиняя меня в недооценке Ленина и в переоценке Плеханова.

Я должен сказать, что все это сплошное недоразумение, потому что все в этом зале знают, что критику Плеханова я начал уже давно и указал на механистические элементы и на целый ряд ошибок у Плеханова.

Голоса. Правильно!

Деборин. Неправильно? Правильно. Сделали это. Но дело в том, что все зависит от того, как мы к этому делу подходим; подходим или с желанием вычеркнуть Плеханова из истории философии марксизма, или подходим к этому делу по существу, серьезно, с разбором и т.д. Это первое дело.

Во-вторых, приводилось место из предисловия к IX «Ленинскому сборнику». Товарищи, предисловие мое говорит совершенно о другом. Тов. Милютин не понял. Я говорю в первой части, в первом абзаце, который я сейчас оглашу, что Владимир Ильич, изучая Гегеля, изучал целый ряд других произведений, целый ряд других мыслителей, а также теоретиков в области естествознания, поставив себе целью дать теорию материалистической диалектики, т.е. то, над чем наше поколение бьется и что мы, даже всем коллективом, не скоро выполним, а если и выполним, то вероятно не очень важно, так что будет еще по этой части жесткая критика. Вот это основное, что Ленин хотел и к чему стремился. И я говорю, к сожалению,

в силу того, что Ленину пришлось отойти от этой работы — вспыхнула революция и пр. и пр., — ему не удалось выполнить этой задачи. Это первое, о чем я говорю.

Потом я говорю о взаимоотношении между Плехановым и Лениным следующее: «Кто способен наряду с тождеством схватывать и различия, легко заметит, что ленинское понимание материалистической диалектики составляет новую ступень в развитии диалектического материализма». И вы видите, как эту формулу мою все повторяют, но якобы от своего имени и против которой, якобы, Деборин протестует (*Смех*). Вот те приемы полемики, о которых я говорю.

Голоса. Правильно!

Деборин. Эти мои же мысли списывают у меня и меня же бьют...¹⁴

Интересно, что Деборин в своем содокладе вспомнил, что к нему уже «приходили» — но не сказал, кто именно, — чтобы заставить отказаться от своих ошибочных взглядов после статьи Фурщика в шестом номере журнала «Большевик»¹⁵. Это были Митин и Юдин, которые много лет спустя будут отвечать Ильичеву на вопрос, угрожали они Деборину или нет. Контекст памяти смещается в сторону той актуальности, в которой человек живет.

В своих воспоминаниях Деборин писал об этой встрече:

В конце 1930 года началась критика Общества воинствующих материалистов-диалектиков: обвинение меня в недооценке Ленина, «гегельянстве», идеализме и пр. В то же время ко мне на квартиру явились М.Б. Митин и П.Ф. Юдин, которые передали мне ультиматум публично отмежеваться от членов Общества, разоблачить их как врагов народа и признать Сталина корифеем философской науки. Ультиматум был мною отвергнут¹⁶.

И время встречи он указал с ошибкой, и содержание разговора смешалось с разными слоями памяти, ибо не мог он в конце мая — начале июня 1930 г. говорить Митину и Юдину, что не хочет признавать Сталина «корифеем философской науки». Но и Митин с Юдиным — тоже приписали своим воспоминаниям все, что случилось потом — после совещания в Коммунистической Академии.

В беседе с нами А.М. Деборин держал себя высокомерно, слышать не хотел о необходимости внесения серьезных корректив в теоретическую работу в философии, считал (наши) взгляды антиленинскими и упрощенческими.

И только в стенограмме выступления Деборина в октябре 1930 г. мы видим реальный мотив, которого добились молодые философы — и которому так резко сопротивлялся Деборин, не соглашаясь признавать правоту статьи Фурщика в журнале «Большевик» (№6, 1930):

Когда появилась знаменитая статья Фурщика, ко мне пришли товарищи с требованием: откажитесь! вот напечатана статья! — Позвольте, милые товарищи, от чего мне отказываться, в чем я виноват? Фурщик — кантианец, Фурщик делает такие крупные ошибки, о которых среди марксистов-ленинцев даже не спорят! — Нет, откажитесь! говорили мне. Я всегда со всей искренностью готов отказаться от своих ошибок, но только после того, как я их осознаю. Так видите, мы не против критики, но мы признаем серьезную критику, которая подвигала бы нас вперед, а не отбрасывала бы назад, а уровень нынешней критики, нынешних выступлений — это уровень, который снизился по сравнению с тем, что происходило у нас года 2–3 назад. Так что опять-таки мы за самую развернутую самокритику, которая должна вестись по-серьезному, по-настоящему, с разбором аргументов, а не при помощи выхватывания отдельных слов. Французская поговорка гласит, что любого писателя можно повесить, если выхва-

тить из его сочинения фразу. Так что не об этом идет речь. Спорьте с концепциями, с определенной постановкой, с определенными взглядами, но не выхватывайте словечек и не жонглируйте цитатами¹⁷.

Эта встреча ничем не закончилась, потому что ни Деборин, ни даже Митин с Юдиным не представляли себе полной картины того, кто — и, главное, как — организовал всю эту кампанию. Каждый знал только свое — ограниченное пространство: Митин и Юдин получили задание от партийного аппарата убедить Деборина не сопротивляться критике, Деборин не принял всерьез сам разговор, потому что никакой опасности в плохо продуманной статье Фурщика не видел.

Сталин сплетал свои интриги так, что никто не мог понять, кто же всем этим управляет...

Но вернемся в зал заседаний Коммунистической Академии, где продолжал свой содоклад Деборин.

Он пытался определить характер той группировки, которая рвется к власти:

Мы сейчас имеем союз этих двух группировок, которые, с моей точки зрения, должен сказать, различаются друг от друга не столько может быть теоретическими разногласиями, сколько тактическими разногласиями, хотя должен признать, что конечно разногласия теоретического порядка между ними имеются. Говорят прежде всего, что заслуга этих группировок или во всяком случае заслуга группы т. Митина — Ральцевича состоит в том, что она начала самокритику... Товарищи имеют ту заслугу, что они выступили с самокритикой и заострили ее, но они делают большие теоретические ошибки. Теория материалистической диалектики ныне трактуется в выступлениях и статьях по-плекхановски, а не по-ленински, не в смысле создания целостной синтетической теории, а в смысле разбавления и растворения этой теории материалистической диалектики в конкретных дисциплинах, и это есть конечно отход от установки Ленина¹⁸.

Нанося удары своим идейным врагам, он едва ли понимал, что стреляет по воробьям. Ну высмеял он Фурщика унизив публично, и зал даже поддержал его смехом!

Но разве может, в самом деле, Фурщик заменить собой Деборина?

Говорят: Деборин недооценивает Ленина. Кто недооценивает Ленина, мы уже видим. Пример этого показал первым т. Фурщик, который выступил со своим открытием в статье в «Большевике», что есть две линии — с одной стороны Каутский — Плеханов — Деборин; с другой стороны — Маркс — Энгельс — Ленин и Фурщик. (Смех)¹⁹.

Он издевался, шутил, иронизировал, говорил в расчете на публику — словом, пытался доказать, что, кроме Деборина, некому больше управлять теоретическим фронтом.

Его удивительная отстраненность от реального политического сценария давала ему силы сопротивляться и делать весьма глубокие замечания о природе всей этой развернувшейся кампании: «Я говорю, что т. Митин не знает, что такое формализм, ибо *под формализмом он понимает любой логический анализ* (курсив мой. — А.Ю.). Но если это формализм, то разрешите мне сказать: “Анти-дюринг” тоже формализм»²⁰.

Впрочем, человек он был не просто опытный, а умудренный опытом, и хорошо понимал, что не все ошибки следует признавать.

Милютин. Вы только насчет Ленина ответьте — центральный вопрос о Ленине?

Деборин. В каком смысле о Ленине?

Милютин. Была ли в вашей работе недооценка Ленина?

Деборин. Я говорю, что это неверно. Но если мне докажут, я признаю. Все мои работы за последние годы проникнуты исключительно Лениным, я опирался во всех

работах и в борьбе с механистами исключительно на Ленина. В каком смысле вы понимаете недооценку Ленина? То, что мы здесь слышали от руководителя Комакадемии относительно характеристики ленинизма, — это неправильно, т. Милютин. (*Аплодисменты*). Вот, что я вам скажу, мы не пойдем по этому вашему пути. Поэтому недооценка Ленина у вас. Вы не понимаете теоретической высоты Ленина. Вы говорили: применение, применение Ленина, но вы не понимаете, что действительно нового, великого и гениального внес Ленин. Я вам говорю: нет, у меня нет недооценки Ленина и не может этого быть, отдельные ошибки возможны. Я изобразил, как вы понимаете недооценку Ленина. Когда вам объясняют, как в двух плоскостях берется вопрос, когда я говорю: Ленин по сравнению с Плехановым поднял диалектический материализм на новую ступень, — вы не понимаете, что это значит.

Милютин. Вы увеливаете от этого и умяете Ленина.

Деборин. Это умяет Ленина.

Милютин. И этот номер не пройдет у вас.

Деборин. «Этот номер не пройдет у вас». Что это значит? Что вы мне навязываете?

С места. Свобода критики.

Деборин. Этой свободы критики нет у т. Милютина. Тов. Милютин мне предпишет. Вам доказывают, а вы не доказываете²¹.

В прениях по двум докладам первым выступил М.Б. Митин. Он отметил сразу, что содоклад Деборина — это «исключительная претензия на абсолютную ленинскую ортодоксальность»²².

Кроме того, он указал на «непогрешимый папский тон» и добавил также — «прямое третирование партийной печати». Одних только этих слов уже было достаточно, чтобы осудить Деборина. Но задача была поставлена иначе: припереть его к стенке так, чтобы он сам — и только сам — сказал, что признаёт себя виноватым и готов понести наказание.

Деборин уходил то в одну сторону, то в другую — и ловцы, не имея опыта борьбы с подобными «китами» философского фронта, всякий раз оставались без улова.

Митин формулировал партийные претензии уже настолько откровенно, что, кажется, оставалось только перейти на грубый язык уголовников, чтобы Деборин наконец понял, с кем он воюет. Философская линия — может ли она быть «генеральной» вопреки «генеральной» линии партии? Митин говорил: «...в своем “зазнайстве” (вы) отождествляете свою работу с генеральной линией развития марксистско-ленинской философии». И дальше пояснял: «Нужно только немного вдуматься в деборинское положение “поворот на основе старой линии”, чтобы раскусить весь смысл его, направленный по существу против поворота». Против того, чтобы вернуться к партийному аппарату — и признать: нет «философской линии» и быть не может, ибо партия рулит и философией в том числе.

Наверно, после выступления Митина до Деборина стала доходить вся суть этой борьбы.

Ибо Митин и в самом деле открывал карты сталинской игры. Он с большой ясностью говорил, кому нужна власть над философским фронтом, кто теперь будет им руководить, кто имеет все основания совпадать с марксистско-ленинской истиной. Едва ли он решился бы самостоятельно на столь значительный ход — подобные ходы всегда были в поле зрения Сталина, импровизаций он не любил.

Митин утверждал:

...творческий марксизм, образцы которого на протяжении всего этого этапа давала наша партия в работах своих вождей, те образцы решения кардинальных вопросов действительности, а вместе с тем теоретических вопросов, которые давал Сталин... Вот эти вопросы, разработку и при-

менение которых давал Сталин, есть важнейшая составная часть развития философской коммунистической мысли. Поэтому, мне кажется, отождествлять развитие философской коммунистической мысли с работами т. Деборина, т. Карева и др., совершенно невозможно²³.

Выступление Митина показало всем, что партийный аппарат настроен обвинить Деборина в недооценке Ленина как теоретика марксизма. Это нужно было прежде всего Сталину, ибо он уже подготовил почву для признания себя «лучшим учеником», а по факту — «наследником», который вместе с Лениным стратегически планировал социалистическую революцию еще в августе 1917 года и теперь ведет страну к полному построению в ней социализма.

Но что удивляет — так это высокая сопротивляемость аудитории! Митин громил Деборина не лично — по поручению: никто в этом не сомневался. И несмотря на это, аудитория не шла на поводу агитатора и бойца идеологического фронта, а пыталась отстоять позиции критикуемого Деборина. Не менее удивительно и то, что стенограмма была составлена честно: зафиксированы голоса недовольных и несогласных.

Митин. Нужно однако внимательно прочитать другие места из работы т. Деборина: «Ленин как мыслитель».

Новиков. Читайте, читайте.

Митин. ...чтобы понять эти софизмы Деборина, что это нечто такое, что извращает суть дела, что наводит тень на ясный день. Я, товарищи, буду читать и удовлетворю ваше любопытство, т. Новиков. Вопрос о понимании роли Ленина безусловно связан с общим вопросом о понимании ленинизма. Вот что по такому кардинальному вопросу говорит т. Деборин: «Маркс превратил политику в науку. Ленин был гениальным политиком этой школы». Совпадает ли это с мыслью, что Ленин только политик, вождь и т.д.? Конечно совпадает. Следовательно говорить, что первое

положение случайно, — не приходится. Это явно замазывать явную ошибку. Далее, как т. Деборин характеризует, что такое марксизм-ленинизм. Он пишет: «Поэтому надлежит не противопоставлять ленинизм — марксистскую политику и тактику марксизму — как философской исторической и экономической теории, на которой политика и тактика Ленина строилась».

Голоса. Правильно.

Митин. Что правильно? Я не думаю, чтобы в этом зале был кто-нибудь, кто утверждал бы, что ленинизм есть только политика и тактика.

С места. Где это сказано?

Митин. Думаю, что в этом зале нет никого, за исключением т. Деборина, кто бы так ставил вопрос... Это положение является совершенно неправильным у т. Деборина. Кто вот тут выкриками пытается замазать эту явную ошибку т. Деборина в понимании того, что такое ленинизм, — сам впадает в ошибку. Тов. Деборин эти ошибки, которые я указывал в своей статье в «Правде», в своем содокладе не признал и сделал этим еще большую ошибку.

С места. Сказано «не в противовес».

Голоса. «Из пальца высосано».

Митин. Я могу привести еще ряд мест, которые идут именно по этой линии...²⁴

Митин демонстрировал, как он понял сталинский дух диалектики, — ученик он оказался способный. Сначала теоретический посыл, в котором «да» может стать «нет», а «нет» перейти в «да»: ***«Да превращается в нет, нет превращается в да, да становится одновременно и да и нет, нет становится одновременно и нет и да»*** (курсив мой. — А.Ю.). Таким путем противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуются и парализуются. Слияние этих двух моментов мыслей, противоречащих одна другой, образуют новую мысль — их синтез»²⁵. Так он отвечал Деборину, утверждавшему, что борьба идет с самой теорией как таковой. Ведь формализм, в котором его обвиняли, не представляет собой

ничего, кроме логического анализа. Что может быть в основе философии, если в ней сама логика вытравливается как «формализм»? Деборин близко подошел к тому, чтобы увидеть нарастающую бессмыслицу там, где требуется рассудочная деятельность. Митин отвечал с точки зрения усвоенной на ходу сталинской диалектики, когда нет уже ни да, ни нет, но остается в сухом остатке партийная воля выбирать любой смысл в любом «синтезе», — то есть совершенно независимо от постулатов логики, от ее законов, от рациональности как таковой. «Неформально» — значит *беззаконно*, согласно классово-воле победившего пролетариата, которую выражает партия и лично товарищ Сталин.

Митин говорил: «Многие попытаются нашу борьбу против формализма представить как борьбу со всякой теорией, со всякой теоретической работой. Этот номер не пройдет. Именно борьба за подлинную марксистско-ленинскую теорию и означает нашу борьбу с формалистическим уклоном»²⁶.

Следующим выступал тов. Милонов. Он также, как Митин, восстал против рациональности философской мысли, ибо не может она быть «самостоятельной субстанцией». Так и сказал: «Оно (философское руководство. — А.Ю.) стало думать, что философия в СССР, философия в стране пролетариата существует, как некая самостоятельная сущность, как некая самостоятельная субстанция, как то, что не имеет над собой никакого глаза, как то, что может развиваться совершенно независимо от тех задач, которые стоят перед партией, руководящей диктатурой пролетариата»²⁷.

Среди выступавших были и те, кто поддерживал Деборина. Во всяком случае, вступление Новикова было явным сопротивлением желанию уничтожить прежнее философское руководство. Он признал, что у Деборина могут быть неточности в формулировках, оценках, но

они находятся в резком противоречии со всей системой правильных взглядов Деборина.

Такая вот защита своего учителя:

Новиков. ...я начну с действительно маленьких марксистов и закончу крупным марксистом. Я начну с т. Рудаша, перейду к т. Митину и закончу т. Дебориным. (Смех).

Голоса. «Синтетический подход», «По теории относительности можно наоборот».

Новиков. Хотите наоборот — можно, дело от этого не изменится. Так значит, наоборот? (Смех).

Голоса. «Примиренец».

Новиков. Товарищи, центральная проблема наших разногласий, одна из самых центральных проблем, самая центральная по линии теории — это конечно проблема «Ленин — Плеханов», вопрос об оценке роли Ленина как философа. Если т. Деборин страдает недооценкой роли Ленина как философа...

С места. А он страдает...

Новиков... Тогда вопрос надо ставить несравненно резче, чем его ставят в резолюции т. Милютина, тогда надо ставить вопрос о перевороте.

Рудаш. «На попа».

Новиков. Вы очень хорошо говорите по-русски, т. Рудаш. Тогда надо ставить вопрос по-рудашевски — о перевороте, а не о повороте, надо ставить вопрос об изменении философского руководства от начала до конца.

Голоса. Правильно!

Новиков. Оставлять во главе философского руководства «недооценщика» Ленина как философа, Ленина как мыслителя до тех пор, пока Комакадемией руководит компартия — наша партия, — нельзя.

С места. Это правильно.

Новиков. Так надо ставить вопрос, а не замазывать, и так я его здесь поставлю. Я прежде всего заявляю здесь, что лично не собираюсь брать под защиту некоторые безусловно неудачные формулировки Деборина, которые здесь цитировались. Я, например, со всей резкостью заявляю, что деборинская формулировка: «Плеханов — прежде

всего теоретик, Ленин — прежде всего политик, практик, вождь» — неудачна.

С места. Неправильна.

Новиков. Неточна, неудачна и неправильна.

С места. С этого и начинайте.

Новиков. И не соответствует основной концепции взглядов т. Деборина на роль «Ленина как мыслителя».

С места. Не отвечает линии партии.

Новиков. Продолжаю, я эту формулировку считаю неудачной, неточной, неверной и неправильной, находящейся в резком противоречии со всей системой взглядов Деборина на роль «Ленина как мыслителя». (Шум)²⁸.

Сталинская машина подавления почувствовала сбой — и на выручку философского агитпропа был брошен Емельян Ярославский, которого не было в аудитории при открытии совещания. В то время, когда выступал Новиков, и когда максимально обострились противоречия между сторонниками и противниками Деборина, по залу прошелестело: «Ярославский пришел!»

Новиков, между тем, как и Митин, стал говорить откровеннее, уходя от эзопова языка марксистской философии. Он обнажал ту сторону, о которой шептались, но публично не артикулировали. «Я спрашиваю вас, т. Митин, вы берете на себя монополию на проблему партийности! Но до проблемы партийности в философии существует на свете элементарная политграмота, знакомство с историей партии, хотя бы по элементарным учебникам т. Ярославского»²⁹, — говорил Новиков.

Вслед за ним выступал Разумовский, и он тоже бросился в атаку, ему удалось попасть своей критикой в сердцевину опасности, грозящей уничтожить рациональность философской мысли. Это вызвало очень болезненную реакцию в аудитории: «...долголетний опыт нашей внутрипартийной борьбы с оппозицией показал, что она ухитрялась всегда находить какие угодно цитаты, при по-

мощи которых можно было доказывать все, что угодно. (*Шум, протесты*)»³⁰. Разумовский показал — едва ли не пророчески — как будет разворачиваться модель сталинизма в искусстве цитирования, сметая на своем пути последние остатки рационализма:

Подумайте только, в течение многих лет мы читали книги т. Деборина и как-то не замечали тех неправильных положений, которые имели место, не обращали на них должного внимания, а вот сейчас стали обращать внимание. Почему это произошло? Каковы те глубокие причины, которые вызвали такую настороженность партии? Очевидно, нужно гораздо глубже проследить те причины, которые вызывают у нас такое внимание к отдельным цитатам и отдельным положениям т. Деборина. Я скажу больше. *Я берусь подобрать целый букет цитат из работ любого философа, находящегося в этом зале, — начиная с т. Деборина и кончая вашим покорным слугою, где будет гораздо больше и политических, и принципиальных теоретических ошибок* (курсив мой. — А.Ю.)³¹.

В этих невольных угадываниях чудовищного сценария сталинизма кроется своя подсознательная правда: защитники Деборина, склонные к диалектическим упражнениям мысли, заменяющим собой естественно-научные законы, ощущали предельную черту философских спекуляций, за которую они ни в коем случае не хотели бы переступить, — это создание Культа Ошибки. Сталин довел их диалектические спекуляции до своего логического завершения, переступив ту грань, которая отделяла разум марксиста от разума деспота.

Поворот в дискуссии слегка обозначился после выступления Скрыпника, который, как и Ярославский, не присутствовал при докладе Милютина. Он повел разговор в ту сторону, которая менее всего была защищена Дебориным. Скрыпник напомнил, что в книге Деборина

«Философия и марксизм» (1930) последние строки предисловия говорят о том, что Деборин всегда стоял на точке зрения Ленина... Но — Скрыпник несколько театральнo дал понять аудитории, что вспоминает о чем-то, — не Деборин ли поместил в «Голосе социал-демократа» статью против Ленина по вопросам философии? Аудитория ответила голосами: «Была». Казалось бы, — чего не бывало в истории социал-демократии... С Лениным спорили многие! Но кампания Сталина построена была таким образом, чтобы сначала признать Сталина наследником Ленина, не совершавшим ошибок, а потом установить режим признания ошибок для всех прочих.

Деборин с места — «...я подтверждаю — была статья». Скрыпник продолжал:

Тогда позвольте спросить, как же получается, что в 1930 г. в предисловии к сборнику философских статей за 25 лет вы говорите не только о помещенных в сборнике работах, но заявляете, что вы во всех своих работах защищали основы революционного марксизма? Значит, вы не отгораживаетесь и не перебороли тех статей, которые вы в свое время писали против Ленина. Нет, дорогой товарищ, я помню формулировку, «я пришел к Ленину с боями». Но эта формулировка была у Троцкого, который под этой формулировкой хотел принести к нам весь свой старый теоретический багаж, не наш, не ленинский. И вот я спрашиваю себя: где и когда т. Деборин эту необходимую работу самокритики провел? Когда он переработал себя на философском фронте, пришел к ленинизму? Или т. Деборин, не будучи ленинцем и борясь с большевиками, в то же время имманентно носил в себе зародыш ленинского отношения к вопросам философии. (Смех). Не подходит сие дело. У нас есть работники, пришедшие теперь к ленинизму, и партийные и беспартийные, которые в себе старого не раскритиковали, это держит их в цепях прошлого, в когтях прошедших отношений, и давит на теперешнее. Не являются ли деборинские формулировки о Ленине, которые здесь цитировались, отражением этого? По моему —

да. Исторический генезис теперешних деборинских формулировок насчет Ленина и Плеханова лежит в прежнем противопоставлении, которое им не преодолено и им не прокритиковано³².

Скрыпник, как и следующий диспутант, тов. Бобровников, говорил о «критике и самокритике» в противоположных направлениях. Если Скрыпник выступал за то, чтобы Деборин покаялся в ошибках, то Бобровников говорил о критике и самокритике с точки зрения рационалиста, который не понимает самих правил такого решения дела. В его выступлении прозвучал мотив не «поворота», а «переворота». Развернуться к критике (в том числе, к критике себя) не составляет никакого труда, отказаться от философской мысли как таковой — значит изменить коренные ее задачи.

Бобровников сталкивал рациональность с иррациональностью, мысль — с бессмыслицей, и находил во всем этом странное отрешение марксистов от марксизма...

Он говорил: «Я спрашиваю, о чем же идет речь. Если философское руководство само пошло на то, чтобы провозгласить поворот в области философии, если само философское руководство отмечает ряд ошибок и недостатков, если само философское руководство говорит о необходимости переворота, то я спрашиваю, о чем же идет речь?»³³.

Ответ с места: «О критике и самокритике»!

Бобровников — в недоумении:

...Я ставлю вопрос так: идет ли вопрос о самокритике в рядах философов или идет вопрос о новом направлении в философии. Я, товарищи, боюсь чрезвычайно...

С места. Смелее.

Бобровников. ...что сейчас ставится именно вопрос не о самокритике, а под флагом самокритики ставится вопрос о новом философском направлении.

С места. О каком? Поворот лицом к социалистическому строительству.

Бобровников. Вопрос идет о борьбе за новое философское направление, борьба идет не за поворот, а за переворот и притом не только лиц, это была бы еще не большая беда, а вопрос идет о *перевороте философского* (выделено в тексте. — А.Ю.) направления. Я считаю это опасной тенденцией³⁴.

Аудитория не была готова к острой атаке Бобровникова на суть «критики и самокритики», которая становилась независимой от смысла цитируемых текстов. А между тем, пример, который он привел, — вполне себе разоблачительный, но только в том случае, если совместный поиск идет в одном направлении, — рациональном.

Бобровников «поймал» критиков Деборина. Одно его высказывание было решено объявить «уклоном», а на проверку оказалось, что Деборин просто не поставил кавычки, цитируя Маркса...

Очевидно, за эту цитату соответствующего автора нужно высечь и объявить уклонистом, препятствующим дальнейшему развитию марксистской философии. К сожалению, или к счастью, как для кого будет угодно, эта цитата принадлежит самому Марксу. Тов. Деборин в своей книге «Диалектика и естествознание» на стр. 259 берет данную цитату, только не ставит кавычек, и вы за эту цитату его хлещете, говорите об идеалистическом формалистическом извращении материалистической диалектики, о гегельянстве и пр.

С места. Мелко, мелко.

Бобровников. И не может быть поглубже, ведь вы писали резолюцию. Если речь идет о том, чтобы отметить ряд ошибок и ряд недочетов в работе философского фронта с тем, чтобы действительно в плодотворных обсуждениях эти ошибки устранить, то я считаю, что это одно дело, и против этого никто и никогда не будет возражать. Дока-

зательством этого является именно та декларация, о которой я уже упоминал и в которой перечислены ошибки и недостатки работы философского фронта. Но другое дело, когда под видом самокритики начинают ревизовать линию нашей философской работы. Это дело чрезвычайно опасное³⁵.

Среди прочих выступавших особенно выделялся Ян Стэн. Как видный деятель партии, он уловил, что кампания против Деборина не имеет философской почвы, зато укладывается в то, что он назвал «политическим шельмованием». В аудитории прозвучал вопрос — а кто же это делает? На что Стэн ответил: «вы сами знаете и можете по пальцам пересчитать». Кого он имел в виду? Присутствовавших Милютина, Скрыпника и Ярославского? Но ведь очевидно, что никому из упомянутых лиц не под силу было организовать подобную мощную атаку. Понимал ли Стэн, кто именно организовал политическую кампанию по дискредитации Деборина и его школы? Догадки догадками, а фигура Сталина и в самом деле была в тени, и лично он никак себя не позиционировал, — какие к нему претензии? Словом, даже Стэн, член ЦК партии большевиков, не имел ясной позиции по вопросу, прозвучавшему из аудитории, — так кто же эту кампанию организовал?

А между тем, этот вопрос становился все более актуальным...

Когда говорят об «актуализации» и «политизации» нашей философской работы, то в первую очередь выдвигают проблему партийности философии и обвиняют «философское руководство» в непонимании партийности философии, хотя так называемое философское руководство, я должен заявить, является существом мифическим. Кто составляет это руководство? Деборин, Карев, Стэн, Луппол? Но ни одно философское учреждение не находится в их руках. Назвать их руководством только потому, что они ру-

ководят философскими семинарами, никак нельзя. (Смех). Прозвище «философское руководство» придумано в специальных прагматических целях (курсив мой. — А.Ю.).

Голоса. А статья «десяти»? А «платформа»?

Стэн. Вот это, так называемое «философское руководство» обвиняют в отрыве от партии <...> Но в этом вопросе как раз те, кто больше всего кричит о партийности философии, искажают ленинское понимание партийности философии³⁶.

Стэн не мог не знать, кто «хозяин» в партии, но он мог и не понимать всей заинтересованности Сталина в том, чтобы овладеть не только организационными структурами, но — прежде всего и главным образом — душами людей, их мыслями, чувствами; овладеть так, чтобы имя «Сталин» вызывало трепет у всякого, кто его произносит.

Но пока Стэну не приходит на ум, что генеральный секретарь партии большевиков претендует на роль главного мыслителя страны. Он осознает, что атака идет со стороны партийного аппарата власти, со стороны всей идеологической машины, но поставить в своем сознании на место Деборина Сталина никак не может.

В голове не уместается!

Хотя в ней рождаются глубокие рассуждения о том, что замена философского содержания на политическое возможна лишь в том случае, если происходит «простое метафизическое отождествление теоретической формы борьбы с политической». Стэн свято верит, что партия должна соединять в себе три отделенные друг от друга формы борьбы — политическую, экономическую и теоретическую.

Должна синтезировать!

Ум Сталина был другой — раз «должна», пусть будет так! Это на словах — а на деле он уже взял курс на отождествление себя и своего имени с партией. Синтезиро-

вать будет он, а не безличная структура: Сталин мыслит гораздо практичнее, чем теоретик Стэн, которому, как и всякому фанатику-большевику, верилось, что у безличного коллективного начала есть свое самосознание.

Косвенным подтверждением того, что Стэн не видел всего политического сценария в суждениях своих непосредственных критиков, является его высказывание о «теоретическом ликвидаторстве». В аудитории возник шум и вопрос: «Кто они?». Имелись в виду ликвидаторы. Стэн перечислил всех пешек этой большой игры, как будто они в самом деле могли сами переделать весь философский фронт: Митин, Ральцевич, Юдин, Егоршин, Веснар. Они, по мнению Стэна, принесли «слякоть и бездорожье в наше философское царство»³⁷.

Критика «ликвидаторов» со стороны Стэна показывает незнание им того, кто стоял за их спинами, кто был кукловодом.

Стал бы Стэн так говорить, если бы догадался в какой-то миг, что именно Сталин управляет этими пешками, что именно он теневой монарх строящегося царства? Едва ли — думаю, что поостерегся бы: уж слишком жесткими были инвективы в адрес «ликвидаторов», считавших, что «суть ленинского подхода к философским проблемам, суть его понимания партийности философии состоит в том, что он рассматривает саму философию, как одну из форм политики...»: «Это — чушь, чепуха, это вульгаризация, потому что это есть непонимание того, что сама научная, марксистская политика ведется на основах диалектического материализма»³⁸.

Стэн не видел расставленных ловушек и сетей: он прямодушно говорил, что «самокритика» это «вредная тенденция» и даже «вредная атмосфера». Признание ошибок в условиях усиления классовой борьбы — это

поражение в правах, причина для третирования и даже для преследования. «Не нужно спекулировать на тех политических ошибках, которые имелись у отдельных товарищей. У меня были политические ошибки, у т. Карева имелись политические ошибки, мы эти политические ошибки исправляем, мы идем в ногу с партией...»³⁹, — откровенно признавался Ян Стэн.

Он закончил свое выступление под аплодисменты.

Следующим выступающим стал Емельян Ярославский. Его ждали — это была самая крупная сила, брошенная против Деборина и его школы.

Он начал с полушутливых обвинений в недемократичности управления журналом «Под Знаменем Марксизма». Ярославский заметил, что изменения в журнале начались с номера 2–3 за 1930 г., когда были опубликованы статья «От редакции» и юбилейная статья Кривцова о Сталине. Журнал с тех пор выражает точку зрения Деборина и Стэна: «Деборин играет здесь роль зам. Энгельса, а т. Стэн — зам. Маркса (смех)»⁴⁰.

Разговор плавно перешел на ошибки.

Опять приходится удивляться, что стенограмма не стала скрывать отношения, по крайней мере, части аудитории к некоторым словам Ярославского, объяснявшего причины критики школы Деборина. Как опытный аппаратчик, он рассчитал все правильно: надо сказать о молодых философах, которые недовольны «философским руководством», подивиться их смелости, энтузиазму, а потом уже...

На деле все вышло крайне неудачно, ибо самый первый мотив критики Деборина со стороны «храбрых» молодых философов был подвергнут осмеянию!

Стенограмма зафиксировала слова Ярославского и реакцию зала: «Если говорить о том, каковы основные ошибки, то надо сказать, что основные ошибки правильно подмечены теми молодыми товарищами, кото-

рые набрались храбрости в 1930 г. (смех) выступить с критикой...»⁴¹.

Ярославский открывал «карты», как это делал и Митин, хотя перспектива уничтожения философской мысли как самостоятельной мысли в области марксизма многим деборинцам все равно казалась нереальной. Опять было сказано, что основополагающей точкой зрения на философию марксизма является выступление товарища Сталина на съезде аграрников в декабре 1929 г., где он заявил об отставании теории от практики. Ярославский уточнил: «...на что не реагировали по-настоящему и до сих, по существу дела»⁴².

Но и этот аргумент никак не работал — его как бы не слышали.

Необходимо было уличить Деборина так, чтобы ему было трудно отпереться. Емельян Ярославский был хорошо подготовлен к натиску — гораздо лучше, чем Милютин или Скрыпник. Ярославский получил полную информацию о творчестве Деборина в тот период жизни, когда он был меньшевиком. Была найдена еще одна его публикация в газете «Голос социал-демократа» (1908)⁴³, в которой Деборин открыто спорил с Лениным, но что хуже — давал негативную оценку всего большевизма с утверждением, что печать субъективизма и волюнтаризма лежит на всей тактике большевизма, философским выражением которого является махизм.

Были в этой статье и такие (приведенные Ярославским) слова: «Большевистские философы в идеологии своей не переходят за пределы мелкобуржуазного кругозора. Большевистские же стратегии, тактики с их романтическим революционизмом и мелкобуржуазным радикализмом прилагают на практике теоретические принципы философского нигилизма, в основе которого лежит отрицание объективной истины...»⁴⁴.

Не страшно, что это было написано против Богданова, не страшно даже, что против большевиков, ведь свое меньшевистское происхождение Деборин не скрывал. Страшно, что такая критика не могла не относиться и к Ленину. А раз так, то следует сказать всю правду о себе, — ошибался!

Деборин мог бы оправдать себя тем, что правоту Ленина впоследствии признал полностью. Но Ярославский это предвидел, и потому спросил иначе: признание необходимо сделать *сейчас*, не вспоминая о том, что Деборин говорил раньше; *сейчас* — значит в новых условиях сталинской кампании: «... вы в целях политической борьбы в свое время шельмовали Ленина как философа. Почему вы этого не сделали *в наш век самокритики* (курсив мой — А.Ю.), хоть где-нибудь в сноске к вашей статье о Ленине. Это нужно сделать для того, чтобы товарищи вам не говорили, что вы эту ошибку свою не вскрываете. В порядке самокритики это надо сделать»⁴⁵.

Удар был очень болезненный.

Ярославский продолжал: «Так что т. Деборин знал, что Ленин решительно выступает против Богданова, борется против махистской философии, и все таки считал возможным такого рода политическое шельмование. Мы тоже вправе требовать (ведь и вы требуете от других товарищей: “признайте все ошибки, которые вы сделали”), чтобы вы признали все ошибки, которые у вас были...»⁴⁶.

Деборина окружили, чтобы заставить сдать оружие. Он был осажден логикой сталинской кампании «критики и самокритики»: если критикуешь несогласных с тобой, — начни с себя! Но если ты скажешь о своей ошибке в «теории», то ни «школы», ни Деборина больше не будет никогда, останется только пустое место...

Нелегко было после Ярославского выступать Кареву — одному из самых близких сподвижников Дебори-

на. Но опять мы видим бьющуюся мысль философа, в которой нет *никакой потребности* обратиться к творчеству товарища Сталина. Карев даже не видит опасности, которая его подстерегает — он признается, что участвовал в делах объединенной оппозиции. «Я должен указать на то, что борьба против линии партии, которую я вел в 1926/27 г., когда был в рядах зиновьевской и объединенной оппозиции, нашла себе отражение в это время в одной моей теоретической ошибке, по вопросу об основных классах переходного общества»⁴⁷, — говорил он чистосердечно. Признание логической связи между ошибкой в политической деятельности и ошибкой в мыслительной деятельности равносильно поражению во всех этих областях. Никто не поверит, что Карев и теперь не совершает философской ошибки, ибо он вновь сопротивляется политике партии. Такие «ловушки» сталинской политики поджидали каждого на пути согласия и уступок.

Карев выступал против борьбы с «формализмом», не осознавая, что возражал лично Сталину.

Он вновь говорил об эклектизме, считая борьбу с ним важнейшим делом партии.

Самым заметным критиком школы Деборина вновь стал Ральцевич. Он получил право говорить после Карева и Пашуканиса и направил свой огонь критики на Карева и Стэна. Ральцевич обвинил их в клевете, лжи, недопустимой развязности антипартийного тона, но главное — в стремлении к папской непогрешимости. Он обратил внимание на то, что Карев однажды сказал, что идея «поворота» была высказана им до сталинской речи на съезде аграрников (в декабре 1929 г.). Удар наносился не столько по идеям Карева и Стэна, сколько по их поведенческому стереотипу, который свидетельствовал о нескромном отождествлении себя с генеральной линией партии в философии.

Тт. Стэн и Карев заявляют, что поворот на философском фронте уже давно произошел. Тов. Карев осмелился даже заявить, что он провозгласил поворот уже больше года назад в своей статье об итогах дискуссии на философской апрельской конференции 1929 г. Само собой разумеется, что тот поворот в области теории, требование которого вытекает из оценки Сталиным нынешнего соотношения теории и практики, тот поворот, ради которого собственно и поднялась волна самокритики в области философии, ровным счетом ничего общего не имеет с поворотом т. Карева. Но посмотрите, какое нестерпимое фанфаронское высокомерие там и сям прорывается в сегодняшнем «мирном» и «скромном» каревском щебетании! Я приглашаю товарищей оценить значение каревского поворота, якобы имевшего место до выступления Сталина, в свете той «самокритики», которую практиковал т. Карев полгода спустя после своего «поворота» на собрании философской цехячейки ИКП осенью прошлого года⁴⁸.

Но выступление Ральцевича показывает, что Сталин и в его мыслях занимает место все того же «практика», который недоволен состоянием «теории». Будучи ярким критиком школы Деборина, он не осознает главной цели всей кампании: необходимо научиться *мыслить* в русле высказываний товарища Сталина!

Такая же ситуация и в других выступлениях противников школы Деборина. Сталин для них — политический авторитет, но не причина мыслительной деятельности.

Психологический переход к признанию поражения Деборина весьма тонко уловил один из главных его противников — «молодой» философ Юдин. Он хорошо знал манеру поведения каждого из своих коллег, они были у него преподавателями в Институте Красной Профессуры. Если Деборин вел себя обычно — и даже смелее обычного, то Карев и Стэн уже ощутили силу оказанного давления — и выглядели иначе.

Юдин говорил: «Деборин решил еще раз пойти ва-банк, напрямую. Карев и Стэн увидели, что напрямик ничего не выходит (и Подволоцкий с ними) и решили форму выступлений несколько изменить. Мы привыкли к тому, что, когда Стэн выступает, то он бежит по трибуне, кричит, извергает громы и молнии на своих противников. И здесь мы этого ждали. А что получилось? Стэн присмирел. Его не узнать было. Откуда взялась такая уравновешенность, смирение. Он сегодня напоминал медведя из рассказа Салтыкова-Щедрина. Там медведя послали для умирения внутреннего врага, от него ждали кровопролития, а он, говорят, всего лишь чижику съел. <...> Придавая архисмиренную, архилояльную форму своему выступлению, постаравшись обойти все острые вопросы, т. Стэн по существу продолжает старую линию...»⁴⁹.

Тихой сапой сталинизм вползал в души людей, и никто не помнил, с какого момента страх стал менять то, что труднее всего изменить в человеке, — его поведенческие стереотипы.

Юдин не рассматривал аргументы философские — бог с ними: он говорил о мнении коллектива ОВМД, партийной печати, партийной организации.

Им известно, что против них также высказалась партийная печать, центральный орган нашей партии «Правда», против них высказывается «Большевик», но на все это нашим философским маэстро наплевать со своей высокой философской каланчи⁵⁰.

Юдин рассказал о событиях, которые предшествовали письму «трех» в «Правду». За начальную точку отсчета «прозрения» Юдин взял конференцию в ОВМД 30 апреля 1930 г., где, как он сказал, товарищи Митин, Тащилин, Тимоско, Юдин сделали поправки к резолюции, но они не были приняты прежде всего Дебориным.

Юдин рассказал, как была написана статья «трех» в «Правду».

Ход событий такой: 30 апреля 1930 г. принимается резолюция, в которой отвергаются все поправки вышеперечисленных партийцев ИКП. Как сказал Юдин, «через несколько дней» Митин, Ральцевич и Юдин написали статью «трех» для «Правды» и изложили в ней суть своих поправок, не принятых Дебориным.

Уже было упомянуто, — но об этом не говорил Юдин, — что 15 мая 1930 г. он опубликовал в газете ИКП «За ленинские кадры» статью под названием «Ошибки были, о них надо говорить прямо и открыто». В ней утверждалось, что философская мысль оторвана от практики социалистического строительства и потому требуется «самокритика».

Как следует из слов Юдина, буквально в этот момент в газете «Правда» согласились с этой статьей «трех»! Он отмечал: «Наши философские маэстро поняли, что они попали не в совсем удобное положение». Юдин фактически подтвердил, что дебординцы заранее читали текст, отправленный в «Правду»: «Мы предлагали тогда: если вы всерьез заявляете, что мы свою статью у вас списали, то заявите, что вы с ней согласны. Вместо этого, как известно, они выступили со статьей в №5 «ПЗМ» против нашей статьи. И ни по одному пункту нашей статьи не были согласны. Здесь они разоблачили свое лицемерие»⁵¹.

О том, что к статье «трех» будет добавлено официальное «примечание» от газеты «Правда», никто не говорил — дебординцы этого не могли знать.

Но они не мыслили себе врага выше Ярославского и потому не теряли надежду на успех.

Юдин перечислил те недостатки, которые отмечались им и его сотоварищами на конференции 30 апреля 1930 г. Интересна, хотя и не совсем понятна реакция зала — смех.

Сейчас они говорят, что будто бы по этому вопросу никогда не было разногласий. Неверно это утверждение. Мы с вами дрались за признание этой ошибки. Вы решительно восстали против нашей постановки вопроса, против вносимой по этому вопросу нами поправки. Вышеприведенную поправку вы отвергли (о том, что не разоблачалась философская сущность троцкизма. — А.Ю.). *(Деборин подтверждает)*. *(Смех)*.

Вторая наша поправка к декларации, отвергнутая правлением ОВМД следующего характера: «Несмотря на все перечисленные успехи в деле разоблачения механистической ревизии марксистско-ленинской диалектики, несмотря на работу в деле разоблачения теоретических основ правого уклона, наряду с общим отставанием всей нашей теории от практики, наряду с тем, “что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль” (Сталин) — за истекший период развития мы имели также и недопустимое отставание философской мысли». Тов. Деборин подтвердит, что на правлении ОВМД отвергли и этот пункт.

Деборин. Отвергли. (Смех).

Юдин. Третий пункт: «При всей важности громадного теоретического значения, которое имела борьба за истекший период с исконным врагом марксизма, с откровенным или полужавуалированным идеализмом, при всем громадном значении, которое имела борьба единым фронтом марксистов-диалектиков против механистического мировоззрения — недостаточно критиковались и разоблачались отдельные ошибки формалистического, а также откровенно идеалистического порядка, которые делались отдельными товарищами в борьбе; это обстоятельство свидетельствует, что борьба на два фронта в нашем лагере была развернута совершенно недостаточно». Тов. Деборин подтвердит, что и этот пункт вы отвергли.

Деборин. Отвергли.

С места. Что же вы молчали?

Юдин. Мы не молчали. Через несколько дней мы втроем написали в «Правде»... известную статью «трех» (Митин, Ральцевич, Юдин) и буквально дословно изложили эти поправки, и ЦО (центральный орган. — А.Ю.) партии согласился с нашей статьей...⁵².

Судя по всему, вся эта интрига продумывалась заранее; сначала — публичная попытка скомпрометировать руководство философского фронта, которое не пойдет на добровольную критику себя, затем обращение «молодых» философов к партийным органам в печати. И венец всей интриги — провокация газеты «Правда», которая совершенно беспрецедентно согласилась с одной из спорящих сторон.

Никакого философского спора нет и быть не может — таков пафос выступления Юдина. Остается только вопрос о подчинении или о неподчинении партийной власти: «...мы к этому подходим политически. Они же этого не хотят делать»⁵³. Юдин понял, как надо подчиняться, — следует признавать «практику» выше «теории». Вот так! «Марксизм-ленинизм признает примат за практикой. Вы этого не понимаете. По вашему вначале теория, потом практика»⁵⁴, — говорил он.

Под занавес совещания Юдин открыл истинные цель и задачи всей кампании. Из его слов возникала картина иная, нежели та, которую видели дебординцы. Они верили, что никто не может занять их место — место теоретического центра. Но единственный теоретический центр диалектического материализма — это Центральный Комитет партии большевиков. Если ЦК партии — это место, где создается новая диалектика, то генеральный секретарь партии — ее истинный руководитель.

Эти слова охладили пыл самых смелых критиков Ем. Ярославского. С ним спорить еще можно, не запрещено даже по-пролетарски грубить.

Но с партией спорить никто не станет...

Юдин. Надо признать, что вы не понимали и не понимаете роли Центрального комитета, как теоретического центра, не понимаете, что решения съездов партии имеют и величайшее теоретическое значение. Возьмите, к при-

меру, решения XVI съезда о середняке, превратившемся в опору с переходом в колхоз. Это действительно мастерское применение материалистической диалектики, и здесь дан превосходный пример того, как надо распознавать переходы одного качества в другое. А что вы сделали со своими методологическими ключами, хотя бы полслова, хотя бы намек о том, новом что мы действительно имеем в отношениях между классами? Ничего, ни до, ни после XVI съезда, ничего не дали.

Голос с места. Пишется.

Юдин. Возьмите работы т. Сталина. Это подлинная разработка материалистической диалектики. Тов. Сталин в духе классиков марксизма ведет разработку диалектики, не отрывая этой работы от революционных задач пролетариата и не противопоставляя одно другому. Его разработка ряда категорий материалистической диалектики действительно двигает науку дальше, например, разработка ленинского учения о звене, о единичном и всеобщем; разработка проблемы противоречия (единство противоположностей) на примерах анализа противоречий капиталистического строя⁵⁵.

Юдин впервые — в неюбилейном тоне — стал говорить о Сталине как о *главном теоретике* марксизма, который разрабатывает проблему сущности и явления на основании «методологии разоблачения», вооружает диалектикой рабочих и крестьян. Впервые *прямо и открыто* Сталин был противопоставлен руководству философского фронта!

Юдин. А вы что сказали в этой области? Возьмите дальше проблему о сущности и явлении, разработанную Сталиным на основе разоблачения методологии всяких уклонов, когда он вскрывает левую видимость и правую сущность. Это действительно мастерское применение и разработка диалектического материализма. А вы что? Общие разговоры? Революционная теория марксизма должна вооружать на борьбу массы рабочих и крестьян. Работы Сталина действительно вооружают миллионы на борьбу. А ваши работы?

Голос. Они выше действительности.

Юдин. Вот в этом-то и дело. Поэтому наши почтенные философы и не понимают движения за поворот к актуальным задачам социалистического строительства, которое происходит. Они не понимают, что их работы не удовлетворяют партийную массу, потому что они пусты, абстрактны. Они, работы ваши, не вооружают на подлинное социалистическое строительство. <...> И надо признать, что вы не понимали и не понимаете до сих пор роли партии и ЦК, их решений, как действительно подлинного диалектического синтеза теории и практики. Надо признать ошибки, которые вы наделали на повороте. Нужно признать ошибочными номера 2–3, 4, 5, 7 «Под знаменем марксизма», потому что эти номера в полном соответствии с установкой — противиться повороту, зажимать самокритику, глушить самокритику. Товарищи, несмотря на то, что в среде философского руководства господствовали троцкистские установки Карева, Стэна и др., несмотря на это, их практика в связи с поворотом, непонимание поворота, сопротивление ему, зажим самокритики и т.д. выглядит на деле право-оппортунистической. Так часто бывает, что левая фраза сопровождается правым делом⁵⁶.

Продуманно-заказной характер его выступления завершился угрозой Деборину. И теперь уже всем было яснее ясного, от кого исходила угроза: «Тов. Деборин, если вы сейчас в своем заключительном слове целиком и полностью откажетесь от своего содоклада, как ошибочного, и раскритикуете эти позиции, которые имелись в вашем докладе, тогда мы поверим, что вы действительно хотите делать поворот. Если же вы будете и дальше упорствовать, будете делать поворот на основе старой линии, то поворот будет сделан, партийная линия будет проведена, но только без и против вас. (*Бурные, продолжительные аплодисменты*)»⁵⁷.

О том, что выступление Юдина было заранее отрепетировано, свидетельствует неготовность других вы-

ступающих следовать предложенной тональности восхваления нового главного теоретика страны.

Пройдет совсем немного времени и возникнет миссформа говорить о философских проблемах *только и исключительно* с помощью цитат из трудов товарища Сталина...

Едва ли не самое сильное впечатление было от заключительного слова Деборина.

Историк философской мысли И. Яхот напрасно написал, что Деборин признался во всех ошибках, сломленный разоблачительными словами Ярославского⁵⁸.

Как раз наоборот — в главном он так и не признался! Несмотря на чудовищное давление, он устоял, — и эта его линия поведения, возможно, спасла ему жизнь. Сталин не смог добиться от Деборина признания в теоретических ошибках.

Деборин признался в ошибках политических.

Сталин всегда жаждал не столько физической смерти своего врага (это меньшее из всего того, что он хотел), сколько признания, что он, Сталин, прав, и прав во всем. Только после такого признания он уже не считал нужным оставлять человеку жизнь. Разумеется, речь идет лишь о тенденции, и мы не знаем, что думал генсек, оставляя тому или иному человеку право на жизнь...

Деборин согласился с критикой, но не унизился: «В этой статье я тогда, в 1908 г., отождествил богдановскую философию с философией большевизма и позволил себе ряд политических выпадов против большевизма...»⁵⁹.

Он признал: «Мой содоклад я считаю ошибкой, ибо я опять продолжил ту линию, которая выражалась в том, что я главным образом пытался критиковать те или иные ошибки отдельных товарищей в их выступлениях, но *не ухватился за тот политический смысл* (здесь и далее курсив мой. — А.Ю.), который имели все их выступления за последнее время, начиная с апреля — мая 1930 г.»⁶⁰.

Наконец-то Деборин осознал в полной мере, что с весны 1930 г. не понимал, с кем он воюет. «Не ухватился» за политический смысл — значит не понял, что именно Сталин требует у него отдать право руководителя марксистской философией.

Он хитро вышел из положения, говоря, что «речь и шла и должна идти не о тех или иных теоретических ошибках, которые допускались», а о признании власти политической в теории марксизма.

Смысл такой: признать Сталина, а не теоретические ошибки!

О своей «философской линии» он сказал теперь, что она «старая», однако тут же подчеркнул ее заслуги, как бы намекая, что новая линия, сталинская, не на пустом месте возникает.

Деборин. Я хочу этим подчеркнуть еще раз, что если нами и были допущены те или иные отдельные ошибки, то все же не следует забывать, что мы шли по линии охвата, понимания, приближения и т. д. к Ленину; это является одним из существенных ингредиентов так называемой старой философской линии. И тем не менее, товарищи, несмотря на то, что эти основные элементы старой линии не могут быть вычеркнуты, а речь может идти только о дальнейшем их развитии (в каких формах, об этом сейчас говорить не буду) мы допустили в своей прошлой работе целый ряд политических ошибок.

С места. И теоретических.

Деборин. Эти ошибки диктовались, — нужно это признать, эти ошибки (ошибки в отношении троцкизма, ошибки в отношении рублины и целый ряд других ошибок, о которых я вкратце скажу) вытекали из основного порока, которым страдала наша линия. Этот основной порок — *известный отрыв* (курсив мой, точная цитата из речи Сталина. — А.Ю.) от актуальных задач социалистического строительства. Мы действительно страдали не столько формализмом, сколько академизмом.

Отставание всей теоретической мысли от революционной практики, констатированное т. Сталиным на конференции аграрников-марксистов, в одинаковой степени относится и к философскому участку фронта⁶¹.

Деборин сделал вид, что не услышал реплики из зала.

Он не признал ошибок теоретических: он признал отрыв от практики социалистического строительства, академизм, недостатки в освещении ряда проблем, но в исходных идеях ошибок не было.

Теперь уже нетрудно признать ошибочной статью «десяти». Но опять же — это «грубейшая политическая ошибка», а не философская. Ибо, как сказал Деборин, «это выступление объективно означало противопоставление себя центральному органу партии, в котором было напечатано выступление “трех” и с которым в основном центральный орган согласился»⁶².

Признавая некоторые ошибки, Деборин хитроумно оправдывал «старую» линию: «Самая крупная ошибка, которая означает прорыв в нашей философской работе, прорыв в нашей линии, *которая в основном была правильна* (курсив мой. — А.Ю.), — это то, что нами не была дана развернутая критика троцкизма»⁶³.

Тональность выступления Деборина не была извиняющейся, как можно было ожидать. Напротив — он говорил так, чтобы все поняли, что Деборин только отступает, но не сдается. Он не утратил способности огрызаться, несмотря на поражение в целом. Как раненый зверь, он скалился и словами предупреждал не приближаться ближе.

Конечно, я совершенно не согласен с той частью только оглашенной резолюции, в которой говорится о том, что у Деборина имеется «гегелианский уклон», у Деборина одним словом имеются все мыслимые уклоны. Я думаю, товарищи, увлекаться не надо. Легче на поворотах. Здесь,

например, было объявлено чисто формалистическим произведением мое «Введение в философию диалектического материализма». Но, товарищи, Ленин знал эту работу, и на основании этой именно работы он рекомендовал меня в Свердловский университет в качестве преподавателя диалектического и исторического материализма и в Институт красной профессуры, не считая, по-видимому, эту работу формалистической, ибо если бы Ленин считал эту работу формалистической, то как же формалиста он мог бы рекомендовать в качестве марксиста. Так что, товарищи, не увлекайтесь⁶⁴.

По отношению к Ленину, утверждал Деборин, допущена неточная формулировка: она уже исправлена. «Если взять всю сумму того, что мною написано о Ленине, тогда вы поймете, что вышеприведенная формулировка — случайная ошибка, и что она противоречит всей моей концепции, всей моей установке в отношении Ленина. Поэтому говорить о недооценке мною Ленина как мыслителя вообще совершенно неправильно, если не захотеть приписать человеку то, чего у него нет»⁶⁵, — говорил он.

Деборин хорошо знал, что существовала и постоянно обсуждалась своеобразная *шкала неистинности*, которая заключала в себе три этапа отпадения от учения марксизма и практики социалистического строительства: это «отдельные ошибки», «система ошибок» и, наконец, самая неприятная форма отпадения — «уклон». На «отдельные ошибки» он был согласен, но категорически выступал против всякого обвинения в «системе ошибок» и тем более — в уклоне.

Он показал, что способен увлекать за собой аудиторию и даже при невыгодных для себя внешних условиях вызывать к своим словам сочувствие: «Так как я почему-то несу ответственность вообще за все науки, в том числе и за естествознание (*смех*), то должен сказать в

нескольких словах и по вопросу о естествознании. Кстати сказать, к той резолюции, о которой здесь говорили, я решительно никакого отношения не имел и не имею. Эта резолюция была принята по докладу О.Ю. Шмидта, и я даже членом этой комиссии не был. Так что напрасно все валят на мою несчастную голову (*смех*)»⁶⁶.

Да, его выступление не закончилось аплодисментами, — он на них и не рассчитывал. Но, будучи весьма харизматичным, Деборин вел себя так, как будто состоявшееся признание отдельных ошибок с его стороны ничего не изменило в нем самом: он остается авторитетом в философии марксизма — и поэтому позволяет себе формулировать *новые задачи философии*.

Необходимо укрепление связи философского фронта со всеми другими теоретическими фронтами — экономическим, историческим, с фронтом естествознания. Во всех этих положительных задачах должен ярко сказываться поворот, т.е. поворот в смысле проведения дальнейшей самокритики, с одной стороны, поворот в смысле обращения к актуальным задачам, с другой стороны, и поворот в смысле проникновения всей нашей работы партийностью⁶⁷.

В своем заключительном слове В.П. Милютин обратил внимание на то, что Деборин так и не сказал главного — того, чего от него добивались: «Это не только политические ошибки, это не только политические промахи: это является и теоретически ошибочным, принципиально ошибочным»⁶⁸.

Милютин заклинал, повторяя одно и то же: «Мы не хотим только формального признания ошибок и книжного поворота. Мы хотим действительного поворота в нашей теоретической работе <...> требуем партийности, а не только общих признаний»⁶⁹.

В целом результаты этого совещания оказались хотя и победными для власти, но все же не такими, как ожи-

далось. Деборин не признал главного, и, как заметил Милютин, Стэн и Карев не выступили с покаянными речами. Можно представить, какую злобу питал Сталин ко всему этому теоретическому фронту, если даже после сильнейшего давления на его руководителей никто из них не унизил себя, как это предполагалось по сценарию совещания в Коммунистической Академии.

Но бегство менее стойких сторонников Деборина все же началось. Они писали письма в Президиум Комакадемии с изобличением своей неверной установки. Едва ли не первым начал оправдываться секретарь правления ОВМД т. Бондаренко.

«Заявление» сохранилось в архиве академии.

Вот наиболее существенные его мотивы: «Ход событий на философском фронте убеждает меня со всей решительностью признать, что моя позиция в вопросах философской дискуссии и по отношению к философскому руководству была неправильная. Я проявил явно примиренческое отношение к той системе формалистических, а также политических ошибок, которые были допущены философским руководством в прошлой работе и которые оно не только решительно не признает, но продолжает, если судить по докладу т. Деборина в Комакадемии, а также по ряду выступлений сторонников философского руководства, углублять. Я признаюсь в том, что состоял членом правления ОВМД и заняв примиренческую позицию, тем самым не содействовал начавшейся волне самокритики, вскрытию допущенных ошибок и осуществлению действительного поворота философии на обслуживание практики социалистического строительства, на помощь партии в повседневной ее борьбе со всеми уклонами от генеральной линии. В обстановке ожесточенной классовой борьбы в стране, когда вновь имеют место атака на генеральную линию партии со стороны оппортунистов всяких

мастей, вопросы философской дискуссии приобретают исключительно политический смысл, поэтому дальнейшее колебание и нечеткость позиции в них не может не привести к серьезным политическим ошибкам. В этом свете необходимо решительно констатировать: отрыв философского руководства от политической борьбы партии, наличие системы формалистических ошибок, грозящих превращению марксистско-ленинской философии в бесплодную схоластику, оппортунистическую практику в осуществлении поворота (спускание на тормозах в признании ошибок, препятствование самокритике)... Исходными корнями этих ошибок являлось непонимание со стороны философского руководства роли философии как партийного оружия борьбы... Ошибкой философского руководства и в том числе моей являлось невнимательное отношение к тем предупредительным сигналам, которые давались центр(альными) орг(анами) партии. Осуждая свою прошлую позицию, отмеченную в ряде выступлений, считаю необходимым солидаризироваться с основными положениями статей в "Правде" и осудить статью "10-ти"»⁷⁰.

«Система ошибок» лучше, чем «уклон»: Бондаренко не хотел быть соучастником уклона и поэтому признался, что соучаствовал в следующей за «отдельными ошибками» стадии отпадения от истины марксизма, не доходя до последней.

Сразу же после завершения совещания была принята резолюция бюро ячейки ВКП(б) Института экономики «по вопросам философской дискуссии».

Решения были оформлены «пунктами». Первый: «необходимость поворота была провозглашена еще год назад т. Сталиным (речь на конференции аграрников-марксистов), но далеко не учтена...». Второй: Деборин, Карев, Стэн создали группу и не понимают значения этого поворота. Третий: можно признать заслуги

диалектиков в борьбе с механистами, но при этом деборинская школа недооценивает «до сих пор значение Ленина в развитии марксистской философии». Четвертый: в группе процветает схоластика, нет критики троцкизма. Пятый: институт экономики осуждает попытку Деборина осуществить «поворот на основе старой линии», это попытка «затушевывания ошибок». Из последующих пунктов интересны девятый и десятый. Девятый: «существующая обстановка со всей настойчивостью требует от философского руководства признания своих ошибок...». Десятый: «...ближайшими конкретными задачами на философском фронте являются: действительная разработка философского наследия Ленина, изучение диалектики в решениях партсъездов и в работах т. Сталина»⁷¹.

Примерно такое же решение было принято ячейкой ВКП(б) Института философии Комкадемии «О положении на философском участке идеологического фронта». И тоже — по «пунктам». Первый: «отставание теоретической работы от практики и недостаточная увязка с задачами социалистического строительства». Второй: «извращения, допущенные руководящими философскими кадрами, формалистическо-идеалистического характера». Третий: «недостаточная разработка ленинского наследия в области философии, на основе всей совокупности работ Ленина и опыта ленинской партии в области стратегии и тактики рабочего движения». Четвертый: «отсутствие работ по разоблачению методологических козней троцкизма и левачества». Пятый: недостаточная критика «правого уклона». Шестой: отсутствие борьбы с «рубинщиной». Седьмой: «слабое участие в антирелигиозной пропаганде». Восьмой: недостаточное развертывание «самокритики». Девятый: «отсутствие широкой коллективности в разработке научных проблем»⁷². И так далее...

Некоторые аспекты обвинения были развернуты.

«Ответ» десяти философов, как говорилось в резолюции, «направленный целиком против указанного выступления “Правды”, означает ни что иное, как стремление зажима начавшей развертываться большевистской самокритики в области философии»⁷³.

Говорилось также, что выступления Деборина, Карева и Стэна смыкаются с правыми и левыми атаками на партию: «Теперь уже не подлежит сомнению, что сопротивление повороту философской мысли к вопросам социалистического строительства связано многими нитями с право-оппортунистическими и “левыми” атаками на партию и ее генеральную линию...»⁷⁴.

В обвинение включалась связка двух элементов: неприятие «поворота» и нежелание «самокритики». Видно, что парторганизация правильно понимала тов. Сталина: это не разные кампании, это единое движение к созданию Культа Ошибки.

Такое формальное отношение к самокритике в условиях необходимости поворота философии к актуальным проблемам социалистического строительства есть выражение и проявление правого оппортунизма на практике⁷⁵.

Но избивание деборинской школы несколько не означало, что механисты оправданы. Напротив — удары по ним наносились еще более жесткие, чтобы никто не сомневался, что правильный ответ заключен в «правильной» диалектике: «Необходима борьба как с одной, так и с другой тенденциями, за диалектическое единство общего и частного в конкретно-всеобщем...»⁷⁶.

Сохранилась резолюция Президиума Комкадемии по докладам тт. Милютина и Деборина⁷⁷. Дошло до нас и заявление Деборина от 6 декабря 1930 г. в Президиум

Коммунистической Академии, в котором он не соглашался с принятой резолюцией⁷⁸.

Он писал, что в ней никак не отражены успехи философии — «действительные достижения». Почему нет ни слова о деятельности общества воинствующих материалистов-диалектиков?

Он никак не соглашался с тем, что лично недооценил ленинские труды по философии⁷⁹.

Он был против слов о недостаточной критичности к учению Гегеля, «так как это не соответствует действительности».

Он довольно резко возражал против спекуляций:

В разделе V, п. 2, сказано: «Однако не менее решительный отпор должен быть дан тем, кто подобно философскому руководству общими разговорами «о всей совокупности человеческого знания» пытается отделаться от актуальных проблем социалистического строительства». Здесь все поставлено на голову. Я всегда печатно и в устных докладах отстаивал необходимость изучения закономерностей переходного периода. Еще два года тому назад (как и в текущем учебном году), я поставил программу для семинара по актуальным проблемам социалистического строительства. Отсюда ясно, что я никогда не пытался «отделаться» от актуальных проблем социалистического строительства⁸⁰.

В личном архиве М.Б. Митина сохранилось в машинописном виде его письмо товарищу Сталину.

Это был своеобразный отчет о проделанной работе. Наверху письма было даже написано: «Сов. секретно», однако эти слова перечеркнуты карандашом.

Письмо не датировано. Знание о времени его составления весьма существенно для нас.

Попробуем разобраться с датирующими признаками.

Первый признак. Митин фиксирует как состоявшиеся факты статью «десяти» в ПЗМ, а также публикации в газете «Правда» и журнале «Большевик».

Второй признак. Митин упоминает аргументы, прозвучавшие на совещании в Коммунистической Академии, которое состоялось 17–20 октября 1930 г.

Третий признак. Митин пишет, что Деборин выступал на Президиуме Коммунистической Академии. Заседания проходили и во время вышеуказанного совещания и после него. Числа такие: 18, 20, 26, 28 октября и последнее заседание — 2 ноября 1930 г.

Четвертый признак. Он упоминает постановление ЦК о философском фронте, опубликованное в 10–12 номере ПЗМ за 1930 г. Оно датируется январем 1931 г., но было известно уже в декабре 1930 г.

Пятый признак. Митин не упоминает в письме событие, которое, если бы оно уже случилось, противоречило бы смыслу написанного. Митин писал своеобразный отчет о проделанной работе, чтобы иметь возможность встретиться со Сталиным. Он так и написал, что ждет этой встречи. Возможно, именно поэтому само письмо получило вначале статус письма «совершенно секретного». План Митина удался ровно наполовину. Сталин не захотел превращать встречу с Митиным и его товарищами в тайную беседу — слишком очевидна была бы его роль партийного интригана. Он сам приехал в ИКП на встречу с «молодыми философами». Это произошло 9 декабря 1930 года. Тогда понятно, почему Митин карандашом зачеркнул слова «сов. секретно», — никакого секрета уже не было.

Итак, все изложенные выше основания дают право утверждать, что письмо Митина было написано после 2 ноября 1930 г. и до 9 декабря 1930 г. Если Деборин отчаянно сопротивлялся резолюции Президиума Коммунистической Академии, то Митин столь же напористо пытался сломить сопротивление несломленного Деборина.

Митин писал:

«Тов. Сталин!

В связи с Вашим выступлением на конференции аграрников-марксистов, в котором были поставлены вопросы об отставании теории от социалистического строительства, партийная организация нашего Института поставила все эти вопросы на свое обсуждение в применении к положению на философском фронте. Во время этой дискуссии (в октябре 1930 г. — А.Ю.) обнаружились среди философов коммунистов значительные разногласия. Спорными вопросами этой дискуссии явились:

1. Вопрос о необходимости и характере поворота на философском фронте, о задачах и характере приближения теоретической работы к актуальным задачам социалистического строительства. Так называемое философское руководство (т.т. Деборин, Карев, Стэн и др.) не поняли ни существа, ни необходимости этого поворота. Вначале они развивали теорию исключительности философского фронта, считая, что отрыв теории от практики касается экономистов, правовиков и др., но не философов. В дальнейшем они стали говорить о повороте, вызываемом якобы только и исключительно «объективными причинами». Они не только не поняли необходимости поворота, но стали активно ему сопротивляться, повели борьбу с начавшейся самокритикой, продолжая по-прежнему групповым образом прикрывать политические и теоретические ошибки в своей среде»⁸¹.

Затрагивая в своем письме политические ошибки философского руководства, Митин пытался найти им место в уже имеющейся системе опознавания ошибок: «Этот аполитизм в работе философской группы Деборина был своего рода формой политики для ряда членов этой группы (Карев, Стэн). Они придерживались до последнего времени *всяких троцкистских положений* (курсив мой. — А.Ю.) об одном основном классе в переходный период...»⁸².

Митин фактически подсказал Сталину ту формулу, которую потом повторяло не одно поколение партийных работников. Он связал ошибки Деборина с аполитизмом, академизмом и вывел из всего этого «формалистический уклон». Это сложилось в одну линию поведения и мыслительной деятельности: Деборин несет в себе «старый груз», он по-прежнему «бывший меньшевик»⁸³.

В письме Митина упомянуто заседание Президиума Коммунистической Академии, на котором «т. Деборин признал ряд политических ошибок, но не признал теоретические ошибки (непонимание ленинизма в философии, наличие формалистического уклона и т.д.)»⁸⁴.

Завершалось письмо просьбой о встрече: «Ввиду всего этого дирекция и Бюро ИКП Фил(софии) и Ест(ествознания) просит Вас, тов. Сталин, принять нас для беседы по существу вопросов, поставленных настоящим письмом»⁸⁵.

Но Сталин приехал сам...

Он и объяснил коммунистам-философам, с кем они боролись весь этот 1930-й год, — они боролись с «меньшиствующим идеализмом»⁸⁶.

Разговор со Сталиным

М.Б. Митин во время встречи со Сталиным 9 декабря 1930 г. делал записи. Вождь партии давал прямые указания, отвечал на вопросы партийных философов. Все карты игры против Деборина были уже раскрыты, предстояло понять, куда и как двигаться дальше.

Сталин ответил кратко на то письмо, которое получил от Митина: «Все, что тут у вас написано, правильно (речь идет о письме Бюро ячейки к т. Сталину), только не все сказано. В критической части можно гораздо больше сказать. Оценка тут у вас дана правильная, только мягкая, недостаточная»⁸⁷.

Что же *главное* теперь, когда повержен Деборин?

Сталин дал общую установку для будущей жизни в марксистской философии под его руководством: «...**бить надо**».

Он спрашивал своих молодых подручных: «...есть ли у вас силы, справитесь ли? И в связи с этим отмечает: “если у вас силы имеются, — бить надо. Когда же у людей сил не хватает — они готовятся”»⁸⁸.

Идея «бить» превалирует над смыслом — фактически Сталин призывал бить за все, не ограничивая себя ни в чем.

Еще одно ключевое слово — «разворошить». Сталин не ждет от молодых философов нового синтеза, он ждет от них причинения врагу такого урона, после которого жизнь восстановиться уже не может.

т. Сталин — «Они (т.е. деборинская группа) занимают господствующие позиции в философии, естествознании и в некоторых тонких вопросах политики. Это надо суметь понять. По вопросам естествознания чорт знает что делают, пишут о вейсманизме и т.д. и т.п. — и все выдается за марксизм. Надо разворошить, перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Надо все разворошить, что написано деборинской группой, разбить все ошибочное. Стэна, Карева — вышибить можно; все разворошить надо»⁸⁹.

После «победы» над Дебориным среди сторонников Митина и Юдина не могла не возникнуть мысль, что теперь молодые «победители» будут создавать новую диалектику, станут новыми классиками марксистской философии. Во всяком случае, вопрос такого плана прозвучал. Сталин, судя по всему, заранее готовился к ответу на этот вопрос, и сделал все, чтобы они поняли его правильно.

Разработка марксистской диалектики *уже не может им, философам, принадлежать* — не их это уровень. Удел «победителей» — только «бить», громить, унич-

тожать, но под руководством того, кто всецело владеет *правом* на диалектику. Она перестала быть сферой самодостаточной, мыслительной, она превратилась в орудие нанесения смертельных ударов.

Эти мысли без особого труда «читаются» в иносказательных выражениях генсека.

На вопрос: «Является ли нашей главной задачей разработка теории марксистской диалектики» — т. Сталин отвечает: «Эта постановка слишком обща. Вопрос о разработке материалистической диалектики — это всегда главное. Маркс и Энгельс, Ленин разрабатывали теорию материалистической диалектики, всегда связывая это с важнейшими задачами классовой борьбы, которые стояли перед ними. Разрабатывать материалистическую диалектику теперь надо на основе и в связи с социалистическим строительством. Маркс и Энгельс, — продолжает т. Сталин, — начали свою большую работу с критики старого, с критики и разоблачения гегельской схоластики, всяких видов мелкобуржуазного и утопического социализма, старой политической экономии. Ленин тоже начал с этого. Он бил народников, струвистов, экономистов, меньшевиков. Ваша главная задача теперь — развернуть во всю критику. Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям, и там, где не били. Всем надо иметь секции, ячейки по специальностям. Надо специализироваться. Работать, не торопясь. В ходе борьбы вырастут кадры. Научатся в ходе философской борьбы. К чему приведут бои — трудно заранее сказать. Однако, несомненно, только такая критика и борьба даст большой толчок теоретической мысли, приведет к целому ряду новых теоретических вопросов и проблем.

Я — говорит т. Сталин — отнюдь не проповедую несмелость. Наоборот, — нужна смелость, однако, такая смелость, которая не переходит в легкомыслие⁹⁰.

Сталин показал, как он понимает технологию своей «диалектики». Она заключает в себе мысль, которая прямо не звучит, но умный человек понимает, о чем идет речь: *никто не прав*, кроме ЦК партии и Сталина!

На вопрос: «Являются ли механисты главной опасностью на данном этапе» — т. Сталин отвечает: «Да, пожалуй, главная опасность механисты. Они имеют более серьезные корни в жизни. Однако, нужно проявить особую бдительность к формалистам-деборинцам. С точки зрения тактики нашей теоретической борьбы надо обратить особое внимание на меньшевистствующий идеализм. Тут дело не во всем ясно. Формализм выступает под левацким прикрытием, подает свой материал под «левым» соусом. Молодежь падка на всякую левизну. А эти господа — повара хорошие. Мы в этом деле запоздали, а они слишком вышли вперед. Наряду со своим формализмом они придерживаются взглядов созерцательного материализма. Они хуже Плеханова. Диалектика для деборинцев точно как готовый ящик, а Гегель является иконой для них. Они берут Гегеля таким, каким он был. Они реставрируют Гегеля и делают из него икону. Маркс переработал Гегеля под углом зрения материализма, критиковал его, поднялся на высшую ступень⁹¹.

Сталин предложил оставить Деборина, «безнадежного человека», в редакции журнала, — «для того, чтобы было кого бить»! Но тогда, сказал он, надо оставить «и одного из механистов, только кого-нибудь пооборотистей».

У вас в редакции будет большинство. Редакция будет вашей школой. Вы тут внутри, в редакции будете иметь два фронта. Вы должны все вопросы проверять на этих двух фронтах, для того чтобы самим не ошибиться и не впасть с односторонность. В редакции будете учиться и знать противника. Имейте в виду, что редакция это не ЦК. Вам надо внутри редакции дискутировать, вести боевую, идеологическую борьбу и проверять каждый раз свою линию⁹².

Сталин сформировал отряд таких «теоретиков», которым надлежало думать не о философии, а о борьбе против идейных врагов, на которых укажет партия.

На вопрос: «Надо ли связывать борьбу на два фронта в области теории с непосредственно политическими уклонами в партии» — т. Сталин отвечает: «Можно и должно связывать, ибо всякие отклонения от марксизма, даже в самых абстрактных вопросах теории, приобретают политическое значение в обстановке обострения классовой борьбы. Однако, нельзя в этом деле упрощать. В теоретической борьбе важны не крепкие слова, а крепкие аргументы»⁹³.

Когда кто-то не слишком сообразительный спросил, нельзя ли ввести в редакцию журнала какого-то члена ЦК партии, Сталин пошутил так, как умел только он, — в его словах усмешка соединялась с ледяной угрозой...

В ответ на нашу просьбу ввести кого-нибудь из членов ЦК партии в состав редколлегии «ПЗМ» т. Сталин, улыбаясь, спрашивает нас: «Зачем вам это, народ у нас очень занятый. Или может быть вы собираетесь вести линию против ЦК?» и далее, обращаясь к нам, говорит: «Вот вы и будете представителями ЦК в редколлегии журнала». Далее т. Сталин еще раз напоминает нам: «Готовьтесь к боям. Не забудьте Рязанова. Вообще Институт Маркса и Энгельса у нас на отлете»⁹⁴.

Решающий рубеж

Номер 10–12 журнала «Под Знаменем Марксизма» за октябрь–декабрь 1930 г. вышел уже совершенно иным, — рубежом стала публикация постановления ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. В нем чеканными формулировками был вынесен окончательный вердикт не только деятельности журнала, но и шире — деятельности руководства философского фронта.

Первый пункт в мотивировочной части фиксировал «отрыв» теории от «практики»: «Несмотря на известные достижения, которые были в работе “Под Знаменем Марксизма”, в особенности по борьбе с механицизмом, представляющим попытку своеобразной ревизии

марксизма, журнал не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье «О значении воинствующего материализма», не стал боевым органом марксизма-ленинизма. Работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и от задач международного революционного движения. Ни одна из проблем переходного периода, теоретически разрабатываемых и практически разрешаемых партией, журналом не поставлена»⁹⁵.

Пункт второй весьма неопределенно утверждал о том, что журнал «исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма». Какая это «установка» — ни слова. Зато были названы имена главных руководителей: Деборин, Карев и Стэн. Они, как было сказано, «превратили журнал, особенно в последнее время, в свой групповой орган»⁹⁶.

Пункт третий — еще менее определенный: группа упомянутых лиц отрывала философию от политики и воскрешала «одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала — разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма»⁹⁷.

В итоговой части постановления говорилось о том, что журнал должен быть «боевым органом марксизма-ленинизма». Он обязан вести решительную борьбу «за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии. В области философии журнал должен вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, как главной опасности современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стэна и др.». Еще журнал должен «разрабатывать теорию материалистической диалек-

тики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции».

Было принято и кадровое решение. Новый состав редакции по-прежнему включал Деборина («воинствующего диалектика») и А.К. Тимирязева («механиста»). Введены были Митин и Юдин. Кроме них были: М.Н. Покровский, Э. Кольман, А.А. Максимов, В.В. Адоратский⁹⁸.

Идея сталинского самоутверждения не заключала в себе мысли, что кто-то, кроме него, победил.

Поэтому состав редакции был максимально уравновешен так, чтобы при случае можно было воспользоваться ненавистью и злопыхательством одних против других. Позиции Митина прочны, но до тех пор пока Сталин не решит, что они слишком уж прочны, — надо бы расшатать их, чтобы страх оказаться в положении битого и униженного сделал человека запуганным настолько, насколько это надо создателю Культа Ошибки.

Вслед за постановлением ЦК ВКП(б) шла редакционная статья под названием «Важнейший исторический документ»⁹⁹.

Пугающая пустота слов этой статьи угрожала человеку всяческими карами за неверные мысли, но при этом невозможно было понять, какие же мысли правильные. Борьба на «два фронта» обязывает считать пагубными уклонами практически все идеи, которые обсуждались в ходе дискуссии механистов и деборинцев.

Продолжая эти ленинские традиции, резолюция Центрального комитета клеймит и осуждает двоякого рода попытки ревизии марксистско-ленинской философии, с которыми должна вестись решительная и беспощадная борьба, т.е. механистическую ревизию диалектического материализма, являющейся в основном теоретической ба-

зой правого уклона, теоретической базой узколобого делчества, ползучего эмпиризма, самотека в работе, потери революционных перспектив и т.д. и идеалистическую ревизию марксизма, меньшевистствующий идеализм деборинской группы, являющейся в свою очередь в основном теоретической базой троцкистской, по существу социал-демократической «эмиграции» от конкретной действительности классовой борьбы, от практики социалистического строительства, от защиты и активного проведения в жизнь генеральной линии нашей партии¹⁰⁰.

Чрезвычайный интерес представляет собой следующий материал номера «Итоги философской дискуссии (Резолюция Бюро ячейки ИКП Ф(илософии) и Е(стествознания) от 29 декабря 1930 г.)». В резолюции сообщалось о приезде в ИКП т. Сталина и обсуждении в беседе с ним положения на философском фронте.

Если в деборинском периоде советской философии текст утверждал, что есть сторона правая и сторона неправая, — иными словами, всегда сохранялась смысловая точка опоры («единица смысла»), через которую осуществлялся коммуникативный акт, связь с читателем, — то **«текст сталинизма»** — это новое состояние, в котором присутствует сознательная агрессия и аннигиляция смысла. В таком тексте не может быть указана правая сторона — ее просто нет, ибо все неправы и всё неправильно! Это приводит общественное сознание к своеобразной семантической афазии — онемению сознания, ибо «текст сталинизма» взыскует только одного — признания вины.

Эти, по своему существу, меньшевистские, ревизионистские теории и «теорийки», в силу ряда причин и обстоятельств, прочно угнездились в отдельных теоретических областях. Меншевистская, контрреволюционная идеология рублинщины, являющаяся по своему существу экономической теорией II Интернационала, которая, несмотря на

прямые указания ЦК партии, до сих пор совершенно недостаточно критикуется и разоблачается, богдановско-механические теории Бухарина и др. в политической экономии, меньшевистско-струвистская концепция переверзевщины, воронщина и т.д. в литературоведении, критика которых до сих пор не поднята на соответствующую теоретическую высоту, блок механистической ревизии материалистической диалектики с открыто-меньшевистствующей: позитивистско-кантианской ревизией марксизма (Сарабьянов, Перов, Аксельрод, Тимирязев) и идеалистическая ревизия марксизма-ленинизма со стороны деборинской группы (Деборин, Карев, Стэн, Луппол, Франкфурт и т.д.) — в области философии и естествознания и т.д. и т.п. — все это звенья одной исторической цепи¹⁰¹.

Обозначим в схематической последовательности упомянутые теории:

Название	Коннотации
«Рубинщина»	Меньшевистская, контрреволюционная, экономическая теория II Интернационала
«Богдановско-механические теории Бухарина»	Достаточно названия: нет дополнительных коннотаций
«Переверзевщина»	«меньшевистски-струвистская концепция»
«Воронщина»	«меньшевистски-струвистская концепция»
«Блок механистической ревизии» (Сарабьянов, Перов, Аксельрод, Тимирязев)	«с открыто-меньшевистствующей» ревизией
Деборинская группа (Деборин, Карев, Стэн, Франкфурт)	«идеалистическая ревизия»

И чтобы не было сомнений — «все это звенья одной исторической цепи».

В список обвиненных входят все, кто вообще что-либо говорил или утверждал в области *сколько-нибудь* близ-

кой философии! Нет в списке того, кого еще нет. Но «текст сталинизма» составлен так, что не приходится сомневаться, — он будет дополняться новыми и новыми участниками «ревизии». Агрессия таким образом направлена на то, чтобы парализовать общественное сознание внушением вины за всякое самостоятельное суждение¹⁰².

Как товарищ Сталин стал «классиком марксизма»

В том же номере ПЗМ была опубликована статья Митина «К итогам философской дискуссии»¹⁰³, где была развернута критика «теоретических богов» с целью утвердить наконец своеобразный монотеизм в Культ Ошибки. Митин назвал первого павшего «бога» — И. Рубина, не скрывая легкого удивления тому, как он очаровывал прежде: «...год тому назад мы имели очень острую борьбу с рубинщиной и свержение этого “теоретического бога”, а ведь он бесспорно занимал, если не полностью, то в значительной степени, господствующее положение в области теории политэкономии»¹⁰⁴. Точно так же — и как бы в оправдание своей прежней неразборчивости, — Митин стал говорить о Деборине в ситуации не совершённого до конца действия — полного разоблачения: «...мы стоим перед “свержением” еще одного “теоретического бога” в области философии»¹⁰⁵.

Свержение «богов» неминуемо ставит вопрос о замене их богом единым. Митин это понял едва ли не раньше всех. Он подчеркнул, что только Сталин «в противовес неправильным установкам и ошибочным положениям» дал единственно правильное понимание ленинизма. Он вспомнил работу Сталина, на которую в деборинском времени философии принято было не обращать внимание, — это «Вопросы ленинизма» (1924).

Единый бог — единая установка религиозного сознания.

В противовес всем этим положениям, в противовес неправильным установкам и ошибочным положениям в этом вопросе во всех его вариантах мы имеем установку и решение этой проблемы, данное т. Сталиным еще в 1924 г., в его «Основах ленинизма» <...> Вот здесь дана единственно правильная постановка и решение вопроса о ленинизме в философии. Работы Ленина по вопросам теории диалектического материализма, его гениальное применение метода материалистической диалектики представляет собой не только возврат, после всех извращений и отступлений от диалектического материализма, которые мы имеем в эпоху II Интернационала, к диалектическому материализму в той формулировке, какой он дан Марксом и Энгельсом¹⁰⁶.

Митин сказал то, что хотел услышать Сталин:

...если действительно быть верным духу марксизма, а не его букве, если правильно понимать соотношение между методом и мировоззрением, между теорией и практикой, если понимать, что марксизм не застывшая догма, а живое развивающееся учение, то возможен только тот ответ, который дан т. Сталиным по вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма. Совершенно не случайно то обстоятельство, что правильное решение этого вопроса было дано еще в 1924 г. именно со стороны т. Сталина, ибо только он дал правильное, классическое решение вообще вопроса о соотношении между марксизмом и ленинизмом, выяснение вопроса о том, что такое ленинизм. Мы знаем, что как раз в те года появился ряд работ по ленинизму: работы Зиновьева, Бухарина. Из всех этих работ только лекции т. Сталина «Об основах ленинизма» являются наиболее последовательными, наиболее выдержанными с точки зрения марксистско-ленинского учения¹⁰⁷.

Чтобы больнее задеть еще не конца поверженного «теоретического бога», Митин попытался дать уничи-

жительную характеристику той ревизии марксизма, которая «сама часто бомбардирует открытый, поповский, контрреволюционный идеализм типа Лосева», но все же при этом является «трусливым идеализмом»¹⁰⁸.

Суть, стержень, ядро всех этих идеалистических шатаний состоит в том, что, оказавшись «в плену» у Гегеля, деборинщина не сумела найти правильное, т.е. материалистическое, разрешение вопросов о соотношении общего и особенного, рационального и эмпирического в познании...¹⁰⁹

Во всех прочих статьях этого номера имя Сталина присутствует почти в обязательном порядке. Но и в этой ситуации принуждения нет пока еще полного принятия нового «теоретического бога». В статье В. Рудаша «О некоторых основных понятиях механики и диалектики» имя Сталина вообще не упоминается. В других статьях он по-прежнему партийный авторитет, цитируются его партийные выступления и — гораздо реже — «Вопросы ленинизма», на которые уже указал Митин, как на основной руководящий философский текст.

Нет еще привычки философски размышлять словами генерального секретаря партии. Точнее сказать, — нет привычки не размышлять, а правильно цитировать.

Словом, Сталин еще не вошел четвертым элементом в имеющуюся «триаду» марксистского божества.

Но он на пути...

Чтобы приучить думать при помощи цитат Сталина, с первого номера (№1–2) ПЗМ за 1931 год начали практиковать публикацию редакционных статей, в которых демонстрировался образец для подражания.

Так, была опубликована статья от редакции «К вопросу о диалектике нэпа»¹¹⁰. Здесь уже нет ничего, кроме разнобразного повторения слов и высказываний тов. Сталина. Суггестия направлена на то, чтобы внушить глав-

ную мысль: диалектикой владеет правильно только он и никто другой.

Только оружие материалистической диалектики дает возможность правильно понимать путь нашего развития в условиях нэпа, внутренне-противоречивый характер этого развития. Именно диалектика марксизма-ленинизма, которой так владеет т. Сталин, дала возможность нашей партии выделить, выпятить руководящую основу противоречивого развития в условиях нэпа, за внешней поверхностью событий, за их нэповской «кажимостью» — видеть подлинный рост социализма, дающий возможность превратить «Россию нэповскую в Россию социалистическую»¹¹¹.

Перед тем, как объявить его классиком марксизма, необходимо было провести «артиллерийскую подготовку». Статья от редакции журнала не просто сообщает, — *она диктует*, как теперь надо писать о товарище Сталине, когда речь идет о диалектике, и в особенности — о ее применении в политике нэпа:

Для всякого рода метафизиков, для субъективиста, волюнтариста и механиста Троцкого, для эклектика и «цитатмастера» т. Зиновьева, для эклектика-механиста т. Бухарина и т.д. эта «хитрая» диалектика нэпа оказалась не под силу. Необходимость практически «соединить противоположности», да соединить их таким образом, чтоб обеспечить победу социализма, для антидиалектических методологических установок недостижима. Одни стали рассматривать нэп как капитализм, другие — только как отступление, третьи — только как свободу торговли и как свободу капитализма, и т.д. Наиболее последовательное в духе ленинизма понимание нэпа было дано в работах т. Сталина. Если проследить все формулировки, все основные положения т. Сталина о нэпе, начиная с 1924 г. после смерти Ильича, — то мы увидим исключительное богатое содержание, исключительно глубокое применение материалистической диалектики к оценке различных этапов в развитии нэпа. Ни механистическо-

го перенесения задач из одного этапа нэпа в другой, ни «логических» прыжков через неизжитые ступени в его продвижении, исключительное умение ставить задачи, выдвигать лозунги, как раз соответствующие данным специфическим этапам в развитии нэпа, смелое и решительное выдвигание новых вопросов и проблем, когда данный этап изжит и надо переходить к новому этапу, — вот это теоретическое богатство, данное в важнейшем вопросе пролетарской революции. Вот классическая, исчерпывающая постановка вопроса, бьющая по всякой рассмотренной выше односторонности, берущая вопрос в его многосторонности, но кладущая в основу определяющее развитие к коммунизму, данная т. Сталиным...¹¹²

Но даже после таких наставительных уроков цитирования некоторые статьи номера поражают своей аполитичностью. В статье Б. Быховского «Ленин и некоторые вопросы истории философии» Сталин не упоминается вообще! Гр. Баммель в статье «Рязановщина и меньшевизм» цитирует «Основы ленинизма», но при этом указывает на свою приверженность школе Деборина¹¹³.

Вместе с тем нарастает «самокритика», которая постепенно складывается в относительно широкую кампанию покаянных писем. В этом номере журнала такие письма опубликовали те, кто отрекся от прежнего «теоретического бога»: это И. Разумовский, Л. Рубновский, Г. Татулов, С. Васильев¹¹⁴.

Первый номер ПЗМ за 1931 г. (№1–2) фиксирует состояние перехода от одного типа мышления к другому, о чем свидетельствует страница журнала, в которой говорится о «литературе по философии и историческому материализму». Рекомендуют практически всех, кто был и прежде, но с комментариями. Труды Г.В. Плеханова получают дополнительную характеристику («обратить внимание на механические ошибки, географический

уклон»). По поводу сочинений Деборина сказано: «работать над указанной литературой критически». Труды Бухарина — только «для критики».

Без каких-либо ограничений в использовании: «Доклады тт. Сталина, Молотова, Кагановича, Орджоникидзе, Яковлева на XVI съезде ВКП(б)»¹¹⁵.

Следующий номер ПЗМ (№3, март) за 1931 г. начинался с редакционной статьи «К итогам всесоюзного совещания ОВМД».

Критика вновь направлена и против Деборина, и против механистов. «Борьба на два фронта: против механистов, как главной опасности в настоящее время, и против меньшевистствующего идеализма — такова партийная линия в области философии»¹¹⁶.

Ничего о том, что правильно. Подспудно внушается мысль, что «воля партии» и есть «диалектика» марксизма. Но воля партии — это абстракция, а воля Сталина — плоть и кровь в механизме новой системы.

Механисты, разлагая мышление на механические процессы, тем самым уничтожают мышление как специфическую, высшую форму движения материи, как способность отражения. Им ничего не остается, как стать на точку зрения всеобщей одушевленности материи, признавая ощущения, сознания извечным свойством и тем самым помогать укрепиться поповщине, также доказывающей вечное существование сознания, духа и т.п. Деборинцы же, абсолютизируя специфичность форм движения материи, по существу приходят к агностицизму, к отрицанию возможности познания мышления. Опять осталась открытой дверь поповщине. В самом деле, откуда у деборинцев взялась «храбрость» отрицать возможность безграничного изучения и познания молекулярных и химических процессов, происходящих в мозгу?¹¹⁷

Сразу после редакционной шла статья М.Б. Митина «Очередные задачи работы на философском фронте в

связи с итогами дискуссии». По этой статье видно, как партийный аппарат начал управлять движением философского фронта. Чего не хватает в настоящий момент? Ну конечно — самокритики! Потому что заставить людей подчиняться воле партии могла только кампания по саморазоблачению и самонаказанию.

Митин, скорее всего, получал прямые указания, на что обратить внимание в настоящий момент. Смысл идеологической задачи «здесь и сейчас» — соединить два ударных компонента в единое целое: это «самокритика» и «борьба на два фронта». Митин так и написал: «При проведении задач партийности философии, при проведении задач борьбы за генеральную линию партии, при проведении решительной и последовательной, невзирая на лица, самокритики и борьбы на два фронта, мы создадим те условия, которые дадут нам возможность реализовать постановление ЦК по вопросу о философском участке и создадим условия действительного превращения нашей теоретической работы в мощное оружие для обслуживания практики социалистического строительства»

Митин научился мыслить в русле сталинской диалектики, как никто другой. В его рассуждениях сначала заявлен тезис **А**:

...не противопоставлять развитие самокритики развитию положительной разработки вопросов. Жизнь не ждет и требует немедленной положительной работы¹¹⁸.

Затем следует тезис **В**:

Только в процессе критики ошибок, в процессе разоблачений разного рода ревизионистских теорий, взглядов, ошибок может выкристаллизоваться правильное положительное решение тех проблем, которые стоят перед западно-европейским историческим фронтом¹¹⁹.

Задача этой модели подавления — довести логику построения текста до абсурда (афазии): **А** и **В** по существу своему неправильные, хотя тезис **А** имеет внешнее оправдание до тех пор, пока не будет озвучен тезис **В**, который обнажит внутреннюю несостоятельность тезиса **А**.

Если Сталин под «диалектикой марксизма» всегда имел в виду свою волю, то Митин, усвоив первый урок, урок пропагандиста, всегда оставался только учеником, которого ни при каких обстоятельствах не допустят до обладания правами хозяина этой абсурдистской диалектики. Заменив собой в техническом плане Деборина, Митин никогда не узнает сладости обладания правом распоряжения истиной, каким обладал (пусть и недолго, меньше года) свергаемый партией большевиков прежний «теоретический бог»...

В третьем номере журнала за 1931 г. случилось то, что должно было случиться. Впервые в ПЗМ Сталин был причислен к лику «святого семейства» четвертым членом. В статье С. Петропавловского «Марксизм-ленинизм о победе социализма в одной стране»¹²⁰ речь шла о сталинском периоде строительства социализма. Теперь уже нельзя было поступить иначе, ведь никто из классиков марксизма не говорил, что социализм можно построить без мировой революции. Присоединение «четвертого члена» — это признание «марксизмом» теоретического постулата о возможности строить социализм в отдельной стране, который ни к Марксу, ни к Энгельсу не имел никакого отношения.

С. Петропавловский был первым в журнале ПЗМ, кто написал такое, — совершенно немыслимое в деборинском времени философии: «В этих положениях программы Коминтерна о пролетарской революции суммируется огромный опыт международного пролетариата и колоссальная теоретическая работа Маркса, Энгельса,

Ленина, Сталина»¹²¹. Подобное присовокупление, конечно, еще *не есть* окончательная форма марксистского «причастия», — скорее, это утверждение мыслеформы, позволяющей так делать, а не проформа, обязывающая делать это всегда и без рефлексии. В этой же статье Петропавловского упоминается и обычная «триада» классиков без Сталина¹²².

Генсек был очень осторожным человеком и весьма внимательно следил за тем, чтобы его прославление не превращалось в карикатуру. Нередко Сталин возмущался безудержным прославлением себя, но делалось это исключительно для того, чтобы не допустить «смех в зале», когда серьезное вдруг становилось смешным, когда «диктатор», как в известном фильме Чарли Чаплина, вдруг оказывался глупым и маленьким ребенком, играющим с воздушным шаром в виде планеты Земля.

В следующем номере ПЗМ (№4–5) за 1931 г. первой шла редакционная статья «Колхозное крестьянство как центральная фигура нашего земледелия». По задачам приучения философской публики к цитатам Сталина эта статья была образцово-показательной: вождь партии большевиков был буквально везде! Любой, кто отважится на эту тему, обязан будет теперь внимательно посмотреть, как надо об этом писать.

Шестой номер ПЗМ тоже начинался с редакционной статьи «За решительную перестройку форм и методов организации теоретической работы»¹²³. Тут тоже — никаких мыслей, только цитаты из трудов и выступлений Сталина: это ведь тот самый «поворот», которого безуспешно добивались от Деборина.

Выступления тов. Сталина и решения партии дают образцы большевистского анализа обстановки и вытекающих из нее новых задач, а также и новых форм работы. Они дают образец применения материалистической диалекти-

ки при раскрытии нового содержания каждого и намечают тактику партии для наилучшего решения задач, встающих перед пролетариатом в деле построения социализма. Они дают образец большевистской, ленинской борьбы на два фронта, непримиримости ко всякого рода политическим, теоретическим ошибкам и оппортунизму, к прямому скачиванию на рельсы ревизионизма¹²⁴.

Но что удивительно, — в этой насквозь официозной статье читаются строки, в которых можно слегка разглядеть фигуру стороннего наблюдателя, недовольного тем, что в философской аудитории идет недостаточно быстро процесс оболванивания. «Самокритика как постоянный основной метод в теоретической работе еще не привита. Оппортунистическим клеветническим “разговорчиком” среди некоторых “теоретиков” о том, что “сейчас нельзя ничего написать”: прав не прав, а проработают так, что “жарко станет” и т.п. дребедени нужно положить решительный предел»¹²⁵, — говорится в редакционной статье.

Наконец случилось то, что должно было случиться, но не по логике контекста, а по необходимости проформы, без всякого объяснения, почему это сделано: Сталин введен «четвертым членом» в «святое семейство» классиков, у которых нет и не может быть ошибок: «Серьезная переработка программ, актуализация и перенесение центра тяжести на современность, на изучение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и критику современных ревизионистских течений, понижывание всего курса действительной борьбой на два фронта, — вот что сменило значительное господство “беспристрастного” академизма и схоластики»¹²⁶.

Если в том же номере журнала в статье О. Танхилевича «Об историческом и логическом (К вопросу о гегелевском наследстве)» упоминается марксистская «триада» без изменений, то в статье Л. Маньковского «К вопросу о философских истоках меньшевистствующего идеализ-

ма» подобные вольности уже не проходят. Автор пишет: «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин видят в практике прежде всего ее революционную сторону»¹²⁷.

Если в статье Маньковского Сталин обязателен в качестве «четвертого члена», то в статье М. Тулепова в том же номере «Основы теории планового хозяйства в работах Маркса и Энгельса» он вроде как не обязателен по контексту, но тем не менее (уже проформы ради!) стоит в одном «святом» ряду: «Изучение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и наши партийные документы должны лечь в основу построения теории социалистической экономики»¹²⁸.

Однако никакой ритуализации упоминания Сталина не происходит. Кто-то внимательно следил за тем, чтобы не было перехлеста. Во всяком случае, в следующем номере ПЗМ (№7–8) за 1931 г. сам Митин в статье «К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма»¹²⁹ вообще не использует новую формулу коллективного «божества».

Из этого следует, что Сталин не хотел ритуализации своего имени, он добивался *большего*: сознательного поклонения ему, не формального, не формализованного, а чистосердечного. Страшно об этом говорить, но нельзя и не сказать: ему удавалось достичь такого живого, трепетного поклонения себе, которое каждый раз становилось одновременно и актом чистосердечного покаяния.

А. Стецкий, один из самых чутких угодников Сталина, в статье «К столетию со дня смерти Гегеля»¹³⁰, опубликованной в №11–12 ПЗМ за 1931 год, писал о марксизме, демонстрируя высшую «технику угодничества»: сначала речь идет формально о «божественной троице», а потом уже (по зову сердца!) формула «божества» расширяется включением «четвертого члена».

Стецкий знал, когда Сталину будет особенно приятно это расширение. Если бы он ритуально фиксировал имя Сталина — без понимания, зачем он это делает, — то Сталин имел бы все основания подозревать неискренность — и, хуже того, враждебные (но скрытые от него) мысли.

Требовалась искренность!

И Стецкий показывал, как говорится, «класс» в этом тончайшем ремесле. Он упоминал Сталина ровно тогда, когда тому это было бы особенно приятно.

Когда речь заходила о «диалектике», этой движущей силе рождающегося сталинизма:

«Во всех произведениях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина вы найдете величайшие образцы применения материалистической диалектики. Они имеются и в нашей практике, в нашей политике, в решениях нашей партии»¹³¹.

- ¹ Разногласия на философском фронте. М.; Л., 1931. С. 3.
- ² Там же. С. 4.
- ³ Там же. С. 5.
- ⁴ Там же. С. 6.
- ⁵ Там же. С. 13.
- ⁶ Там же. С. 15.
- ⁷ Личные отношения Милютина и Деборина были плохие: в 1929 г. на 2-й конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений между ними возникла перепалка, и Деборин довольно остро и пренебрежительно отзывался о Милютине (АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 254. Л. 157).
- ⁸ Разногласия. С. 16.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 18.
- ¹² Там же. С. 20.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 22–23.
- ¹⁵ Фурищик Ф. О либеральном и марксистском понятии этики // Большевик. 1930. №6.
- ¹⁶ Корсаков С.Н., Деборин М.Г. Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: повесть в документах и свидетельствах // Философский журнал. 2014. №1. С. 132.
- ¹⁷ Разногласия. С. 24.
- ¹⁸ Там же. С. 30.
- ¹⁹ Там же. С. 31.
- ²⁰ Там же. С. 35.
- ²¹ Там же. С. 37.
- ²² Там же. С. 40.
- ²³ Там же. 48.
- ²⁴ Там же. С. 50.
- ²⁵ Там же. С. 59.
- ²⁶ Там же. С. 60.
- ²⁷ Там же. С. 62.

- ²⁸ Там же. С. 75–76.
- ²⁹ Там же. С. 82.
- ³⁰ Там же. С. 85.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 97.
- ³³ Там же. С. 99.
- ³⁴ Там же. С. 99–100.
- ³⁵ Там же. С. 101.
- ³⁶ Там же. С. 122.
- ³⁷ Там же. С. 124.
- ³⁸ Там же. С. 124.
- ³⁹ Там же. С. 131.
- ⁴⁰ Там же. С. 133.
- ⁴¹ Там же. С. 134.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Деборин А.* Философия Маха и русская революция // Голос социал-демократа. 1908. №4–5. С. 3–12.
- ⁴⁴ Разногласия. С. 141–142.
- ⁴⁵ Там же. С. 143.
- ⁴⁶ Там же. С. 143.
- ⁴⁷ Там же. С. 157.
- ⁴⁸ Там же. С. 169.
- ⁴⁹ Там же. С. 217.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 220.
- ⁵² Там же. С. 219–220.
- ⁵³ Там же. С. 221.
- ⁵⁴ Там же. С. 222.
- ⁵⁵ Там же. С. 228–229.
- ⁵⁶ Там же. С. 229.
- ⁵⁷ Там же. С. 230.
- ⁵⁸ *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20–30-е годы). N.Y. 1981. С. 88.
- ⁵⁹ Разногласия. С. 256.
- ⁶⁰ Там же. С. 257.
- ⁶¹ Там же. С. 258.

- ⁶² Там же. С. 259.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. С. 262.
- ⁶⁵ Там же. С. 263.
- ⁶⁶ Там же. С. 264–265.
- ⁶⁷ Там же. С. 267.
- ⁶⁸ Там же. С. 270.
- ⁶⁹ Там же. С. 273.
- ⁷⁰ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 313. Л. 138–140.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Л. 144.
- ⁷³ Там же. Л. 145.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. Л. 146.
- ⁷⁷ Там же. Л. 186–194.
- ⁷⁸ Там же. Л. 195–195 об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 195.
- ⁸⁰ Там же. Л. 195 об.
- ⁸¹ АРАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 458. Л. 1.
- ⁸² Там же. Л. 2.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. Л. 9.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ *Алексеев П.В.* Дискуссия с механистами по проблеме взаимосвязи философии и естествознания // Вопросы философии // Вопросы философии. 1966. №4. С. 44–54; *Щеглов А.В.* Философские дискуссии в СССР в 20-х и в начале 30-х годов // Философские науки. 1967. №5. С. 110–118; *Павлов А.Т.* Исследование учеными процесса становления марксистской философии // Философские науки. 1977. №5. С. 34–44; *Волков Г.* Вознесение. О том, как Сталин сделался великим философом // Советская культура. 1988. №64 (6480); *Огурицов А.П.* Подавление философии // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 353–374; *Делокаров К.Х.* Идеологизация марксистской философии в 30-е годы и некоторые ее последствия // Общественная

мысль. Исследования и публикации. Вып. 2. М., 1990. С. 124–139; *он же*. Марксистская философия и сталинизм (К постановке вопроса) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 3. М., 1990. С. 68–85; *Брачев В.С.* Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. №4. С. 120–127; *Мехова А.А.* Политизация советской философии: истоки и последствия (на примере «Диалектиков» и их критики в 20–30-е годы) // Отечественная философия: Опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 3. М., 1990. С. 56–67; *На переломе. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов.* М.: Политиздат, 1990; *Мехова А.А.* Философские дискуссии «механистов» и «диалектиков»: философия и политика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1991; *Бессонов Б.Н.* Сталинизм как методология мышления и действия // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М.: Издательство РАГС, 1997. С. 78–88; *Демидов Ф.Д.* Гегелевская диалектика в зеркале философских дискуссий 20–30-х годов // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 20. М., 1997. С. 122–135; *Коршунов Н.Б.* Подавление инакомыслия и философская полемика в СССР в начале 30-х гг. // Философские науки. 2000. №4. С. 75–88; *Сеземан В.Э.* Большевицкая философия в Советской России // Философские науки. 2000. №2. С. 64–75; *Добренко Е.* Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2014. №3 (27). С. 26–64; *Он же.* Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2014. №4 (28) С. 253–298; *Сойфер В.Н.* Сталин и мошенники в науке. М., 2012; *Карпенко А.С.* Тоска по философии // Философ и наука, Александр Павлович Огурцов. М., 2016. С. 97–145.

⁸⁷ *Квасов Г.Г.* Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М. Деборина // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1992. Выпуск 10. С. 192.

⁸⁸ Там же. С. 193.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 195–196.

⁹¹ Там же. С. 194–195.

⁹² Там же. С. 196.

⁹³ Там же. С. 194.

⁹⁴ Там же. С. 196–197.

⁹⁵ ПЗМ. 1930. №10–12. С.1.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 2.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 5–24.

¹⁰⁰ Там же. С. 5.

¹⁰¹ Там же. С. 16.

¹⁰² С.Н. Корсаков писал: «От массовых репрессий раньше других пострадали прежде всего философы, работавшие в Ленинграде и на Украине. Ленинград всегда вызывал у Сталина ненависть как центр автономной воли, которую он пытался укротить на протяжении всего четвертьвекового периода своего властвования над Россией. В особенности масштабными репрессии в Ленинграде стали после убийства Кирова. В городе на Неве существовало Ленинградское отделение Института философии. В нем работали А.С. Айзенберг, И.М. Альтер, Г.С. Белицкий, П.А. Буханов, И.А. Вайсберг, С.Ф. Васильев, Х.И. Гарбер, Е.Ф. Гирчак, С.Л. Гоникман, Т.Н. Горнштейн, Ф.А. Горохов, М.З. Жив, Э.Г. Лурье, А.П. Маркузе, А.Р. Медведев, М.И. Мишин, А.А. Пресман, Л.О. Пипер, В.Н. Ральцевич, И.С. Серебров, Л.Ф. Спокойный, А.К. Столяров, О.М. Танхилевич, Г.С. Тымянский, В.Р. Ульрих, Я.М. Урановский, Ю.П. Штейн, М.Л. Ширвиндт, Р.А. Янковский. Все они были репрессированы, подавляющее большинство из них — расстреляны. В результате в сентябре 1937 г. Ленинградское отделение Института философии АН СССР пришлось закрыть. <...> Репрессии в отношении бывших сотрудников Института — деборинцев — шли в общем контексте массовых репрессий. В 1937 г. сама принадлежность к «контрре-

волюционной троцкистской группе Стэна, Карева и других» служила достаточным основанием для репрессирования. Именно такая формула, например, была записана в обосновании на арест работавшего длительное время в Институте философа И.Я. Вайнштейна. <...> Обреченными становились те, в ком руководящая группа Митина видела потенциальных конкурентов. Так было репрессировано полтора десятка философов, входивших в так называемую «шабалкинскую группу». Это были преподаватели и слушатели Института красной профессуры философии, коллективно выступившие в 1931–1932 гг. против монополии группы Митина — Юдина в философии. К ним относились: Г.П. Адамян, К.И. Амелин, Б.И. Базилевский, Н.М. Волошин, Г.Ф. Дмитриев, А.Е. Евстафьев, В.Е. Колоколкин, И.Д. Леонов, П.М. Лепешев, П.Ф. Липендин, П.И. Новик, А.И. Сухно, И.Г. Тащилин, А.И. Токарев, М.М. Фурщик, П.И. Шабалкин, В.С. Шевкин» (*Корсаков С.Н. Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е гг.) // Философский журнал. 2012. №1. С. 125–126.*

¹⁰³ ПЗМ. 1930. №10–12. С. 25–59.

¹⁰⁴ Там же. С. 26.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. С. 32.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 43.

¹⁰⁹ Там же. С. 49.

¹¹⁰ ПЗМ. 1931. №1–2. С. 1–11.

¹¹¹ Там же. С. 7.

¹¹² Там же. С. 8.

¹¹³ Там же. С. 71.

¹¹⁴ Там же. С. 250–252.

¹¹⁵ Там же. С. 253.

¹¹⁶ К итогам всесоюзного совещания ОВМД // ПЗМ. 1931. №3. С. 11.

¹¹⁷ Там же. С. 9.

¹¹⁸ Там же. С. 18.

¹¹⁹ Там же.

- ¹²⁰ *Петропавловский С.* Марксизм-ленинизм о победе социализма в одной стране // ПЗМ. №3. С. 79–111.
- ¹²¹ Там же. С. 102.
- ¹²² Там же. С. 107.
- ¹²³ За решительную перестройку форм и методов организации теоретической работы // ПЗМ. 1931. №6. С. 1–14.
- ¹²⁴ Там же. С. 2.
- ¹²⁵ Там же. С. 8.
- ¹²⁶ Там же. С. 9.
- ¹²⁷ Там же. С. 58.
- ¹²⁸ Там же. С. 126.
- ¹²⁹ *Митин М.* К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма // ПЗМ. 1931. №7–8. С. 9–32.
- ¹³⁰ *Стецкий А.* К столетию со дня смерти Гегеля // ПЗМ. 1931. №11–12. С. 1–5.
- ¹³¹ Там же. С. 4.

Вместо заключения

В Париже в 1932 г. в издательстве YMCA PRESS увидела свет книга русского философа и публициста Николая Александровича Бердяева, которая не могла не удивить своей тематикой и названием: «Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм». Автор счел необходимым объяснить, что он прочитал довольно значительный объем советской литературы по философии без удовольствия («чтение не очень приятное»), но с живым интересом. Ибо в «советской России сейчас вырабатывается целостное философское мировосприятие, которое есть марксизм-ленинизм, обогащенный опытом революции в конструктивный период»¹. Бердяев известил читателя о круге своего чтения: это — ежемесячный журнал «Воинствующий атеизм» за 1931 г., коллективная монография «Исторический материализм» под редакцией В.Н. Ральцевича («книгу эту можно считать основной энциклопедией марксизма-ленинизма»), сборник статей и выступлений против философского руководства во главе с А.М. Дебориным «За поворот на философском фронте» (1931), ежемесячный научно-методический журнал «Антирелигиозник» за 1931 г., «Сборник программ и метод разработок по переподготовке антирелигиозного актива» за 1931 г., статья В.И. Ленина «О религии», брошюра Е.М. Ярославского «На антирелигиозном фронте» (1924), книжка С.Н. Худякова «Классовая борьба и религия» (М., 1931). Бердяев выразил сожаление, что ему не удалось найти

журнал «Под Знаменем Марксизма», «который представляет не генеральную линию, а группу Деборина», но подчеркнул при этом, что ему известны классические труды Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина по марксизму, — отвергнутые в настоящий момент. Словом, круг чтения, хотя и неполный, но вполне репрезентативный для анализа того нового, что появилось с тех пор, как Бердяев вынужденно покинул родину на «философском» пароходе в 1922 г.

Удивительно было прежде всего то, что те авторы «классического» марксизма, которых Бердяев не без оснований считал классическими, стали восприниматься в конце 20-х — начале 30-х гг. как отвергнутые советской властью за неверное, искаженное объяснение марксизма-ленинизма. Иными словами, когда Бердяев спорил с материализмом в годы Первой русской революции, он спорил с теми, кого теперь в Советской России считают еретиками.

Что же заставило советских философов так яростно опровергать прежних классиков марксистской науки? Н.А. Бердяев удивился поражению своих идейных противников от их же идейных «сторонников». Его эмигрантские размышления о советской философии трудны для восприятия, если не знать, как менялся философский контекст в зависимости от точки наблюдения. Можно подумать, что Бердяев просто в силу удаленности не понимал, как устроена мыслительная деятельность советских философов. И его удивление — лишь плод разноконтекстуальных состояний наблюдателя и наблюдаемого.

Но так ли это?

В эпоху наибольшей остроты философской полемики, в годы Первой русской революции, Бердяев рассматривал марксизм как русский материализм с позитивистской направленностью ее активных адептов: А.А. Бог-

данова, А.В. Луначарского, В.А. Базарова и некоторых других. Спор шел между «идеализмом» сторонников русского ренессанса, стремившихся оправдать и утвердить метафизику ницшеанского творчества личности как первооснову реальности и даже всего мироздания, и «позитивизмом» сторонников русского марксизма, утверждавших незыблемость эмпирического превосходства всякой социальности над личностью, всякой общности (партии, класса, человечества) над индивидом, не способным подняться выше своего «мещанского» быта. В основе русского позитивизма было стремление полностью изжить метафизику — не только идеалистическую, но и марксистскую тоже. Позитивизм нес в себе, в своей установке, психологию утилитаризма, которая ярко выразила себя в первые годы Советской власти в творчестве представителей Левого фронта².

В 1908 г. В.И. Ленин написал свой главный философский труд «Материализм и эмпириокритицизм». Это был ответ эмпириокритикам: А.А. Богданову, А.В. Луначарскому и В.А. Базарову. В этой работе он защищал марксистскую «метафизику» — диалектическое учение, выступая решительно против сторонников исключительно «опытного» знания. Особенно его раздражала книга А.А. Богданова «Эмпириомонизм», опубликованная в 1906 г., — она и послужила толчком к написанию большого теоретического труда. Богданов ответил на критику, написав статью «Вера и разум», в которой утверждал, что Ленин мыслит не как ученый, а как религиозный деятель.

Труд Ленина не произвел на модернистов особого впечатления: ленинская полемика была направлена на внутрипартийные вопросы. Тем не менее, С.Н. Булгаков, бегло комментируя ленинский труд, удивлялся не творческим соображениям автора, а неподражаемому стилю публицистической ругани. Только после победы боль-

шевииков философская работа Ленина стала обсуждаться как центральный труд марксизма-ленинизма, без которого немыслим истинный материализм...

Книга Бердяева (1932) была написана в период перехода от одного состояния философского фронта к другому, и русский философ обратил внимание на создаваемую новую целостность марксизма, с которой прежде не сталкивался.

Всё ли понимал Бердяев, находясь за границей и не имея возможности узнать о событиях в стране из первых рук?

Нет — далеко не всё.

Н.А. Бердяев похвалил предпосылку философских дискуссий, обращенных к идее о соединении теории и практики. Как будто движение к «практике» было осознанной потребностью философской мысли, а не хитрым способом овладеть сознанием ученых, заставить их подчиняться директивам партии.

Наиболее оригинальной и по-своему сильной в марксистско-ленинском мировоззрении является идея неразрывного соединения теории и практики. Основным грехом признается разрыв философии и политики, теоретического созерцания и практики строительства жизни. Чисто теоретическая мысль уже тем самым признается буржуазной³.

Но в целом Бердяев глубоко и точно характеризовал состояние философии в СССР, увидев ясно, каково это движение мысли от одного состояния к другому. Сама точка наблюдения и идеалистический контекст наблюдателя делают его замечания характеристикой советской философии со стороны настоящих идейных врагов материализма и марксизма, со стороны тех, кто называл себя идеалистами и не верил, что возможна материалистическая философия (таковой, в частности, была точка зре-

ния С.Н. Булгакова). Но именно в этом контексте и понятна позиция Бердяева, который со времен Первой русской революции боролся с сугубо материалистической (эмпирической) философией, ставшей в СССР едва ли не врагом «истинного» марксизма в лице «механистов».

Он с волнением писал о главной метаморфозе материализма — о превращении сталинского марксизма в разновидность... идеализма:

Механицизм отрицает самодвижение в материальной природе, считает материальную природу вечной и неизменной. Это есть взгляд французских материалистов XVIII века. Механицизм не видит внутреннего противоречия в материи и возникающего отсюда самодвижения. Именно поэтому он не диалектичен. И действительно Бухарин не имеет понятия о диалектике. Он признает антагонизм без диалектики. Но механистически, не диалектически нельзя разрешить внутренние противоречия. Диалектика и должна быть настоящей философией борьбы, активизма⁴.

«Диалектический материализм» — этот победный клич в борьбе с «механистами» и такой же победный клич в борьбе против философской школы Деборина — был для Бердяева нелепым соединением несоединимого: что-то должно исчезнуть — либо материализм, либо диалектика! Оксюморон хорош как образ, но не как вещь, которой и быть-то не может. Сталинский марксизм совершил чудо, по мысли Бердяева, он превратил материю мертвую в материю одухотворенную!

Мир есть движущаяся в пространстве и времени материя. Это есть абсолютная истина об абсолютном бытии. Но материя наделяется необычайными свойствами, все богатство бытия переносится внутрь материи, *материя делается духовной, она полна внутренней жизни, в ней есть мысль, есть логос, есть свобода* (курсив мой. — А.Ю.). Не только ощущение свойственно материи, но и безмерно больше, чем ощущение⁵.

Бердяев продолжал эту мысль:

Самодвижение материи есть основная идея диалектического материализма и она получает такое развитие в генеральной линии советской философии, которое можно назвать новшеством и оригинальным творчеством по сравнению со старым марксизмом. Эта метафизическая идея самодвижения должна объяснить и оправдать всю коммунистическую политику⁶.

От прежнего детерминизма не остается и следа! А сколько копий было поломано самим Бердяевым в доказательствах обратного? Оказалось, что диалектический материализм способен переделать себя изнутри.

Более того — в основе такой философской системы должна быть своя доктринальность, отвечающая интересам самодвижущейся материи. И Бердяев признает ее неизбежность.

Само ленинское учение — своеобразная форма *крайнего идеализма*:

Необходимо философски оправдать возможность пролетарской революции и пролетарской диктатуры *независимо от развития производительных сил* (здесь и далее курсив мой. — А.Ю.) и от численности пролетариата, обосновать эту возможность на качестве революционного класса и руководящей революционной партии. Это есть, конечно, существенное изменение марксизма. *Ленинизм не есть уже марксизм. Это есть философия качества, а не количества, своеобразная форма идеализма и очень крайнего идеализма*. Сама действительность, с которой имеет дело русский коммунизм, в значительной степени мозговая, идеалистическая, фантасмагорическая действительность. Но это лишь доказывает мощь идеи, мощь человеческой активности, преображающее значение мифов и фантазмов. Самый факт существования советской коммунистической России есть опровержение материализма⁷.

Но если марксизм превращается в гилозоизм, в философское учение о всеобщей одушевленности материи, то, может быть, нет тогда и конфликта между материализмом и идеализмом, как думал прежде, в эпоху Первой русской революции, Николай Бердяев? Разве нельзя меж «идеалистами» договориться?

Нет! Это исключено.

Поразительно, что идеалистический поворот внутри марксизма нисколько не изменил сущности аргументов Бердяева в неприятии марксизма со времен Первой русской революции. Разве это не парадокс? Ведь сама марксистская мысль изжила в себе механистическую, детерминистскую, эмпирическую логику, с которой не соглашался Бердяев. Это верно — изжила, но остался неустранимым главный элемент русского марксизма, как в устах Богданова, так и в устах Ленина, — крайнее неприятие личности, основополагающего начала всякого бытия. Идеалистическая сущность религии ленинизма, равно как и сталинизма, не допускала и мысли, что философское творчество индивидуально: «Генеральная линия должна угадать и уловить *философию коллектива* (курсив мой. — А.Ю.), она должна быть совершенно свободна от всяких индивидуальных мнений и уклонов, в ней мыслит сама коммунистическая партия, сам пролетариат, пришедший к сознанию»⁸.

Бердяев буквально повторил в своей книжке то, о чем писал еще в начале века: как будто и не было никаких метаморфоз материалистической диалектики, как будто и не покидал он страну вынужденно, ибо главный мотив давнего спора между двумя лагерями, модернистским и позитивистским, оставался по-прежнему непреодолимой стеной, отделяющей философию о сверхличностных началах бытия от философии безличного процесса, безличного творчества, в котором нет и не может быть истинного бытия даже в «упаковке» крайнего идеализма⁹.

Возникающая в конце 20-х годов идеология сталинизма имеет все признаки особой *религиозной* практики.

«Крайний идеализм», о котором писал Бердяев, вызревал в спорах диалектиков и механистов. Можно с уверенностью говорить о том, что погибшая школа Деборина в области марксистской философии сделала все возможное, чтобы Сталин с наименьшими потерями взял под свой контроль теоретический фронт. Деборин — соперник Сталина и одновременно его идейный предшественник.

Сталин довел диалектические спекуляции деборинцев до *своего* логического завершения — переступив ту грань, которая отделяла разум марксиста от разума деспота.

Он создал Культ Ошибки.

Диалектика «самодвижения» материи предусматривала постоянный переход противоположностей друг в друга с новым качеством. В сердцевине этого самодвижения пребывает не просто *ничто*, а «нулевая» парадигма. В ней залегает идея о соединении неопределенности смысла с демиургом. Ведь кто-то же должен устанавливать правильный и истинный смысл диалектических противоречий!

Сразу же после опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под Знаменем Марксизма» (январь 1931 г.) возникает «текст сталинизма», который демонстрирует, как устроен Культ Ошибки.

Никто не может быть прав!

В «текст сталинизма» включаются *все имеющиеся* точки зрения, мнения, концепции, чтобы обнажить в них неполноту истинного смысла и враждебность марксизму-ленинизму, с которым таинственно соединяются только «Центральный Комитет» партии и лично товарищ Сталин. Ясно, что не коллектив решает судьбу правильного смысла, а человекобог, который демонстрирует

в своей «практике» невозможность для всякого человека постичь истинную диалектику противоречий.

Ибо в этой религиозной практике поклонения Культурной Ошибке не было ничего, кроме утверждения абсолютной воли демиурга, меняющего смысл по своему хотению. Опустошение философии в конце 20-х годов завершилось Культурой, который превращал философию в служанку своеобразного сталинского богословия.

В данном исследовании впервые выявлена технологическая модель внушения. Эта модель (условно: А–N–B) была призвана парализовать волю всякого, кто соглашался с важнейшим сталинским тезисом о необходимости борьбы на два фронта. Если человек соглашался, а не согласиться он не мог, — это установка всей большевистской партии — то в дальнейшем технология лишь показывала неизбежность *однобокости* (любимое словечко Сталина) *всякого мнения*, без упоминания о том, какова же правильная точка зрения.

Технология суггестии (А–N–B) дополнялась технологией устрашения, ибо всякий Культ, имеющий религиозную основу, держится на страхе нарушения предписаний.

Сталин создавал ситуацию, в которой каждый, кто не совпадал с истиной, — а никто с нею и не мог совпадать, — обязан был чувствовать *свою вину* перед партией, ее Центральным Комитетом.

Формирование чувства вины — главное, ради чего создавался Культ Ошибки.

Кампания «критики и самокритики», начавшаяся в 1928 году, была мощнейшим орудием такого устрашения. От каждого требовалось очистить себя от скверны ошибок — рассказать правду, покаяться! Мотив большевистской правды (покаяния) сводил с ума многих умных людей, не замечавших, что любое признание в ошибках может быть повернуто — и поворачивалось — против

них же, людей искренних и честных... Собственно говоря, от школы Деборина изначально требовалось только одно — признание теоретических ошибок. Деборинцы сопротивлялись культу, направленному на ниспровержение естественных прав всякого человеческого разума.

Опустошенная сталинская схоластика, утверждавшая примат воли над смыслом, победила последние остатки большевистской рациональности. Вследствие этого «поворота» никто не знал и не мог знать, какова его личная вина перед партией, — она становилась имманентной, беспричинной и безграничной.

- ¹ Бердяев Н.А. Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм. Paris; YMCA PRESS, 1932. С. 1.
- ² Юрганов А.Л. Судьба русского модернизма. Жизнь и творчество Марка Криницкого. М. 2019. С. 387–411.
- ³ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 5.
- ⁴ Там же. С. 10.
- ⁵ Там же. С. 16.
- ⁶ Там же. С. 10.
- ⁷ Там же. С. 20.
- ⁸ Там же. С. 8.
- ⁹ Там же. С. 7.

Содержание

Глава первая	3
Глава вторая	59
Глава третья	144
Вместо заключения	219

Научное издание

Андрей Львович Юрганов

**КУЛЬТ ОШИБКИ.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФРОНТ И СТАЛИН
(середина 20-х — начало 30-х гг. XX в.)**

Дизайн обложки и верстка Я.В. Быстрова
Корректор С.А. Арасланова

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов П.В.

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Продукцию ведущих гуманитарных научных издательств Санкт-Петербурга и России вы можете приобрести у нас по издательским ценам.

Контакты:
в Санкт-Петербурге
Тел. (812) 640-08-71, e-mail: ukniga@westcall.net

Подписано к печати 14.12.2019. Формат 60х90 ¹/₁₆. Заказ № 1514.
П.л. 14,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80

ЮРГАНОВ
Андрей Львович
(1959 г.р.)

Доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой истории России средневековья и нового времени Историко-архивного института РГГУ, автор исследований по истории русского средневековья, истории исторической науки XX в., русского модернизма. В настоящее время в поле зрения исследователя — социокультурная природа сталинизма, механизмы власти. Работы историка определяются как историко-феноменологические, с углубленным изучением исторических форм самознания человека.

